

ISSN 2782-6627

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

№ 4 (11)
2023

Научный журнал

Сетевое издание

Издается с 2021 года

Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

4 (11) 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.Заместитель главного редактора, редактор серии: *Г. Г. Торотов*, к. филол. н.Выпускающий редактор *Л. Е. Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Дашиинимаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуку*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав.кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию)

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

4 (11) 2023

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences
Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences
Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team of the Series:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuva University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Сагындыкулы Б., Адамова А. А.</i> Междисциплинарный характер научных сентенций казахских лингвистов (начало XX столетия)	5
<i>Чертыкова М. Д., Каксин А. Д.</i> Глагольная репрезентация эмоционального мира богатырей: на материале хакасского героического сказания «Албынчы»	16

ИССЛЕДОВАНИЕ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Варламов А. Н.</i> Концепт «движение» в эвенкийской фразеологии	27
<i>Иванова А. В., Осипова С. И.</i> Внедрение терминов на эвенкийском языке на уроках математики в начальной школе	37
<i>Ушницкая Н. Ю.</i> Языковые репрезентации концепта «огонь» в лингвокультуре эвенков	47

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВ

<i>Николаева Н. А., Сонг Мунг Ненг.</i> Отношение корейского языка к алтайской языковой семье	59
<i>Сорова И. Н., Неустроев К. К.</i> Соматизмы в географической лексике якутского и хакасского языков	67

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

<i>Орозобекова Ж. К.</i> Значения мастей боевого коня и эпическая традиция	75
<i>Фейзан Гохер Балчин.</i> Звериный стиль в музыке Сибири и Средней Азии	83

ИТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Сулейманов Д. Ш., Гильмуллин Р. А., Прокопьев Н. А., Галимов М. Р.</i> Когнитивные исследования лексико-грамматического потенциала татарского языка для создания новых интеллектуальных систем обработки данных	92
--	----

CONTENT

RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

<i>Sagyndykuly B., Adamova A. A.</i> Interdisciplinary nature of scientific maxims of Kazakh linguists (early twentieth century)	5
<i>Chertykova M. D., Kaksin A. D.</i> Verbal representation of the emotional world of heroes: based on the material of the Khakass heroic legend «Албынчы»	16

STUDY OF THE TUNGUSIC-MANCHU LANGUAGES

<i>Varlamov A. N.</i> The concept of «movement» in Evenki phraseology	27
<i>Ivanova A. V., Osipova S. I.</i> Introduction of terms in the Evenki language in mathematics lessons in primary school	37
<i>Ushnitskaya N. Yu.</i> Linguistic representations of the concept «fire» in the linguoculture of the Evenks	47

COMPARATIVE STUDY OF ALTAIC LANGUAGES

<i>Nikolaeva N. A., Song Moon Young.</i> Korean language attitude in the Altai language system	59
<i>Sorova I. N., Neustroev K. K.</i> Somatisms in the geographical vocabulary of the Yakut and Khakass languages	67

LANGUAGES AND CULTURES OF THE PEOPLES OF THE ALTAIC LANGUAGE FAMILY

<i>Orozobekova J. K.</i> The values of the warhorse suits and the epic tradition	75
<i>Feyzan Göher Balçin.</i> Animal style in Siberian and Central Asian Music	83

IT IN THE STUDY OF ALTAIC LANGUAGES

<i>Suleymanov D. Sh., Gilmullin R. A., Prokopyev N. A., Gilmullin R. M.</i> Cognitive researches of the Lexical and Grammatical potential of the Tatar language for the Development of New Intelligent Systems	92
--	----

– ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-5-15

УДК 81с272

Междисциплинарный характер научных сентенций казахских лингвистов (начало XX столетия)

Б. Сагындыкулы, А. А. Адамова

Павлодарский педагогический университет имени Алкей Маргулана.

г. Павлодар, Республика Казахстан

E-mail: kasabek65@mail.ru

E-mail: adamova.aysulu@gmail.com

Аннотация. Лингвистика является одной из общественных наук и изучает различные характеристики и функции языка. Различные особенности внутренней системы языка изучаются и применяются к лингвистике. В то же время лингвистика развивается и изменяется под влиянием любых внешних общественных явлений. В указанных свойствах языка авторы статьи убеждаются, применяя к объекту учения естествознания. Это можно утверждать как конфликтологический аспект языкознания, то есть конфликтологический аспект может доказать актуальность статьи. Цель статьи – дифференцировать научные выводы первых казахских лингвистов лингвобиологического характера. Эта цель требует решения как минимум двух задач: 1) знакомит первых казахских лингвистов с общей евразийской научной средой и распространяет их научно-педагогические труды; 2) обязывает решать общие межнаучные отношения через отношения человека и языка, языка и биологии, языка и речи, языка и мышления. В качестве методологии статьи рассматриваются первые научные труды казахских учёных (А. Байтурсынулы, К. Жубанулы, С. Аманжолулы) и их научные принципы были в центре внимания. Были приведены конкретные примеры и факты названных ученых, относящиеся к родственному тюркскому языку (казахскому, чувашскому, якутскому). Кроме того, материалы словаря казахского литературного языка и информация из Википедии дали много методической информации. Статья основана на методах исторического сравнения, научного анализа, оценивания и сбора данных. Основные результаты статьи получены в отношении языкознания и естествознания. Аналогичным образом представленные в небольшом объеме проблемы палеонтологии речи и патопсихолингвистики заставляют задуматься исследователей и приводят к изучению общенаучных исследований в этом направлении.

Ключевые слова: история языка, языковые личности, палеонтология речи, патопсихолингвистика, речь, мысль, субъект, грамматический строй языка

Для цитирования: Сагындыкулы Б., Адамова А. А. Междисциплинарный характер научных сентенций казахских лингвистов (начала XX столетия) // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-5-15

САГЫНДЫКУЛЫ Бекен – д. филол. н., профессор, Павлодарский педагогический университет имени А. Марғұлана, Республика Казахстан.

E-mail: kasabek65@mail.ru

SAGYNDYKULY Beken – doctor of philological sciences, professor, NCAS «Pavlodar pedagogical University named after Alkey Margulan». Pavlodar, 140000, Republic of Kazakhstan.

АДАМОВА Айсулу Амангелдиновна – докторант, Павлодарский педагогический университет имени А. Марғұлана, Республика Казахстан.

E-mail: adamova.aysulu@gmail.com

ADAMOVA Aisulu Amangeldinovna – Of the Doktor, NCAS «Pavlodar pedagogical University named after Alkey Margulan». Pavlodar, 140000, Republic of Kazakhstan.

Interdisciplinary nature of scientific maxims of Kazakh linguists (early twentieth century)

B. Sagyndykuly, A. A. Adamova

Pavlodar pedagogical University named after Alkey Margulan.

City Pavlodar, Republic of Kazakhstan

E-mail: kasabek65@mail.ru

E-mail: adamova.aysulu@gmail.com

Abstract. Linguistics is one of the social sciences and studies the various characteristics and functions of language. Various features of the internal system of language are also studied in relation to linguistics. At the same time, linguistic knowledge develops and changes under the influence of external social phenomena. The authors of the article are convinced of this property of language by applying natural science teachings to the object. This can be argued as a conflictological aspect of linguistics. This means that the conflictological aspect can prove the relevance of the article. The purpose of the article is to differentiate the scientific conclusions of the first Kazakh linguists of a linguobiological nature. This goal requires the solution of at least two tasks: 1) introduces the first Kazakh linguists to the common Eurasian scientific environment and disseminates their scientific and pedagogical works; 2) obliges to solve general interscientific relations through the relations of man and language, language and biology, language and speech, language and thinking. The first scientific works of the first Kazakh scientists are considered as the methodology of the article. In particular, the scientific principles of A. Baitursynuly, K. Zhubanuly, S. Amanzholuly were in the spotlight. Given specific examples and facts related to Turkic languages (Kazakh, Chuvash, Yakut) were given. In addition, materials from the dictionary of the Kazakh literary language and information from Wikipedia provided a lot of methodological information. The article is based on the methods of historical comparison, scientific analysis, analysis and collection. The main results of the article are reflected in the connection between linguistics and natural science. Likewise, the problems of paleontology and pathopsycholinguistics, presented in a small volume, make researchers think and lead to the study of general scientific research in this direction.

Keywords: history of language, linguistic personalities, paleontology of speech, pathopsycholinguistics, speech, thought, subject, grammatical structure of language.

For citation: Sagyndykuly B., Adamova A. A. Interdisciplinary nature of scientific maxims of Kazakh linguists (early twentieth century) // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-5-15

Введение

Первые исследователи-тюркологи оказали большое влияние на всестороннее изучение казахского языка. Независимо от выводов, сделанных в их трудах, они удовлетворяли все отрасли языкознания. Учитывая, что произведения второй половины XIX и первого десятилетия XX века и сегодня используются в качестве ориентиров, мы удовлетворены тем, что они затронули актуальную проблему [1]. Помимо общих работ, связанных с тюркскими языками, существовали и исследования, связанные с индивидуальными лингвистическими знаниями. Например, свои мысли о казахской грамматике Ы. Алтынсарин развил в учебнике «Киргизская грамматика», изданном в 1879 году. Ученый придавал большое значение казахскому алфавиту, который он создал на основе русской графики, а также дифференцировал части речи и открыл путь их терминологии. Можно сказать, что дружба Ы. Алтынсарина и Н. И. Ильминского повлияла на описание языка в то время. Кроме того, совершенно иное место имели труды В. В. Радлова. Тем не менее основные работы по развитию тюркских языков (Литература № 1) носили преимущественно сравнительно-сопоставительный характер. В некоторых случаях это показывало внутреннюю систему развития определенного языка. Таким образом, он усовершенствовал грамматический строй языка. Но другого русла языка, особенно связи с другими областями науки, они показать не смогли. В результате потенциал тюркских языков как науки не был раскрыт. Отсюда сложилось мнение, что научное развитие языка тюркских народов, в том числе казахского

народа, берет свое начало в 1930-х гг. Действительно ли так? На каком этапе начинается рассмотрение казахского языка в тесном сотрудничестве с другими областями науки? Актуальность исследования определяется получением ответов на эти вопросы.

С другой стороны, настало время сблизить конфликтологию с лингвистикой. Согласно Википедии, «Конфликтология – междисциплинарная область знания, изучающая закономерности зарождения, возникновения, развития, разрешения и завершения конфликтов любого уровня». Конфликтологию как отдельную науку стали оценивать лишь в середине XX века. (Льюис Козер, Георг Зиммель, Ральф Дарендорф). Описаны проявления конфликтологии в искусстве, истории, математике, педагогике, политологии, юриспруденции, психологии, социологии, социобиологии, философии. Оно существует и сегодня. Но конфликтологические аспекты языкознания не рассматривались как наука ни тогда, ни сегодня. Поэтому рассмотрение вопросов отношения многих научных областей с лингвистикой до сих пор не стоит на повестке дня.

Цель статьи – определить высказывания междисциплинарных связей первых казахских лингвистов. Первыми казахскими лингвистами считаются первый национальный педагог А. Байтурсынулы, первый профессор языкознания К. Жубанулы, автор первых учебников для школы и вузов С. Аманжолулы. Именно поэтому следующие исследования являются связующим звеном между казахским языкознанием и другими научными областями. Основными задачами данной статьи являются: 1) определить научные мысли А. Байтурсынулы; 2) оценить научное наследие К. Жубанулы; 3) распространить научные взгляды С. Аманжолулы с позиций современной науки.

Выводы А. Байтурсынулы как конфликтологический аспект

А. Байтурсынулы стоял у истоков казахской науки. Свои выводы по лингвистике учёный собрал в работе «Тіл-құрал» (Язык-инструмент). Этот труд несколько раз публиковался в период с 1914 по 1928 гг. и полностью охватывал все разделы языкознания. Первый труд ученого назывался «Қазақ тілінің сарфы» (Грамматика казахского языка) и был разделен на такие подразделы: 1-годовалый (1914 г.) и 2-годовалый (1915 г.). Здесь можно увидеть, что звуки и части речи казахского языка организованы согласно правилам. Последующие работы «Тіл-құрал» находили своих читателей под названиями I-я языковая книга «Звуковая система и виды»; II-я языковая книга «Система слов и его типы»; III-я языковая книга «Синтаксис и его разделы». Хотя книга знакомит с системой языкознания, в ней достаточно моментов, по которым ученый определяет взаимосвязь языка с другими областями науки.

Работа А. Байтурсынулы 1914 г. «Қазақ тілінің сарфы» начинается с интеграции предположения: «Язык – одно из самых мощных и эффективных орудий человека и его человечности. В каком состоянии были бы люди в этом мире, если потеряли б свой язык и не могли говорить?! Если бы сегодняшние люди были лишены письменности и не могли писать, их положение не было бы легче, чем если бы они были лишены своего языка [2, с. 13]. Данная связь также сохранилась в I-й языковой книге «Тіл – құрал». Название книги учёного имеет мистическую силу. На русском языке название книги звучало бы так: «Язык – это инструмент», а на английском языке: «Language is a tool». А. Байтурсынулы не ставил перед собой цель переводить название книги на другой язык. Более того, он предупредил, что и казахским детям в начале будет не привычно восприятие книги «Тіл – құрал», в том числе его внутреннее содержание поначалу покажется таким же странным. Потому что это новая вещь, которой раньше не было у казахов. То, чего раньше не было в народе, при первом введении воспринималось как чужеродное и, постепенно привыкнув к этому, оставалось в утробе матери [3, с. 142].

В названных двух книгах в первых трех предложениях слово «язык» используется трижды. Повтор слов имеет свой собственный смысл. По нашему мнению, «язык» в первом предложении является анатомио-физиологическим объектом. Следовательно, язык выполняет органическую функцию. «Язык» во втором предложении является логико-психологическим объектом. Поэтому межличностное общение не может происходить без влияния рассуждения (логики) и речи (психологии). «Язык» в третьем предложении является социо-философским объектом. Следовательно, акт речи зависит от взаимоотношений члена социальной группы. И то, что показывает единство этих трёх качеств, – это человеческая категория. «Человек – субъект исторического процесса, развития материальной и духовной культуры на земле, биосоциальное существо (представитель вида *homo sapiens*), генетически связанное с другими формами жизни, выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью, мышлением и сознанием» [4, с. 410]. Только овладев такими ситуациями, человек *использует язык как орудие речи*.

По рассуждениям А. Байтурсынова человек (*Homo sapiens*) занимает место на переднем плане. В простом понимании человек – представитель человечества. Это слово продолжает употребляться казахами как *живая душа, живое существо*. С другой стороны, слово жизнь произносится как движение в обществе в целом, в природе. Учение о биологии, объясняющее жизнь как «среду с условиями, необходимыми для выживания растений, животных или биоценоза в целом», рассматривает жизненную предрасположенность в естественно-научном аспекте: «Жизнеобеспеченность – способность организма постоянно взаимодействовать с внешней средой и сохранять свою жизнеспособность при изменении условий окружающей среды» [5, с. 630]. Конечно, способность в среде обитания присуща любому живому существу. «Но с биологической точки зрения, в плане естественных предпосылок своего возникновения, человек рассматривается как высшая ступень развития животных на земле» [6, с. 62]. На этом нельзя останавливаться. Деятельность *языка как орудие* реализуется только в тот момент, когда повышается признак «человечности в человеке». А человечность, добродетельность, нравственность присущи только человеку. В этом отличие человека от другого живого существа. Это первое. Во-вторых, языковая деятельность реализуется в условиях определенной среды, так называемой социальной группы. Отсюда следует, что обладатель человечества оценивается как биосоциальное явление.

«Тіл-құрал» (Язык – инструмент) отдаёт приоритет категории речи и использует языковые единицы как второстепенные средства речи. В труде лингво-психологические единицы подразделяются на речь и различение предложений; слова и различение слога в слове; слог и различение звука в слове. Как мы все знаем, психологический объект – это аспекты речи. В том числе встречается нарушение речи (речевая патология). Это также правда, что он особенно распространен в детском языке: «Дети с речевыми патологиями (нарушениями речи) – это дети, которые имеют отклонения в развитии речи, при этом у них нормальный слух и полноценный интеллект. Нарушения речи разнообразны и способны проявляться через нарушение произношения, грамматический строй речи, бедность запаса слов, а также нарушение темпа и плавности речи» [7]. Это наука известна как патопсихолингвистика. Казахский ученый А. Байтурсынов (1910–1940) не занимался патопсихолингвистикой. Тем не менее в трудах первого казахского ученого «Тіл-құрал» (Язык – инструмент) создается впечатление, что рассматриваются способы профилактики, предотвращения речевых нарушений у ребенка. Например, у ученого есть поговорка: «человек изучает родной язык у тех, кто старше, слушая его с раннего возраста». Казахский народ очень заботился о воспитании детей. В том числе родители с самого начала ответственно подходили к развитию речи у ребенка. Слова ученого о том что дети *учатся у взрослых* обращено к детям 2–4 лет, которые росли на колыбельных песнях матери и на сказках бабушек и дедушек.

Если мы продолжим мысли ученого, ребенок узнает о своем родном языке «из книг по языкознанию. Читая слова образцовых писателей, используя в письменной, устной речи, он и сам узнает его» [2, с. 254]. Здесь имеется в виду ребенок возраста 5–7 лет. Это этап развития словарного запаса ребенка. Очевидно, что у ребенка в возрасте 5–7 лет не слишком большой словарный запас. А способ увеличить словарный запас – это функция слова литературного характера. Ученый считает, что искусство слова опирается на три основы человеческого сознания: 1) на разум; 2) на воображение; 3) на внимание. Дело разума – познание, осмысление вещей; дело воображения – намек, т. е. уподобление, воспевание, описание вещей в уме в форме известных вещей; дело внимания – созерцание, выбор» [2, с. 242].

Одним из основных проявлений речевой патологии, а именно у ребенка, является грамматическая структура речи. Поэтому ученый обращает внимание от речи к предложению, от предложения к слову, от слова к слогу, от слога к звуку. Ученый считает, что ученик, пришедший на порог школы, может говорить. Он также может составлять предложения. Теперь у них есть возможность ознакомиться с единицами языка. Отсюда ученый подводит к мысли, что «в одной речи будет несколько предложений», «в одном предложении будет несколько слов», «в одном слове будет несколько слогов», «в одном слоге будет несколько звуков».

Грамматическая структура должна развиваться и созревать с каждым временем. Ученый считает, что это должно быть «правильное произношение слова», и добавляет, что «1) хорошо знать такие вещи, как различные окончания, суффиксы, частицы, которые изменяют личность, значение слов и потребляют каждое из них вместо себя; 2) правильно склонять, правильно произносить и правильно компоновать слово в предложении; 3) правильно соотносить предложения друг с другом, правильное построение и правильное размещение в предложении» [2, с. 255]. Овладение/усвоение такой грамматической структуры обязательно для ученика. Это самый ответственный момент речевой деятельности.

Мысли К. Жубанова как конфликтологический аспект

К. Жубанов – человек, обладающий научными знаниями в области языкознания. В 1928 г. он окончил Ленинградский институт живых восточных языков, в 1929–1932 гг. обучался в аспирантуре Института восточных языков и Института языка и мышления академии наук СССР по специальностям турецких языков и общего языка. Получение такого высшего образования позволило ему стать настоящим носителем науки. В его работах можно заметить, что он оспаривал свои научные интересы на мировом уровне. В трудах ученого «учеными востоковедами» названы Н. И. Ильминский, П. М. Мелиоранский, М. Терентьев, И. Лаптев, В. В. Катаринский, В. В. Радлов, Е. Д. Поливанов. В ряд известных знатоков Европы он добавил немецкого ученого Штейнталя и выдвинул аргумент против проблемы «духовной лени», написанной в его книге «Charakteristik der hauptsachlichsten Typen des menschlichen Sprachbaues» (Берлин, 1860). В выводах ученого отмечается, что он заглянул в книгу «Über die Sprache der Jakuten» знатока якутского языка Бётлингга (Петербург, 1936). Также ученый критически излагал свои мысли по поводу выводов в научных трудах арабо-еврейского специалиста Н. Е. Вунцетеля, немецкого специалиста Бодуэна де Куртенэ, знатоков тюркского языкознания К. К. Юдахина, Шамсидин Сами, Каюма Насири, Н. Масхудова и казахских лингвистов А. Байтурсынова, К. Кеменгерулы, Е. Омарова, Т. Шонанова, Х. Досмухамедова. Все этому, конечно, способствовало его знание многих языков. О жизни ученого Википедия приводит следующее: «В совершенстве владел следующими языками: персидским, арабским, немецким, турецким, монгольским, грузинским, чувашским, коми, русским и тюркскими языками».

Ученый продолжал научно-педагогическое дело до 1937 г. Спустя долгое время он был забыт и оправдан только в 1957 г. О его учебно-методическом и научном наследии были опубликованы сборники-книги в 1966, 1990, 1999, 2010 гг. Ценность его работ, опубликованных в течение 1930-х гг., была довольно значимой, но многие из них не дошли до наших дней. По-прежнему ведется поиск опубликованных, но снятых в то время с книжных полок произведений. Тем не менее сам труд первого классического ученого оказал наибольшее влияние на становление казахского языкознания.

В настоящее время возвращаются статьи ученого, опубликованные на страницах газет и журналов. В этих работах ученый ставит проблему языка на передний план. Например, в статье «Новости новой грамматики», опубликованной в журнале «Сельский учитель» в 1937 г., говорится: «Речь – это сообщение чего-то другому. Прежде чем сообщить о чем-либо, а также о том, какое влияние это сообщение оказывает на него, скорбит, радуется, опомнился и т. д. – часто со-означает. Ибо говорящий это не камень, а живой человек, с чувствами, сердцем» [8, с. 105]. Здесь можно сказать, что ученый определил отличие существа – человека от других хозяев творения. Ученый связывает предложение как грамматическую единицу с человеческой природой. По его мнению, «предложение похоже на тело с головой, грудью, руками, ногами. Каждое из этих слов, как члены целого тела, отражает каждую частицу всего тела» [8, с. 36].

«Лекции К. Жубанова по научному курсу казахского языка», опубликованные в 1933 г. в журнале «Политехническая школа» по сей день имеют высокую ценность. Работа, опубликованная в виде статьи, состоит из двух лекций. И включает особенности, характерные для звуковой системы казахского языка. Если говорить только о звуковой системе, то здесь прослеживается взаимосвязь межнаучных отраслей, дифференцированных на более высокой стадии. Особенно можно отметить систематизацию учения о физике, биологии, музыке. Оказывается, даже само слово фонетика имеет определение, свойственное многим наукам. «В корне слова Фонетика три предыдущих звука слово «фон» – мы также подвергаем воздействию в других местах. Например, в словах граммофон, телефон, фонограф. Все мы знаем, что «фон» означает звук. Теперь мы также встречаем в словах грамматика, косметика спряжение «тика», в котором слово фонетика имеет два конечных слога. Во всем этом мы видим, что союз «тика» означает «система», «наука». Следовательно, фонетика является наукой о звуке», – говорит ученый [8, с. 15]. Здесь очевидно, что «фон» встречается в науке о физике, косметика встречается в науке о биологии, грамматика встречается в науке о лингвистике, граммофон встречается в науке о музыке.

Если говорить о происхождении, степени становления и развития человека (*homo sapiens*), то можно заметить, что в этом направлении публикуются многие статьи ученого. Например, ученый непрерывно писал статьи в «Бюллетенях государственной терминологической комиссии». Многие из них являлись перечнем предметов, характерных для естествознания. Его можно узнать из названия статьи «О терминах физики», «О терминах математики». Ученый в статье «О специфике слов терминов» подробно объяснил терминологию слов, даже относящихся к биологии: «Обыденные слова отдельных языков становятся терминами, когда они освобождаются от этой национальной принадлежности, когда они фиксируют определенные научные понятия, не известные установкам создания отдельных народов. Казахские слова «тау сағыз», «жабағы» оставались обыденными словами, пока они употреблялись как выражения тех понятий, какие вкладывают им казахи. Но те же слова стали терминами, когда слова «тау сағыз» стало выражать определенное ботаническое и биохимическое понятие, а слова «жабағы» – товароведческое» [8, с. 363].

Одно из направлений учения о биологии характеризуется объяснением структуры видов растений. Например, «Камыш – растение, произрастающее на берегах рек, озер, а также в илистых, болотистых, влажных местах» [9, с. 197], или «Курай (трава) – название более крупных травянистых растений и их твердый стебель которым не питается скот», или «старинный духовой музыкальный инструмент» [10, с. 205]. Именно в названиях растений корень звукоизолирующего и звукового аппарата человека един. Это потому, что «какой бы звук ни был, он возникает из-за того, что что-то возбуждается и вибрирует». Поэтому ученый различал общие физические закономерности, характерные для звучания, от соотношения названия растения и органов речи человека. Ученый говорит: «Мы играем на курае как на флейте. Потому что пространство в нем удобно для того, чтобы дуть и издавать звуки. Но трава, выросшая на земле, не растет для того, чтобы быть флейтой. В ней не было того пространства, чтобы быть флейтой. Тогда, воспользовавшись его удобством, человек вырезал и проткнул его. Как и в случае с этим растением, человек адаптировал свои органы пищеварения, дыхания, создал звукопроизношение. Со временем этот инструмент усовершенствовали, чтобы он мог воспроизводить различные звуки как в наши дни» [8, с. 83] Здесь растение и звуковой аппарат, кажется, на первый взгляд никак не взаимосвязаны. Но, наверное, не стоит спорить, что их звуковая служба имеет одинаковое соотношение. Более того, созвучие сосудов головного мозга человека и корней растений неоспоримо, что вероятность их роста и распространения настолько близка друг к другу.

Еще К. Жубанов выдвинул весьма весомый научный вывод, который не смогли высказать другие лингвисты. Он смог показать, что язык нуждается в палеонтологических исследованиях. Например, в статье ученого под названием «К постановке исследования истории фонетики казахского языка» утверждалось, что игнорирование двигательной функции языка, динамики его развития, исторических принципов в его изучении тормозит решение многих проблем. Статья была опубликована в «Трудах Казахстанского научно-исследовательского института национальной культуры» 1935 г.

Как правило, палеонтология трактуется с точки зрения естественнонаучного учения: «Наука о древних (вымерших) организмах, которые сохранились в виде ископаемых остатков или оставили следы своей жизнедеятельности; раздел биологии, тесно смыкающийся с геологией» [11]. К. Жубанов отождествил высказывание, обращенное к естествознанию, с областью лингвистики: «Дело в том, что многим кажется, будто историческое изучение языка не имеет прямого отношения к языковому строительству, будто подобное изучение преследует «чисто научную», «отдаленную» цель, будто палеонтология речи, выкапывая какие-то «доисторические» формы, не способна помочь практической работе над языком: установлению к терминологии и орфографии, выработке норм литературных языков, разработке вопросов грамматики, методов преподавания языка и пр.» [8, с. 153].

«Лингвист не может и не должен отказываться от такого орудия познания строения речи, каким является палентология». Ученый разворачивает приведенный ниже пример следующим образом: «В казахском словоупотреблении выражения **kun koru**, **kun eltu** – «прожить», «жизнь», подлинно означающие «видеть (когу), день (kun) или солнце», «нести с собой день-солнце», «иметь при себе солнце». Отсюда «состояние» (имущественное) обозначается выражением **kun korgew**, слово в слово обозначающим «то, что дает видеть солнце». Современный казах, конечно, не связывает понятия «жить» с видением «солнца» или «дня»... Употребляя подобные выражения, современный казах отвлекается от значений отдельных слов и все сочетание в целом воспринимает как одно слово «жить», не ассоциируя ни с «солнцем», ни с «видением», ни с «несением» [8, с. 158].

Ученый называет две особенности палеонтологического явления по отношению к языку. Первое из них, как было доказано выше, – это межнаучные связи, связанные с окружающей средой, так и второе – особенности междотраслевого общения языкознания. По словам самого ученого, «Фонетика, морфология, лексика и семантика не разделены друг от друга *«китайской стеной»*, а связываются между собой и обуславливают друг друга, переходят, переливаются друг в друга».

Мысли С. Аманжолова как конфликтологический аспект

В 1930-х гг. в казахской науке появились несколько значимых личностей. Среди знатоков языка можно назвать С. Аманжолова. Он автор самых первых учебников. При его непосредственном участии в 1932 г. была опубликована книга «IV жылдық тіл кітабы» (IV-годовая языковая книга). Первый учебник для школьников 1934 г. и первый учебник для слушателей вузов 1940 г. также принадлежат С. Аманжолову. Из них наиболее близким к научному пониманию является труд под названием «Краткий курс научного синтаксиса казахского языка». Этот труд был предназначен для студентов вузов и подготовлен в 1940 г. на правах рукописи. Первая часть книги, то есть общий раздел размером 5,5 печатных листов, была официально опубликована в 1950 г. Ученый назвал эту работу «Краткий курс синтаксиса казахского литературного языка», дополняя и редактируя ее, намереваясь представить ее своим читателям. Но ему не хватило жизни. После этого книга не выходила в свет почти 40 лет. Только в 1994 г. сын ученого (А. С. Аманжолов) выпустил книгу из печати, сохранив название, данное ему отцом [12].

Интересно, что первое предложение книг двух предыдущих ученых (А. Байтурсынова, К. Жубанова) началось с такого мнения, что язык отражает человеческое общение, его связь с другими научными каналами. Такую же мысль высказал и С. Аманжолов: «Речь существует с того дня, как человек (*homo sapiens*) стал человеком. Мышление тоже. Эти двое похожи друг на друга как близнецы. Кто умеет говорить, тот умеет думать. Вот почему самое основное различие между человеком и животным, человеку даны эти две способности. Животное не может говорить и, следовательно, думать. Человек нашел речь и мышление на пути тысячелетней жизни, борьбы за облегчение своего противостояния силе природы» [12, с. 11]. Мы знаем, что в выводе ученого соединены три направления науки. Первая – анатомия человека. Согласно информации в Википедии, анатомия – это отрасль естествознания, изучающая строение, форму, движения человеческого тела, взаимоотношения органов. Вторая – речь. По мнению ученого, «речь – это не синтаксическая категория», очевидно, что речь в его понятии является психологической формой. Третье – мышление. Это логическая категория. Опять же, как поясняет Википедия, «Мысль – действие ума, разума, рассудка». Эти три категории оказываются неполными одна без другой.

Совершенно очевидно, что анатомический объект – это отдельная отрасль науки для категорий отдельных сфер. Например, ученый рассматривает само происхождение членов предложения как связанное с субъектом. Субъект в философии трактуется как «познающий и действующий человек, существо, противодействующее внешнему миру как объект познания» [13]. С. Аманжолов углубляется по этому вопросу: «Для человека первым объектом является весь мир природы, кроме него самого. В отличие от этого, первоначальное предложение не имело особого начала (подлежащее), доработки (обстоятельства), определителя (определение), рассказчика (сказуемое), дополнения. Все это имело смысл только в одном слове. Причина этого в том, что изначально субъект (человек) не мог признать себя индивидом...» [12, с. 20].

Сознание разбогатеет благодаря логическому мышлению, зрелости в человеке, контрасту предметов. В этом контексте можно привести пример-аргумент С. Аманжолова: «Оче-

видно, что многие прилагательные произошли от существительных. Например, **синий** означает «небо», «травя» и «синий цвет». **Красный** у азербайджанцев обозначает «золотое», вместо настоящего **красного** они используют слово «кырмазы». Некоторые прилагательные произошли от двух скрещенных существительных. Например: **жаксы** (хорошо) образовано от слова **жақ+сы**. «Сы» на якутском обозначает **сыа** «масло», а слово «жақ» на (уйгурском **йағ**, на тувинском **чаг**) имеет значение **масло (мазать)**. Таким образом, эти два слова «масло» соединились и образовали новое слово (прилагательное). Если вспомнить, что определителями наряду с прилагательными являются существительные, то можно не сомневаться, что весь определитель – это противопоставление предметов» [12, с. 24]. Это всего лишь формулировка ученого относительно определяющего члена предложений. Следует понимать, что проявление развития, зрелости человеческого сознания описано в тесной взаимосвязи с выходами членов предложения. Даже само название раздела, относящегося к члену предложения ученого, называется «Происхождение и образование основных членов предложения казахского языка». Следовательно, бытие воспринимается как общая проблема для человека и характера происхождения, развития других явлений.

В формулировке С. Аманжолова, как выше отмечал К. Жубанов, встречается близкое к палеонтологическому явлению объяснение. Такие примеры, приведенные ученым, как *қарным ашты – проголодался, ішім бұрды – захотел, мал көзіме түсті – увидел домашний скот, құлақ қойдым или құлақ салдым – прислушался, ашу қысты – разозлился, разгневался, сөз өтпейді – не послушался, жаным ашыды – пожалел* противоречит измерению современного логического мышления. Каждый из них по-своему связан с мифом, магией. Если взять слово «*ішім бұрды*» прямой перевод *живот повернулся*», то кажется, что сам живот что-то перевернул на бок. На самом деле, «живот» – это не просто «живот», а слово, выраженное во всех мыслях, разочарованиях, убеждениях. Конечно, первый человек не мог различить их друг от друга, и впоследствии возникла аналитическая мысль» [12, с. 12]. Здесь различие между пониманием первобытного человека и восприятием современного человека описывается с помощью конкретных языковых материалов. Следовательно, язык порождает представление о том, что он зависит от изменений в окружающей среде и существует в единстве с другими средствами общественного базиса.

Закключение

В заключение следует отметить, что на этапе научного развития казахского языкознания личности упомянутых ученых пользовались огромным авторитетом. Такая честь была оказана им благодаря их многочисленным ценным трудам. Мы опирались лишь на одно из направлений их деятельности, в частности, на выводы, относящиеся к естествознанию. Результаты статьи:

1) первый казахский учёный А. Байтурсынов вывел конфликтологию из руслу отдельной науки и рассматривал её как форму общей междисциплинарной коммуникации. Больше внимания мы уделили лингвобиологическому аспекту. На счет этого учёный сказал: «Есть искусство поддержки, которое используется на протяжении всей жизни. Лес, море, гора, камень, река, весна – это произведение природы». Это было вызвано мнением, что они «исходят из потребности человека сохранить жизнь». А так называемые изобразительные художественные единицы ученого – это «вещи, исходящие из потребности человека расстаться с душой». Они включают пять видов искусства: архитектуру, скульптуру, живопись, музыку, литературу. Они, конечно, остаются объектом, требующим особого внимания;

2) К. Жубанов, первый профессор казахского языкознания, также разработал глубокие суждения относительно межнаучной коммуникации. В частности, он предложил рассма-

тривать языковое образование вместе с естественными науками в целом. В исследованиях ученого были максимально описаны значения истории языка, его социальная функция по отношению к человечеству в целом, влияние среды (биологии) свойственной человеческому языку. Он предвосхитил многие научные исследования в этом направлении;

3) С. Аманжолов оставил особенные работы по казахской лингвистике. Его можно назвать первым составителем учебников казахского языка. Ученый также сосредоточил внимание на выводах, касающихся взаимоотношений лингвистики с другими областями науки. Его сведения о роли языка в межличностных отношениях, характере социальных изменений в области языкознания, несомненно, будут оценены как свежие данные. Мы полагаем, что методологические знания ученого в выделении единиц, характерных для промежуточного объекта языка и речи, языка и мышления, языка и философии, создадут новые идеи для исследователей общего профиля.

Литература

1. Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Том 1. – Санкт-Петербург, 1869; Том 2. – Санкт-Петербург, 1871; Ильминский, Н. И. Материалы к изучению киргизского наречия. – Казань, 1860; Катанов, Н. Опыт исследования урянхайского языка. – Казань, 1903; Катаринский, В. Грамматика киргизского языка. – Оренбург, 1897; Лаптев, И. Материалы по казах-киргизскому языку. – Москва, 1900; Мелиоранский, П. М. Краткая грамматика казах-киргизского языка. Фонетика, этимология. Часть 1. – Санкт-Петербург, 1894; Синтаксис. Часть 2. – Санкт-Петербург, 1897; Радлов, В. В. Опыт словаря турецких наречий. В 4-х томах. – Санкт-Петербург, 1888–1911; Сазонов, Н. Записки по грамматике киргизского языка. – Ташкент, 1912; Терентьев, М. А. Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. – Санкт-Петербург, 1875.
2. Байтурсинов, А. Вопросы казахского языкознания / Составитель Г. Анес. – Алматы : Абзал-Ай, 2013. – 640 с.
3. Байтурсинов, А. Вопросы казахского языка (Труды о казахском языке и просвещении) / А. Байтурсинов. – Алматы : Родной язык, 1992. – 448 с.
4. Философский словарь / Под редакцией И. Т. Фролова. – Москва : Изд. Политической литературы, 1980. – 444 с.
5. Словарь казахского литературного языка. Том 14 / Составители : М. Малбаков [и др.]. – Алматы, 2011. – 800 с.
6. Русско-казахский толковый словарь / Под редакцией Е. Арын. – Павлодар : Научно-изд. Центр ПГУ им. С.Торайгырова, 2002. – 66 с.
7. Солодова, Е. Сущность речевой патологии. – URL: [https:// spravochnick.ru](https://spravochnick.ru) > psihologiya (дата обращения: 31.08.2023).
8. Жубанов, К. Вопросы казахского языкознания / Составитель Г. Анес. – Алматы : Абзал-Ай, 2013. – 640 с.
9. Словарь казахского литературного языка. Том 9 / Составители : А. Ыбырайым [и др.]. – Алматы, 2011. – 800 с.
10. Словарь казахского литературного языка. Том 10 / Составители : М. Малбаков [и др.]. – Алматы, 2011. – 800 с.
11. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: [https:// dic.academic.ru](https://dic.academic.ru) > enc_geo.
12. Аманжолов, С. Краткий курс синтаксиса казахского литературного языка / С. Аманжолов. – Алматы : Санат, 1994. – 320 с.
13. Словарь русского языка. Источник определений: «Oxford Languages».

References

1. Budagov, L. Z. Sravnitel'nyj slovar' turecko-tatarskih narechij. Tom 1. – Sankt-Peterburg, 1869; Tom 2. – Sankt-Peterburg, 1871; Il'minskij, N. I. Materialy k izucheniyu kirgizskogo narechiya. – Kazan', 1860; Katanov, N. Opyt issledovaniya uryanhajskogo yazyka. – Kazan', 1903; Katarinskij, V. Grammatika kirgizskogo yazyka. – Orenburg, 1897; Laptev, I. Materialy po kazah-kirgizkomu yazyku. – Moskva, 1900;

Melioranskij, P. M. *Kratkaya grammatika kazak-kirgizskogo yazyka*. Fonetika, etimologiya. CHast' 1. – Sankt-Peterburg, 1894; Sintaksis. CHast' 2. – Sankt-Peterburg, 1897; Radlov, V. V. *Opyt slovary tureckih narechij*. V 4-h tomah. – Sankt-Peterburg, 1888–1911; Sazontov, N. *Zapiski po grammatike kirgizskogo yazyka*. – Tashkent, 1912; Terent'ev, M. A. *Grammatika tureckaya, persidskaya, kirigizskaya i uzbekskaya*. – Sankt-Peterburg, 1875.

2. Bajtursynov, A. *Voprosy kazahskogo yazykoznaniya* / Sostavitel' G. Anes. – Almaty : Abzal-Aj, 2013. – 640 s.

3. Bajtursynov, A. *Voprosy kazahskogo yazyka (Trudy o kazahskom yazyke i prosveshchenii)* / A. Bajtursynov. – Almaty : Rodnoj yazyk, 1992. – 448 s.

4. *Filosofskij slovar'* / Pod redakciej I. T. Frolova. – Moskva : Izd. Politicheskoy literatury, 1980. – 444 s.

5. *Slovar' kazahskogo literaturnogo yazyka*. Tom 14 / Sostaviteli : M. Malbakov [i dr.]. – Almaty, 2011. – 800 s.

6. *Russko-kazahskij tolkovyj slovar'* / Pod redakciej E. Aryn. – Pavlodar : Nauchno-izd. Centr PGU im. S. Torajgyrova, 2002. – 66 s.

7. Solodova, E. *Sushchnost' rechevoj patologii*. – URL: <https://spravochnick.ru/psihologiya> (data obrashcheniya: 31.08.2023).

8. ZHubanov, K. *Voprosy kazahskogo yazykoznaniya* / Sostavitel' G. Anes. – Almaty : Abzal-Aj, 2013. – 640 s.

9. *Slovar' kazahskogo literaturnogo yazyka*. Tom 9 / Sostaviteli : A. Ybyrajym [i dr.]. – Almaty, 2011. – 800 s.

10. *Slovar' kazahskogo literaturnogo yazyka*. Tom 10 / Sostaviteli : M. Malbakov [i dr.]. – Almaty, 2011. – 800 s.

11. *Slovari i enciklopedii na Akademike*. – URL: <https://dic.academic.ru> > enc_geo.

12. Amanzholov, S. *Kratkij kurs sintaksisa kazahskogo literaturnogo yazyka* / S. Amanzholov. – Almaty : Sanat, 1994. – 320 s.

13. *Slovar' russkogo yazyka*. Istochnik opredelenij: «Oxford Languages».

Глагольная репрезентация эмоционального мира богатырей: на материале хакасского героического сказания «Албынчы»

М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

E-mail: chertikova@yandex.ru;

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Аннотация. Язык героического сказания – это сложная система, закодировавшая информацию о национально-мировоззренческих, культурных основах этноса и значительно отличающаяся от литературного и разговорного стилей современного языка. Несмотря на то, что тексты героических сказаний во все времена вызвали научный интерес исследователей, однако их языковые категории ещё не получили достаточного изучения. Цель нашей статьи – выявление и описание языкового (в частности, глагольного) выражения эмоционального мира богатырей. Материалом для функционально-семантического анализа послужила глагольная лексика со значением эмоции, собранная методом сплошной выборки из текста хакасского героического сказания «Албынчы». По нашим сведениям, в данном фольклорном памятнике содержатся 19 глаголов, 3 фразеологизма и 1 клишированное выражение, репрезентирующее эмоциональный мир эпических персонажей. Малочисленность репрезентантов эмоционального мира богатырей компенсируется их многозначностью, соответственно, способностью покрывать все необходимые аспекты эмоциональной деятельности. В работе использованы описательный (дескриптивно-аналитический) и функционально-семантический методы исследования. Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью языка хакасских героических сказаний, в частности, глагольной сферы в ракурсе антропоцентрической парадигмы, а также малочисленностью специальных работ по данной тематике на материале других тюркских фольклорных текстов. Новизна проведённого исследования состоит в том, что впервые не только в хакасском, но и в других тюркских языках, рассматриваются глаголы, выражающие эмоциональные переживания богатырей/богатырш как незаменимый и важный фрагмент фольклорно-языковой картины мира. В ходе анализа языкового материала выявлено, что эпические герои могут испытывать следующие эмоции: гнев, удивление, волнение, страх, сострадание, стыд, любовь (точнее, нелюбовь), страдания, огорчение, которые выражены стилистически нейтральными, частотными глаголами. А также несколько в стороне стоит от них глагольная лексика со значением плача и смеха, поскольку в ее содержании в равной степени содержатся эмоции и физиологическая реакция субъекта на соответствующие эмоциональные раздражители. Клишированные выражения и фразеологизмы также добавляют в процесс эмоциональной деятельности оттенки красочности и самобытности. Лингвофольклористика как новое направление в хакасоведении находится на начальной стадии своего развития. Язык хакасских героических сказаний имеет много неизученных, неразгаданных, а оттого и интересных в лексико-семантическом, функционально-семантическом, семантико-когнитивном, лингвокультурологическом аспектах концептуальных полей. Считаем, данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для будущих исследований.

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – д. филол. н., ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии (ИГИСАТ), Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова.

E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, N.F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia.

КАКСИН Андрей Данилович – д. филол. н., ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии (ИГИСАТ), Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

KAKSIN Andrey Danilovich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Katanov Khakass State University.

Ключевые слова: хакасский язык, богатырское сказание «Албынчы», глагольная лексика, эмоции, семантика, функционально-семантические особенности.

Для цитирования: Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. Глагольное выражение эмоционального мира богатырей: на материале хакасского героического сказания «Албынчы» // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-16-26

Verbal representation of the emotional world of heroes: based on the material of the Khakass heroic legend «Албынчы»

M. D. Chertykova, A. D. Kaksin

N.F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

E-mail: chertykova@yandex.ru;

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Abstract. The language of the heroic tale is a complex system that encodes information about the national, ideological, cultural foundations of an ethnic group, and is significantly different from the literary and colloquial styles of the modern language. Despite the fact that the texts of heroic tales have always aroused the scientific interest of researchers, their linguistic categories have not yet received sufficient study. The purpose of our article is to identify and describe the linguistic (in particular, verbal) expression of the emotional world of heroes. The material for the functional-semantic analysis was the verbal vocabulary with the meaning of emotion, collected by continuous sampling from the text of the Khakass heroic legend «Албынчы». According to our information, this folklore monument contains 19 verbs, 3 phraseological units and 1 clichéd expression representing the emotional world of epic characters. The small number of representatives of the emotional world of heroes is compensated by their ambiguity and, accordingly, their ability to cover all the necessary aspects of emotional activity. The work used descriptive (descriptive-analytical) and functional-semantic research methods. The relevance of our research is due to the insufficient knowledge of the language of Khakass heroic tales, in particular, the verbal sphere from the perspective of the anthropocentric paradigm, as well as the small number of special works on this topic based on the material of other Turkic folklore texts. The novelty of the research is that for the first time, not only in Khakass, but also in other Turkic languages, verbs expressing the emotional experiences of heroes are considered as an irreplaceable and important fragment of the folk-linguistic picture of the world. During the analysis of linguistic material, it was revealed that epic heroes can experience the following emotions: anger, surprise, excitement, fear, compassion, shame, love (more precisely, dislike), suffering, grief, which are expressed by stylistically neutral, frequency verbs. And also the verbal vocabulary with the meaning of crying and laughter stands somewhat apart from them, since its content equally contains emotions and the physiological reaction of the subject to the corresponding emotional stimuli. Clichéd expressions and phraseological units also add shades of color and originality to the process of emotional activity. Linguistic folkloristics, as a new direction in Khakassian studies, is at the initial stage of its development. The language of Khakass heroic tales has many unstudied, unsolved, and therefore interesting conceptual fields in the lexical-semantic, functional-semantic, semantic-cognitive, linguocultural aspects. We believe that this topic has good linguistic potential and prospects for future research.

Keywords: Khakass language, heroic legend «Албынчы», verbal vocabulary, emotions, semantics, functional-semantic features.

For citation: Chertykova M. D., Kaksin A. D. Verbal expression of the emotional world of heroes: based on the material of the Khakass heroic legend «Албынчы» // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-16-26

Введение

Язык фольклора и традиционные культурные смыслы, закодированные в системе героических сказаний как совокупность константных элементов на концептуальном уровне представляют собой устойчивую систему фольклорно-языковой картины мира.

Под глаголами со значением эмоции мы понимаем глаголы, обозначающие различные аспекты эмоциональной деятельности человека, и объединённые в одну лексико-семантическую группу (ЛСГ) по общности категориально-лексической семы «испытывать,

какое-л. чувство или эмоцию». В отличие от глаголов других ЛСГ, глаголы со значением эмоции обозначают не действие, активно совершаемое субъектом, а реакцию субъекта на определённые семантические раздражители. Наиболее важной отличительной особенностью глаголов эмоции в тюркских языках является невозможность выделить единый глагол – идентификатор ЛСГ в качестве выразителя категориально-лексической семы ЛСГ глаголов эмоции, как, например, в русском языке – глагол *чувствовать*, который соотносится со всеми членами группы как родо-видовой.

Наиболее популярное в хакасском народе героическое сказание «Албынчы» является одним из древних памятников хакасского фольклорного наследия [1]. Оно записано в 1948 г. Д. И. Чанковым от известного хайджи С. П. Кадышева и впервые издано в 1951 г. [2]. Настоящая статья является продолжением цикла статей, посвящённых лингвистическому описанию основных видов психической деятельности эпических героев на материале героического сказания «Албынчы».

Сегодня тексты хакасских героических сказаний являются предметом исследования литературоведов и фольклористов, где получают всестороннее жанровое, стилистическое, художественно-дискурсивное описание [3–5]. Язык хакасского героического эпоса в семантико-структурном аспекте системно описан О. В. Субраковой в её монографии «Язык хакасского героического эпоса» [6]. Также имеются работы, касающиеся отдельных семантико-когнитивных, лингвокультурологических и лингвистилистических аспектов языка героических сказаний [7–9]. Однако фольклорно-языковая система хакасов нуждается в целенаправленном, тщательном и комплексном исследовании. В нашей статье излагаются основные способы решения дальнейших исследовательских задач в данной сфере.

Известно, что язык героических сказаний на протяжении долгого развития претерпевал значительные лексические и структурные трансформации, поскольку в их передаче участвовали многие контактирующие друг с другом народы. Одним из значительных особенностей языка героических сказаний не только хакасов, но и других тюркских сибирских народов является богатый арсенал заимствованных слов, хранящийся в данном фрагменте языкового наследия. Изобилие монгольских заимствований является отдельным пластом в данной сфере, в языке хакасского фольклора монгольские заимствования в продолжение длительного времени почти не теряли свою лексическую значимость, лишь некоторые из них приобрели новые оттенки значений и подверглись небольшому фонетическому и морфологическому изменению [10, 11].

Известно, что в героических сказаниях богатыри – это люди, одарённые необыкновенными физическими и морально-нравственными качествами и сверхчеловеческими способностями. При этом обладая величием и могучей силой своего происхождения, они испытывают эмоциональные переживания. Как показывает наш материал, для описания данного аспекта жизнедеятельности персонажей, в героическом сказании «Албынчы» используется, по нашим сведениям, всего 19 глаголов, 3 фразеологизма и 1 клише, которые обеспечивают все необходимые представления об эмоциях богатырей.

В любом языке передача эмоциональности чаще всего происходит глагольной семантикой, которая обладает достаточными ресурсами для её изображения в различных оттенках. «Эмотивная лексика ситуативна в своей денотативной основе, так как эмоции неразсторжимо связаны с субъектом, их испытывающим, и объектом, их вызывающим. Глагол является частью речи, наиболее приспособленной для отражения эмоций: он обязательно ориентирован на сферу субъекта или на сферу объекта» [12, с. 138].

Язык героического сказания «Албынчы» не отличается особой экспрессивностью и разговорно-речевыми формами. Он не мотивирован вторичными метафорическими вы-

ражениями и живой образностью. Однако в его тексте многозначные глаголы со значением эмоции предстают во всём разнообразии своего смыслового содержания. Объяснение данному факту заключается в высоком стиле данного поэтического жанра фольклорного наследия. По мнению О. В. Субраковой: «В целом, вся поэтическая речь эпоса носит эмоционально-приподнятый, возвышенный характер. Передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, эпическая поэзия совершенствовалась, язык её оттачивался, отшлифовывался. <...> Лексика хакасского эпоса отражает исторический путь развития самого языка» [10, с. 68]. Из сказанного следует, что использование только стилистически нейтральных глаголов в текстах богатырских сказаний свидетельствует о стремлении сказителей соответствовать высоким стилям изложения.

Эмоции богатырей, выраженные глагольной лексикой злости, негодования

Проявление данной эмоции у персонажей героического сказания «Албынчы» является одним из частотных и обозначается тремя стилистически нейтральными глаголами:

тарых- «(1) нервничать, сердиться, раздражаться, возмущаться; <...>» [13, с. 599].

Глагол *тарых-* в сочетании с вспомогательным глаголом *тур-* «букв. стоять», оформленным аффиксом *-адыр-*, обозначая эмоцию злости героя, может сопровождать прямую речь: *Ікі алып тарых турадырлар*: / – *Сөлір ползар, сөлеңер* (1, с. 69) – Два богатыря нервничают: / – Давайте говорите! *Хан Мирген тарых турадыр*: / *Үс күннең таап пирем, поэдыбыс, – тидір* (1, с. 42) – Хан Мирген злится: / Через три дня найду [его], отпусти [меня], – говорит. *Хан Мирген тарых турадыр*: / *Үс күннең таап пирем, поэдыбыс, – тидір* (1, с. 42) – Хан Мирген сердится: / Найду за три дня, отпусти – говорит.

Сложный глагол *тарых чөре пар-* обозначает начальную фазу эмоционального состояния богатыря, причина которого описана в зависимой части предложения, выраженной депричастном оборотом на *-in*: *Хулатай, Үзүт Арыг хатының хыйгызын истіп, / Тарых чөре парған* (1, с. 61) – Хулатай, услышав клич [своей] жены Узут Арыг, / Начал нервничать.

Клишированные выражения, часто встречающиеся в текстах героических сказаний, типа *тарыхпас поэзы тарых-* «не злившийся ранее злится», *айабас поэзы айа-* «не жалевавший ранее жалеет», *таңнабас поэзы таңна-* «не удивлявшийся ранее удивляется» и т. д., они характеризуются выразительностью и колоритностью выражаемого действия: *Алып Хан Хыс, тарыхпас поэзы тарыгын, / Хатыг хамахтаң тир саап одырадыр* (1, с. 69) – Не раздражавшаяся ранее Алып Хан Хыс раздражается [букв. раздражаясь] / На её твёрдом лбу появляется пот.

тарын- «раздражаться, сердиться, злиться, приходить в гнев; <...>» [13, с. 599].

В этих предложениях описываются внешние изменения на лицах богатырей, как реакция на внешние негативные раздражители, описанные в зависимых придаточных предложениях: *Хулатайның оолгы тарынып, / Айча сырайы ардап турадыр, / Күнче сырайы хубул турадыр* (1, с. 71) – Сын Хулатая рассердился, / Его, как луна, лицо скривилось, / Как солнце, его лицо, преобразилось. *Хара Моос, одырганнаң, / Чил Хара Хыс ницезіне алып-тар күліс турганда, / тарынып, чирдең хара сырайы / Улам на тың харалып одырыбысхан* (1, с. 82) – Из-за того, что алыпы насмеялись над [его] сестрой Чил Хара Хыс, / У сидевшего Хара Моос, от злости [букв. злясь], / Лицо было чернее земли, / И стало ещё чернее.

Причина переживаемой субъектом негативной эмоции может быть описана в зависимом предложении с субстантивом в форме дательного падежа: *Көрдек, Хулатай, Алып Хан хыс ницем / Пістің ойнап чоохтааныбысха тарын тур* (1, с. 65) – Смотри-ка, Хулатай, / Моя сестра Алып Хан Хыс / Злится нашим шуткам.

чабаллан- «(1) буяннить, скандалить; 2) ругаться, сквернословить; 3) выражать гнев» [13, с. 912].

Хан Мирген Хулатайны пазох сыгар чөрібізін, / пазох чабаллан тур (1, с. 64) – Хан Мирген, снова вывел Хулатая на улицу, / И снова ругается на него. В данном примере эмоциональное состояние богатыря отмечается указанием на речевой процесс. Как подтверждает словарная статья данного глагола, его семантическая структура, помимо эмоционального переживания, включает и такие его проявления, как «брань» и «рукоприкладство».

Эмоция удивление

Как показывает наш материал, эмоция удивления богатырей выражается одновременно двумя нейтральными глаголами, словарные статьи которых идентичны:

таңна- «1) удивляться, изумляться, поражаться; 2) восторгаться» [13, с. 590];

чапсы- «1) удивляться, изумляться, поражаться; 2) восторгаться» [13, с. 939].

У этих глаголов способы выражения объекта удивления различны: прямая речь, зависимое придаточное предложение на *-in*, субстантивированное причастие в форме дательного падежа и др. *Хулатай, таңнап, чапсып тур*: / – Алыбох төреен Хан Мирген полтыр (1, с. 48) – Оказывается, это Хан Мирген, родившийся богатырём, / – удивляется, изумляется Хулатай. *Ікі алып, хара хула атты көріп, / Анда таңнап, чапсып тур* халдылар (1, с. 70) – Два богатыря, увидев саврасого, / Удивляются, поражаются.

Эмоция волнение

Для обозначения эмоции волнения используются фразеологизмы: *хара чүрегі хайнап тур* – «букв. [его] чёрное сердце кипит» и *паары-чүрегі хайнап тур* – «букв. [его] печень-сердце кипит». В хакасском языке действует глагол *чүрексі-* со значением «волноваться», но он не обнаружен в тексте героического сказания «Албынчы».

Ўзүт Арыгның паарынаң сыххан палазының / Иди чоохтаан чоогын истіп, / Хара чүрегі хайнап турадыр (1, с. 60) – Узут Арыг, услышав слова [своего] родного ребёнка / (букв. вышедшего из печени), / стала сильно волноваться (букв. [её] чёрное сердце кипит). *Че Ўзүт Арыг ічең сині көрзе, {...}, / Паары-чүрегі хайнап турар* (1, с. 59) – Но когда [твоя] мать Узут Арыг увидит тебя, {...}, / Она начнёт волноваться (букв. [её] печень-сердце будет кипеть).

Эмоции страх, робость

хорых- «бояться, пугаться, испытывать боязнь, страх; <...>» [13, с. 851].

Хан Мирген чоохтап тур: / – Улуг-туруг кизілер чоохтасчаң: / Улуг нимедең **хорыгарга** чарабас, / Улуг нимедең **хорыхпаза**, / Улуг ниме позы **хорыгадыр** (1, с. 40) – Наши предки говорили, что нельзя бояться большого, / Если не бояться большого, / То большое само боится.

Кілің Арыг прай позы хатып партыр. / Хан Чачах Хыс хорых парган, / Тура сегіріп, орлап, сыгара ойлады (1, с. 104) – Всё тело Килин Арыг застыло. / Хан Чачах Хыс испугалась, / Соскочив [с места], с криком выскочила наружу. Глагол *хорых-* в сочетании с вспомогательным глаголом *пар-* «букв. идти» обозначает «пугаться» и синонимизируется с глаголом **чочы-** «пугаться от неожиданности; вздрагивать от испуга; <...>» [13, с. 994]. *Кілің Арыг айлан килзе, / Алып ах пүөр тура түскен, / Чочып турадыр* (1, с. 98) – Когда Килин Арыг повернулась, / [Перед глазами] появился Белый волк-богатырь, / Она боится (букв. испугавшись, боится). Однако глагол *чочы-* в сочетании с вспомогательным глаголом *тур-* «букв. стоять», наоборот, даёт значение «бояться».

Эмоции жалость, сострадание

айа- «1) жалеть, щадить кого-л.; 2) жалеть, беречь, скупиться на что-л.» [13, с. 41]. Обозначение данным глаголом процесса жалости может быть ситуативным: *Албынчы, көріп, айап турадыр, / ічезі осхас Ай Арыгны көріп, / Тапсап-сөлеп турадыр*: / – Че, Ай-Арыг – іче кизі, / Малың, чоныңны чарып, / Минің чиріме читкейзің, / Минің чирімде чуртирзың

(1, с. 120) – Албынчы, увидев Ай Арыг, подобную его матери, / Жалеет её и говорит: / – Ну, мать, / Уводи [свой] скот и подданных, / Будешь жить на моей земле.

В качестве объекта жалости и сострадания могут выступать имена, выражающие народ в целом: *Абаа кізі, Хулатай, / Аргал чонны аралы чөрзең, / Аргал чонны айап чөрчеткейзің*, (1, с. 10) – Дядя Хулатай, если увидишь сырых и убогих, / Будешь их жалеть.

Также богатыри могут жалеть других богатырей, попавших в неловкие и трудные ситуации. *Албынчы, көр турза, Ай Мирген угаа чахсы, / Ах сагыстыг кізі осхас, / Албынчыны сын істінең айапчаттыр* (1, с. 78) – Албынчы заметил, что Ай Мирген, / Очень добрый, / Чистый душой человек, / Жалеет его от всего сердца.

Акт жалости может послужить мотивацией для других действий богатыря. В таком случае глагол *айа-* в качестве деепричастного элемента, замыкающего зависимый деепричастный оборот: *Албынчы сагынып одырыбысхан: / Ай Мирген ах сагыстыг кізі, / Ах чазыда ах ой адына даа айабин, / Албынчыны айап, ах ой адына мұндірерге хынган* (1, с. 124) – Албынчы задумался: / Ай Мирген добрый человек, / В голой степи не жалея даже своего саврасого, / А жалея Албынчы, хотел посадить на своего саврасого.

Эмоции стыд, смущение

уйат- «стыдиться, смущаться, совеститься, стесняться» [13, с. 718]. Во всём тексте героического сказания данный глагол используется единожды, при описании неловкой ситуации, в которую попали богатыри: *Алып Хан Хыснаң Хулатай / Уйатханнаң арага даа іспеділер* (1, с. 68) – Алып Хан Хыс и Хулатай / Засмущались (букв. от стыда), даже не пили водку. В данном предложении глагол *уйат-* субстантивируется и принимает форму родительного падежа и выражает источник (причину) действия (точнее, бездействия) богатырей.

Эмоция любовь

хын- «1) любить, обожать кого-л.; 2) нравиться; 3) желать, хотеть» [13, с. 891]. Данный глагол многозначен и имеет широкий спектр наименований объекта любви. Однако в тексте героического сказания «Албынчы» он встречается только в выражении *чон хынмаан Хулатай* «Хулатай, которого не любил народ» (за его злостные деяния). *Адам мінің чон хынмаан Хулатай, / ізем мінің – ұзұт Арыг, – тидір* (1, с. 72) – Мой отец Хулатай, которого не любил народ, / Моя мать – Узут Арыг, – говорит. *Кир палых, сагынып, чоохтап тур: / – Пілчеңмін, хас-хақан полза мінің істіме / Чон хынмаан Хулатай палазы кірер тіп* (1, с. 76) – Сказочная рыба, подумав, говорит: / Я знала, что когда-нибудь, / В мою пасть попадёт сын Хулатая, которого не любил народ. По нашим сведениям, не только в анализируемом, но и в других текстах героических сказаний, данный глагол используется редко.

Эмоции страдание, печаль

чобал- «1) страдать, мучиться, горевать, печалиться, переживать; чувствовать, 2) переживать страдания, беспокойства, затруднения, хлопоты, заботы; 3) изнемогать, уставать» [13, с. 981];

инел- «печалиться, тосковать» [13, с. 127]. Данный глагол встречается только в языке фольклора. *Ил-аймахты ибірп чөрзең, / Инелчеткен ниме көп полар: / Инегліг ниме урунза, / Инеглігнің үчүн инел чөргейзің, / Хабырғазынаң хайыс чөргейзің* (1, с. 10) – Когда будешь ходить среди разного народа, / Увидишь много страданий: / Если встретится страдающий (букв. вещь со страданием), / Будешь страдать за него, / Будешь помогать ему (букв. будешь соприкасаться с ним рёбрами).

Указанные два глагола в тексте героического сказания «Албынчы» чаще используются вместе в одном контексте. Как показывают примеры, богатыри могут переживать печаль и страдание во время тяжёлых долгих схваток, как правило, на вершине хребта.

Кизіркi сынның пазында / Ирнің кұлүгі Хара Моос / Инелчедедір, чобалчададыр (1, с. 88) – На вершине хребта / Мужчина – молодец Хара Моос / Тоскует, страдает.

Эти глаголы строят отдельные синонимичные конструкции: *Чонның үчүн Албынчы / Көп чобалды пу чирде / <...> / Илнің үчүн Албынчы / Көп инеді пу чирде* (1, с. 119-120) – Из-за народа Албынчы / Много переживал Албынчы на этой земле / <...> / Из-за подданного люда Албынчы / Много печалился на этой земле.

Или же эти два глагола выступают как сложный глагол: *Час орай пала Хулатайның холында / Инеліп-чобалып чөре парған* (1, с. 61) – Младенец на руках у Хулатая / Сильно тосковал-горевал. *Хара Моостың арыг күзі хаппин, / Аархы сында инел-чобалчададыр* (1, с. 86) – Не хватает сил у Хара Мооса. / На этом хребте страдает-тоскует.

Аархы сынның пазында Хара Моос, / Инеліп-чобалып, чоохтан чөредір: / – Пиче кізі, Чин Хара Хыс, / Арыг минің күзім хаппин пари, / Албах саам читпин пари / – Харагы чох тасха парыбыссаң (1, с. 86) – На вершине хребта Хара Моос. / Страдая, печалюсь, говорит: / Чин Хара Хыс, сестра моя, / У меня не хватает сил, / Силы уходят от меня / – Выходи за муж за слепого слугу.

Эти же глаголы участвуют в описании ситуаций, когда кто-то освобождает от тяжёлой жизни и страданий народ: *Чобалчатхан пу чонны / Чобагдаң азырдым пу күнде* (1, с. 119) – Я сегодня освободил страдающий народ / От страданий. *Частаң орай ир пала, / Ир синінче өс парза, / Чобалчатхан пу чонны / Чобагдаң сыгарыпчатхай; / Кічідгең орай ир пала, / өлбин, чатпин ир өссе, / Ирееленчеткен пу чонны / Ирее-чобагдаң позытхай* (1, с. 54) – Этот младенец, / Когда вырастет мужчиной, / Освободит от страданий / Этот страдающий народ. *Өлген поэыңарны тіргізібістім. / Паза піди чуртабаңар, / Паза піди чобалбаңар* (1, с. 113) – Смертных вас я оживил. / Больше так не живите, / Больше так не страдайте.

Эмоции огорчение, досада

ачырған- «1) расстраиваться, досадовать, огорчаться, раскаиваться, сожалеть о чем-л.; 2) расстраиваться» [13, с. 92].

Данный глагол, сочетаясь с вспомогательным глаголом *хал-* «букв. оставаться», описывает тяжёлое состояние (горе, досаду, огорчение) субъекта, в котором он может оказаться после смерти близкого человека. *Төңіс талай сугның түбіне түзіп, / өліп тее халзам, магаа ачырған халар нимем чоғыл...* (1, с. 71) – Если даже, упав на дно моря, / умру я, / То никто не будет огорчаться из-за меня. *Алып төреен Албынчы ачырған халзын пу чирде, / Алган кізізі, Кілің Арыгны, чох ит салаң* (1, с. 103) – Богатырём родившийся Албынчы / Пусть огорчается на этой земле, / Давай убьём его суженую Килин Арыг.

В остальных случаях глагол *ачырған-* употребляется в ситуативных значениях, сохраняя свою первоначальную сему «огорчение», «досада» вследствие каких-либо неудач и промахов. *Харахтыг тас: «Чонга мині чоох итті, / Илге мині илек итті», – тіп ачырған турадыр* (1, с. 81) – Зрячий Слуга досадует, мол, / Распространил слухи обо мне, / Унизил меня перед народом.

Албынчы, пас парып, алтын сірееге одыра түскен. / Анда одырып, ачырған турадыр (1, с. 105) – Албынчы, подойдя к золотой скамейке сел. / Сидя там, расстраивается.

Аны көріп, Албынчы ачырған парчадыр (1, с. 116) – Увидев это, Албынчы расстроился. *Алыптар көріп, түжүрүктері ам тоолас тур: / – Хан Миргенек не хайдаг, – тісчелер, – Аннаң хорыхтырбыс тіп ачырганысчалар* (1, с. 45) – Богатыри, увидев его, говорят: / – Оказывается, это Хан Мирген, / – говорят, / И досадают: – Оказывается, его мы боялись.

Встретился также один пример, где для обозначения эмоции огорчения используется фразеологизм *ачиин сал-* «сильно огорчаться; букв. положить [свою] горечь». *Ұзұт Арыг*

абахайның арыг кўзі хаппин, / *Албах саа читпин чөре парган*, / *Ачийн сала, хыйгы салган*: / – *Алган кизим, Хулатайым*, / *Арыг минің кўзім хаппин пари*, / *Албах минің саам читпин пари* (1, с. 61) – Не хватало сил у красавицы Узут Арыг, / Не доставало у неё мочи, / Тогда, выливая свою горечь, / Она бросила клич: / [Мой] суженый, [мой] Хулатай, / Сил моих не хватает, / Мочи моей не достаёт.

Семантическое своеобразие следующих глагольных подгрупп со значением плача и смеха вызывает сложности в плане включения их в категорию глаголов эмоциональной деятельности, поскольку они, по сути, обозначают физиологические реакции субъекта на определённые эмоциональные раздражители. Однако в комплексе их семантического содержания сема эмоциональности является весомой, поэтому мы склонны рассматривать их в составе ЛСГ глаголов эмоции. На материале языка героических сказаний богатыри, как правило, бурно изливают свои эмоции: будь то плач или смех.

Эмоция плач

Для выражения плача богатырей в критических ситуациях используются два парных (синонимичных) глагола:

сыхта- «горько плакать; рыдать; причитать» [13, с. 562];

орла- «реветь (о животных); разг. орать (о людях)» [13, с. 307]. Считаем, что данный глагол, включающий в свою семантику признак высокой степени громкости, не случайно используется в отношении богатырей. В общей семантике вариативной схемы *орла-сыхта-* подчёркивается сила и мощь проявления эмоционального переживания (горя, страдания) персонажей.

Часто эти глаголы используются как сложный глагол в сочетании с вспомогательными глаголами *одыр-* «букв. сидеть», *тур-* «букв. стоять», дополняющих в процесс оттенок длительности. *Орлап-сыхтап одырадыр* амды: / – *Алып Хан Хыс ничемнің / Чоогын даа искен ползам чи* (1, с. 42) – Сидит сейчас и плачет-ревёт: / Если бы я только слушался / Свою сестру-богатыршу Алып Хан Хыс. *Алтын сіреге одыра түзіп*, / *Хулатай анда орлап салыбысхан*: / – *Кічігдең киреенче чахсы чуртты / Чуртап полбадым*, – *тіп орлап-сыхтап турадыр* (1, с. 123) – Сев на золотую скамью, / Хулатай там заревел: / – С самого детства до старости лет / Я не жил хорошо, – *плачет-ревёт*. *Алтын Арыг хыс сыхтап – орлап тур*: / – *Пір айназынаң поэызам, паза пір айна / Алар сырбаг полды поэыма*. / *Че, пар, чоохта: Харахтыг тасха паргайбын за* (1, с. 90) – Алтын Арыг Хыс плачет-ревёт: / Если от одного ухажёра (букв. чёрта) отвязываюсь, / Другой ухажёр (букв. чёрт) привязывается.

Двойное употребление вспомогательных глаголов *тур-* «букв. стоять» с аффиксом деепричастия *-а* и *пар-* «букв. идти» с аффиксом прошедшего времени *-ган* добавляет сему начала действия: *Хулатай орлап-сыхтап тура парган*: / – *Алар минің кизим / Син дее полган поларзың* (1, с. 31) – Хулатай, *стал плакать-реветь*: / – Наверно ты и была / Моей суженой.

Разделительная частица *ла* между этими глаголами и вспомогательным глаголом *тур-* «букв. стоять» обозначает длительность действия: *Хан Мирген сыхтап ла тур, орлап ла тур* (1, с. 46) – Хан Мирген только плачет, только ревет.

Для выражения более сильного выражения негативного эмоционального переживания часто используется клишированное выражение *харах чазын хан ит-*, *харых суун нус ит-* «букв. превращать слезу в кровь, воду из ноздрей превращать в лёд». *Аны көріп, аны піліп, Алтын Көбк Хыс / Харах чазын хан ит турадыр, / Харых суун нус ит турадыр* (1, с. 14) – Увидев это и познав, Алтын Коок Хыс / Сильно переживает и плачет (букв. превращает слезу в кровь, воду из ноздрей превращает в лёд). *Арыг кўзім читпеедег, / Алмах саам хаппаадаг тіп, / Харах чазын хан итче, / Пурун суун нус итче* (1, с. 138) – Сил моих не хватает, Мочи моей не достаёт, говоря, Сильно переживает и плачет (букв. превращает

слезу в кровь, воду из ноздрей превращает в лёд). Клишированное выражение *харах чазын хан ит-, харых суун пус ит-* «букв. превращать слезу в кровь, воду из ноздрей превращать в лёд», подчёркивающее глубину и искренность чувств (горя и страдания) богатырей, наиболее популярно не только в обсуждаемом, но и в других текстах хакасских героических сказаний. Однако плач богатырей никаким образом не придает слабости образу их величия.

Эмоция смех

Смех богатырей выражается синонимичными глаголами:

хатхыр- «смеяться; хохотать» [13, с. 213];

күл- «1) улыбаться, смеяться, усмехаться; 2) высмеивать кого-либо, насмехаться над кем-л.» [13, с. 213].

Для изображения громкости и звучности смеха эти глаголы сочетаются с глаголами звучания в деепричастной форме: *күүледе* и *хаалада*: *Алыптар хаалада хатхырызып турлар, / Күүледе күлүзип турлар* (1, с. 82) – Богатыри шумно смеются, / Громко (с гулом) улыбаются.

Следует отметить, что все описанные глаголы эмоциональной деятельности, как и все глаголы в текстах героических сказаний, используются в настоящем времени, чаще с нулевым показателем. Данный факт связан с тем, что «мифическое время сливается с метаязыковой средой. Изображаемый сказителем мир героев находится на особом пространственно-временном ракурсе» [8, с. 11]. Также мы солидарны с мнением И. Б. Руберт и Н. Б. Долговой о том, что «Сакральное время не течёт непрерывно, без разрывов из прошлого в будущее, а состоит из независимых друг от друга временных образцов. Прошрое, настоящее и будущее рассматриваются не в диахроническом плане, а в рамках единой циклической модели мифологического времени. В силу этого прошрое может постоянно возрождаться в настоящем, являясь при этом и предопределением будущего. Так в настоящем сливаются прошрое и будущее, существуя одномоментно» [14, с. 55].

Заключение

Одним из ярких и загадочных явлений в словесном содержании данного героического сказания мы считаем тот факт, что при его богатейшем и обширном словарном запасе процесс эмоции обозначается ограниченным количеством стилистически нейтральных глаголов, широта и объёмность содержания которых соответствует их семантико-синтаксической функции в тексте.

Для выражения различных аспектуальных оттенков процесса эмоциональной деятельности часто используются сложные глаголы, например, *инелип-чобалып чөр-* «страдать-горевать [длительное время]», *сыхтан-орлап тур-* «плакать-орать» и т. д. Такие сложные глаголы, как и параллельные употребления синонимичных глаголов, например, *таңнап, чапсып тур-* «удивляться» в описании психического состояния персонажей являются опорными словами с уточняющим характером. Акцентируя внимание читателей / слушателей на происходящем процессе, они придают ему выразительность и многозначность. Все анализируемые глаголы в тексте героического сказания «Албынчы» имеют локативное значение, т. е. привязаны к определённом месту и времени.

В соответствии с жанровыми эпическими традициями использование глаголов эмоциональной деятельности характеризуется приёмами гиперболизации, например, глагол *орла-*, первичным значением которого является рёв медведей.

Как известно, эмоции неконтролируемы. Несмотря на то, что глаголы эмоции выражают реакцию субъекта на определённые раздражители (т. е. на внешние и не зависящие от воли субъекта обстоятельства), все описанные глаголы характеризуются предельной активностью обозначаемого действия. В тексте героического сказания «Албынчы» нам не встретился ни один каузативный глагол.

Литература

1. Албынчы : алыптыг ныхам : [Албынчы : героическое сказание : на хакасском языке / сказитель С. П. Кадышев ; текст записан Д. И. Чанковым]. – Агбан : Хакас кн. изд-во, 2018. – 124, [1] с. : ил. ; 21 см.
2. Албынжы. Хакасское героическое сказание / Сказитель С. П. Кадышев ; литературный перевод И. Кычакова. – Абакан : Хакасское областное государственное издательство, 1951. – 112 с.
3. Майнагашева, В. Е. О народности основы героического сказания «Албынжи» / В. Е. Майнагашева // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 1956. – Вып. IV. – С. 78-89.
4. Чистобаева, Н. С. Героический эпос хакасов : тематика и поэтика : специальность 10.01.09 «Фольклористика» : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чистобаева Надежда Степановна. – Новосибирск, 2007. – 23 с.
5. Шулбаева, Н. В. Мир персонажей героического эпоса хакасов : художественно-эстетический аспект : специальность 10.01.09 «Фольклористика» : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шулбаева Наталья Владимировна. – Майкоп, 2021. – 19 с.
6. Субракова, О. В. Язык хакасского героического эпоса / О. В. Субракова. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2007. – 164 с.
7. Войтенко, Е. П. Образно-выразительные средства хакасского героического эпоса «алыптых ныхама» как объект фольклорной лексикографии / Е. П. Войтенко // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 108-112.
8. Чертыкова, М. Д. Глагольная репрезентация речи богатырей (на материале хакасского героического сказания «Албынчы») / М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия : Эпосоведение, 2022. – № 2 (26). – С. 5-16.
9. Чертыкова, М. Д. Ханская юрта как центр эпического пространства в текстах хакасских героических сказаний: *örge* / М. Д. Чертыкова, Ч. А. Каксин // Эпосоведение, 2023. – № 1 (29). – С. 48-60.
10. Субракова, О. В. Монгольские заимствования в языке хакасского героического эпоса / О. В. Субракова // Учёные записки = Ўғреділігі пічіктер. Серия филологическая. – № 3. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – Абакан, 1976. – Вып. XX. – С. 147-160.
11. Чертыкова, М. Д. Монгольские заимствования в тексте хакасского героического сказания «Албынчы» / М. Д. Чертыкова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology), 2023. – Вып. 1 (39). – С. 73-85.
12. Уфимцева, А. А. Лексическое значение : принципы семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1986. – 239 с.
13. ХРС – Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстiгі: около 22 тыс. слов / Авторы : О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков [и др.] ; под общей редакцией О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
14. Руберт, И. Б. Основные характеристики мифологического времени в англосаксонских эпических текстах / И. Б. Руберт, Н. Б. Долгова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2003. – Т. 3. – Вып. 5. – С. 53-63.

References

1. Albynchy : alyptyg nymah : [Albynchy : geroicheskoe skazanie : na hakasskom jazyke / skazitel' S. P. Kadyshev ; tekst zapisan D. I. Chankovym]. – Arban : Hakas kn. izd-vozy, 2018. – 124, [1] s. : il. ; 21 sm.
2. Albynzhy. Hakasskoe geroicheskoe skazanie / Skazitel' S. P. Kadyshev ; literaturnyj perevod I. Kychakova. – Abakan : Hakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1951. – 112 s.
3. Majnagasheva, V. E. O narodnosti osnovy geroicheskogo skazaniya «Albynzhi» / V. E. Majnagasheva // Uchjonye zapiski HakNIJJaLI. – Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – Vyp. IV. – S. 78-89.
4. Chistobaeva, N. S. Geroicheskij jepos hakasov : tematika i pojetika : special'nost' 10.01.09 «Fol'kloristika» : avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Chistobaeva Nadezhda Stepanovna. – Novosibirsk, 2007. – 23 s.

5. Shulbaeva, N. V. Mir personazhej geroicheskogo jeposa hakasov : hudozhestvenno-jesteticheskij aspekt : special'nost' 10.01.09 «Fol'kloristika» : avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Shulbaeva Natal'ja Vladimirovna. – Majkop, 2021. – 19 s.
6. Subrakova, O. V. Jazyk hakasskogo geroicheskogo jeposa / O. V. Subrakova. – Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. – 164 s.
7. Vojtenko, E. P. Obrazno-vyrazitel'nye sredstva hakasskogo geroicheskogo jeposa «alyptyh nymaha» kak ob#ekt fol'klornoj leksikografii / E. P. Vojtenko // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2010. – № 2. – S. 108-112.
8. Chertykova, M. D. Glagol'naja reprezentacija rechi bogatyrej (na materiale hakasskogo geroicheskogo skazaniya «Albynchy») / M. D. Chertykova, A. D. Kaksin // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya : Jeposovedenie, 2022. – № 2 (26). – S. 5-16.
9. Chertykova, M. D. Hanskaja jurta kak centr jepicheskogo prostranstva v tekstah hakasskikh geroicheskikh skazaniy: öрге / M. D. Chertykova, Ch. A. Kaksin // Jeposovedenie, 2023. – № 1 (29). – S. 48-60.
10. Subrakova, O. V. Mongol'skie zaimstvovaniya v jazyke hakasskogo geroicheskogo jeposa / O. V. Subrakova // Uchjonye zapiski = Ýgrediglig pichikter. Seriya filologicheskaja. – № 3. Hakasskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii. – Abakan, 1976. – Vyp. XX. – S. 147-160.
11. Chertykova, M. D. Mongol'skie zaimstvovaniya v tekste hakasskogo geroicheskogo skazaniya «Albynchy» / M. D. Chertykova // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology), 2023. – Vyp. 1 (39). – S. 73–85.
12. Ufimceva, A. A. Leksicheskoe znachenie : principy semiologicheskogo opisanija leksiki / A. A. Ufimceva. – Moskva : Nauka, 1986. – 239 s.
13. HRS – Hakassko-russkij slovar' – Hakas – orys söstigi: okolo 22 tys. slov / Avtory : O. P. Anzhiganova, N. A. Baskakov, M. I. Borgojakov [i dr.] ; pod obshej redakciej O. V. Subrakovoj. – Novosibirsk : Nauka, 2006. – 1114 s.
14. Rubert, I. B. Osnovnye harakteristiki mifologicheskogo vremeni v angloskasonskikh jepicheskikh tekstah / I. B. Rubert, N. B. Dolgova // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena, 2003. – T. 3. – Vyp. 5. – S. 53-63.

– ИССЛЕДОВАНИЕ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-27-36

УДК 811.512.212.2

Концепт «движение» в эвенкийской фразеологии

А. Н. Варламов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

E-mail: ataki2006@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена описанию концепта «движение» в этнической картине мира, отраженной в эвенкийской фразеологии. Актуальность исследования обусловлена снижением функциональности родного языка в условиях глобализации и определяется недостаточной степенью изученности эвенкийской фразеологии. Целью исследования является демонстрация потенциала образной речи и органичной взаимосвязи языка и этнического мировоззрения на примере отдельного языкового концепта. Базовый мировоззренческий концепт эвенков рассматривается через призму ментальности носителя этнической культуры, основанной на этнографических традициях кочевого образа жизни. Теоретической основой исследования послужили работы, посвященные фразеологии русского языка и междисциплинарные разработки на стыке лингвистики и этнографии. Материалом исследования послужили опубликованные материалы по языку, обрядовой культуре, устному народному творчеству и литературе эвенков. Анализ привлеченного материала и культурных традиций свидетельствует о тесной взаимосвязи состава фразеологических единиц (ФЕ) с хозяйственными и мировоззренческими традициями эвенков. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что концепт «движение» относится к числу базовых символов традиционного мировоззрения эвенков, сформированных в процессе исторической адаптации культурного комплекса охотника-кочевника в условиях ландшафта горной тайги. В этнической картине мира рассматриваемый концепт осмысливается во взаимосвязи с процессом человеческой жизни и воплощается в значительном объеме фразеологических единиц, образованных от глаголов, обозначающих различные формы движения. Наиболее распространены фразеологизмы, образованные от глаголов *унэми* – «идти» и *гуркуми* – «шагать». В эвенкийском языке концепт «движение» репрезентируется в виде различных по значению ФЕ, среди которых наиболее распространенными являются фразеологизмы в значении «жить», «преодолевать», «достигать», «догонять». В языковой картине мира эвенков движение противопоставляется статичному состоянию объектов окружающего мира. Фразеология эвенкийского языка отражает этнографические, социальные, морально-нравственные традиции этнического общества и систему приобретенных знаний. Перспективы дальнейших исследований по теме связаны с привлечением интереса к теме эвенкийской фразеологии со стороны специалистов по лингвокультурологии.

Ключевые слова: эвенкийский язык, фразеологизмы, концепт «движение», мировоззрение эвенков, менталитет, кочевой образ жизни.

Для цитирования: Варламов А.Н. Концепт «движение» в эвенкийской фразеологии // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-27-36

ВАРЛАМОВ Александр Николаевич – д. филол. н., в. н. с. отдела северной филологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

VARLAMOV Alexander Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Northern Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

The concept of «movement» in Evenki phraseology

A. N. Varlamov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

E-mail: ataki2006@yandex.ru

Abstract. The publication is devoted to the description of the concept of «movement» in the ethnic picture of the world that is reflected in Evenki phraseology. The relevance of the research is the decline in the functionality of the native language in the conditions of globalization and is determined by the insufficient knowledge of Evenki phraseology. The aim of the research is to demonstrate the potential of figurative speech and the correlation between language and ethnic worldview on the example of a linguistic concept. The basic concept of the Evenki worldview is considered through the prism of the mentality bearer of ethnic culture that is based on the ethnographic traditions of the nomadic way of life. The theoretical basis of the research are the studies devoted to the phraseology of the Russian language and interdisciplinary developments at the interface between linguistics and ethnography. The research material are studies on the language, ritual culture, folklore and literature of the Evenki. The analysis of the used material and cultural traditions indicates a close correlation between the composition of phraseological units and the economic and worldview traditions of the Evenki. Because of the research, the author concludes that the concept of «movement» is one of the basic symbols of the traditional Evenki worldview, formed in the process of historical adaptation of the cultural complex of a nomadic hunter in the conditions of the mountain taiga landscape. In the ethnic picture of the world, this concept is comprehended in connection with the process of human life and is embodied in a significant amount of phraseological units formed from verbs denoting various forms of movement. The most common phraseological units are formed from the verbs ngaenaemi – «to go» and girkumi – «to walk». In the Evenki language, the concept of «movement» is represented in the form of phraseological units with different meanings, among which the most common are phraseological units meaning «to live», «to overcome», «to achieve», «to catch up.» In the Evenki language picture of the world, movement is contrasted with the static condition of objects in the world. The phraseology of the Evenki language reflects the ethnographic, social, moral traditions of the ethnic society and the system of acquired knowledge. The prospects for further research on the topic are associated with attracting interest in the Evenki phraseology from specialists in linguoculturology.

Keywords: Evenki language, phraseological units, the concept of «movement», Evenki worldview, mentality, nomadic way of life.

For citation: Varlamov A. N. The concept of «movement» in Evenki phraseology // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-27-36

Введение

Обращение к фразеологии того или иного языка позволяет понять специфику искусства слова, оценить потенциал и богатство речи в рамках этнической культуры, однако, не менее важным функциональным свойством этнической фразеологии является ее взаимосвязь с культурными традициями народа. Обращение к фразеологии как объекту исследования этнолингвистики позволяет рассматривать соотношение и связь языка с этнографическими и ментальными традициями этноса [1, 2]. Базисом формирования культурных традиций этноса правомерно обозначается ландшафт [3-4]. Эвенкийский язык в целом и фразеология в частности представляют собой особенный культурный феномен, который можно назвать «словом, рожденным ландшафтом горной тайги». В эвенкийском языке представлена уникальная картина мира, основанная на объективных знаниях, приобретенных в процессе тысяч лет гармоничного сосуществования человека-охотника и мира горной тайги. Гармония бытия этнической культуры эвенков и окружающего ландшафта оказалась достижимой за счет приобретенной и усовершенствованной модели кочевого хозяйства, позволявшего бережно относиться к ресурсам таежного мира, обеспечивая их полноценное воспроизводство. В процессе исторического развития кочевой охотничьей культуры совершенствовалась и образная речь, отражающая этническую картину мира, философские

и морально-нравственные ценности, воплощенные в том числе во фразеологии. Значительный пласт эвенкийской фразеологии составляют фразеологические единицы (далее ФЕ), связанные с процессом движения. Рассмотрим тезис о взаимосвязи фразеологии и культурных традиций этноса на примере фразеологизмов эвенкийского языка, в основе которых располагается концепт «движение».

Концепт «движение» в эвенкийской фразеологии

Фразеология в эвенкийском языке связана с культурным достоянием этноса, отражая мировоззренческие, ментальные, ритуальные, социальные, морально-нравственные традиции. Эта взаимосвязь обуславливает высокий уровень иносказания, присутствие различных вариантов значения слова, их диалектное отличие и, как следствие, сложность однозначного определения значения и типа той или иной фразеологической единицы. Например, эвенкийскую пословицу *Эүэсйл һавылми мулликәл илэл* современные эвенки переводят: «Из всех сил работают неумеющие люди», что близко по смыслу «тому, кто не умеет что-либо делать хорошо, приходится излишне много трудиться». Исходно же выражение имело иное значение: досл. «из всех сил бродят (на охоте) неумелые люди», что означает «плохой охотник много ходит». В данном случае слово *һавылми* – «работать», первоначально имело значение «бродить (по тайге)», «ходить в поисках зверя» [5, с. 537]. Замещение значения объясняется отождествлением древнего ремесла – охоты с современным понятием профессиональная деятельность.

Движение в языковой картине мира понимается, прежде всего, как пространственно-ориентированное действие, обеспечивающее смену локуса субъекта или объекта. Прототипическим образом этого движения является естественное действие человека, обозначаемое глаголом *ходить*, его синонимами и производными. Концепт *движения-хождения* относится к числу базовых понятий традиционного мировоззрения, в котором осмысливается процесс человеческой жизни [6, с. 96]. Именно таким образом представлен концепт «движение» в языковой картине мира эвенков. ФЕ *эвэнки – гиркудяри бэе* – «эвенк – человек шагающий», представляющая собой образную характеристику человека-эвенка, не только является отражением исторической модели хозяйства и образа жизни, но и хранит особенное этническое восприятие жизни как непрерывного процесса движения: «Слово *бими* ‘жить’ в значении «существовать» заменяют словами *унэнми* ‘идти’ и *гиркуми* ‘шагать’, так как для эвенка – оленевода и охотника, жизненный процесс связан с активной физической деятельностью. Смысл выражения «жить долго» передается фразеологическим сочетанием *сагдаләи унэнми* ‘до самой старости идти’ или фразеологизмом *сагдаләи гиркуми* ‘шагать до самой старости’. На вопросы «Сколько Вам лет?», «Какой Ваш возраст?» эвенк обычно скажет: «горово гиркум» ‘много я прошел’, а затем назовет возраст. Или, называя свой возраст, употребит фразу, которая в дословном переводе звучит «я прошагал столько-то лет», допустим: *дяпкундяр анунәйлва гиркум* ‘мне 80 лет’ (досл.: я прошагал 80 лет)» [7, с. 21].

В эвенкийском языке глаголы *унэн-ми*, *гирку-ми*, кроме прямого значения «идти», «шагать», являются синонимами «жить», «длиться (о времени)» [5, с. 139, 451; 8, с. 154, 669]. ФЕ, образованные от названных глаголов, встречаются в образной речи эвенков разных групп, в т. ч. в виде пословиц и поговорок. Например, пословица *Бинйдук тулйллй этэнны унэрэ* – досл. «От жизни улицей не уйдешь» используется в значениях «Нельзя убежать от действительности», «Человек должен иметь мужество справляться с жизненными трудностями». Исходно ФЕ образована во взаимосвязи с концептом *тулин* – «внешнее пространство», «пространство за пределами своего жилища» [7, с. 65]. Более точный смысловой перевод представляется следующим образом: «Невозможно прожить безучастно по отно-

шению к своей жизни», что одновременно близко по смыслу к русским пословицам «Всяк человек своего счастья кузнец», «От себя не убежишь», «Не надобно жить как набежит» [9, с. 296; 10, с. 110].

Фразеологизмы в значении «жить», образованные от глаголов *уэнэ-ми*, *гирку-ми*, широко используются в образной речи обрядов, шаманских камланий, текстах эпического жанра и литературы эвенков:

• Сāmān дяритчавкй, эмэчэлвэ чичипкандулй *уэнэвкэньвкй*, алгāдяна:

– Эйнэ-Бугакакун,

Айин-Майин!

Уелвэн сирадякаллу –

Горё уэнэктын!

– Шаман камлает, *прибывших* через чичипкан пропускает, благословляя:

– Матушка-Великое Небо,

Айин-Майин!

Век их продлевайте –

Пусть долго живут [досл.: *долго идут*]! [11, с. 242, 243].

• Иркиничэн гунмури мататкан

Иркимэктэ бэюн оёлон...

Тыкэн улгурдерэн ивит:

– Угэлэ-угэлэ угэндэр!

Егин дарилкан

Нолур солко нюриктэлкэн

Солкондор-киливи катун

Гиркив, доровоё дявакал!

Тар амардукин

«*Он гиркунды?*» – гуннэ

Улгумйвки бдакис.

– Иркиничэн-мата, ездящий

На диком олене со свежеголенными рогами...

Такие слова он говорил:

– Угэлэ-угэлэ угэндэр!

Солкондор-красавица

С девятисаженной волнисто-шелковистой,

Почитаемая подруга моя, прими привет!

После этого

«Как жил [досл.: *Как шагал*]?» – если спросишь,

То [ответу] [12, с. 182, 183].

• *Индүви кэтэвэ гиркучав.*

Тар эрүл дарйльй уэнэктын.

Эр миннй Чириндав оёльин,

Кутучйл тар икэл дэгйктын.

– *Я много прожил* [досл.: *в жизни своей много я прошагал*].

Всё самое плохое в стороне от меня прошло.

Это над моей Чириндой,

Счастливые эти [мои] песни летят [13, с. 57].

В речи и фольклоре эвенков встречаются ФЕ с глаголами *уэнэ-ми*, *гирку-ми* в значении «быть самостоятельным», «думать своей головой», «иметь собственное мнение»:

• *Мэнин мэндиви дүлэви гиркурй.*

– *Сам в своё будущее шагающий* [7, с. 62].

• Тыкэн гунйкэкэн, нууртын нэнэрэ һуечыксэл дюрмэт. *Мэн сәйвар нэнэрэ.*

– Так сказав, они полетели, разойдясь в двух направлениях. *Каждый самостоятельно* [досл.: *своим знанием*] *отправился* [14, с. 44, 201].

В эвенкийском языке концепт «движение» репрезентируется в виде различных по значению ФЕ, среди которых наиболее распространенными являются фразеологизмы в значении «преодолевать», «достигать», «догонять».

Пословица *Бинйвэ бидэ – умун алакйт эчэ бирэ* является составной частью одной из заповедей эвенкийского морально-нравственного кодекса *Итыл*:

• *Бинйвэ бидэ – умун алакйт эчэ бирэ*, нй-кэт биргэвэ энэ олоро эчэ бирэ.

Жизнь пройти – не один горный перевал перевалить, никто беду вброд не перейдя, не жил [15, с. 191].

Изречение имеет значение «В жизни каждому суждено пройти через трудности», «Жизни без трудностей и несчастий не бывает» [7, с. 65] и в точности соответствует русской пословице «Жизнь прожить – не поле перейти» [9, с. 295; 10, с. 61]. Отличие ФЕ в данном случае составляют признаки ландшафта этнической культуры – эвенкийского «перевал» (символ горно-таежного ландшафта охотничьей культуры) и русского «поле» (символ равнинной культуры земледелия).

Другим концептуальным символом таежного ландшафта в эвенкийском языке является «река». ФЕ, объединяющие концепты «река» и «движение» представлены в философских изречениях *бини энин* – «течение жизни», *биргэвэ оломи* – «беду вброд перейти», *биргэвэ һэдэми* – «беду переехать (словно реку)» [16, с. 18, 40; Варламова, 1986, с. 65]. Как видим, символика концептов «река», «гора» в эвенкийском языке связана с процессом жизни, в т. ч. с преодолением ее трудностей. Для сравнения – в русском языке символ реки также взаимосвязан с процессом жизни, однако в большей степени взаимосвязан с концептом «время»: *Год прожить – не реку переплыть, век прожить – не море переехать* [10, с. 61].

Концепт «движение (жизни)» во взаимосвязи с концептом «время» в эвенкийском языке воплощен в ФЕ, используемых в значении «достичь определенного возраста». В образовании ФЕ используются глаголы *ис-ми* – «дойти, доехать», *илтэн-ми* – «миновать, пройти, проехать мимо» [5, с. 242, 257; 8, с. 310]:

• *Бэе дулинман исчә.*

– *Среднего возраста достиг* [досл.: *до середины человека дошел*] [7, с. 59].

• *Бэе дулинман илтэнчэ бэе, аһйя ачин, сэмчэ бидиңэн* – эвкй сурумделвэ аһидүлэ уңрэ, мэнын һануўки, һэгэденэ тыкэн.

– *До среднего возраста дожил* [досл.: *середину человека мимо прошел*] человек, жены нет, умерла – он сватов к женщине не засылает, сам спрашивает, так поёт [11, с. 314, 315].

В речи и фольклоре эвенков распространено устойчивое выражение *улёкитнэ йлэ исчиңән?* – досл.: «Обманывая, куда дойдет?»:

• Акйнми никимнадукин энэһйт кумнэрэн,

Тыкэн гуннэ турэлкэн бдан:

– ...Акйн гундбй акйнми,

Сёма бэе Сёданй мата,

Токтёкол-болгойкол!

Бй синдү бн улёкитчиңэв,

Бй улёкитнэв йлэ исчиңән?

– Она крепко обняла своего старшего брата за шею
И сказала такие слова:

– ...Старшим братом называемый старший брат мой,
Храбрый человек Содани-мата,
Подожди, стой!
Я тебя как могу обмануть,

Обманом ничего не достигнешь [досл.: *обманом совершаемое моё куда дойдет*]? [12, с. 146, 147].

Выражение используется в значении «Разве можно обманом прожить?», «Обманом ничего [хорошего] не достичь». ФЕ возникла на основе принятых социальных, морально-нравственных норм эвенкийского общества, в котором обман, воровство считаются недопустимыми [17, с. 37; 18, с. 20 и др.].

Определенное число фразеологизмов образовано от близкого по значению глагола *бокон-ми* – «догнать, нагнать» [5, с. 91]. Пословица *Дуннэ чэчэвэн этэнны бокондо* – досл. «Земли края не догонишь» используется в значении «Человеку подвластно далеко не всё», близко по смыслу «Нельзя объять необъятное» [7, с. 67]. Использование в ФЕ глагола *бокон-ми* обусловлено объективными знаниями народа о динамичном состоянии земли и планет солнечной системы [19, с. 123]. В системе знаний эвенков и родственных народов тунгусо-маньчжурской группы астрономия составляла одну из важных сфер познания, что было обусловлено динамичным состоянием хозяйственных традиций. Функциональность астрономических знаний в среде тунгусо-маньчжуров была продиктована необходимостью постоянной ориентации в пространстве, кроме этого, циклическая динамика объектов космогонии была привязана к календарным хозяйственным и ритуальным традициям [20, с. 2004]. Астрономии как научной и образовательной дисциплине уделялось большое внимание в системе образования в тунгусских государствах Бохай и Айсин Гурун [21, с. 20; 22, с. 173, 209].

• ФЕ *гунденэви бокондиуб* – «сказанное свое догнать» применяется в значении «сказанное моим делом подтвердится», «слово делом подкреплю» [7, с. 67]. Выражение основывается на законе эвенкийского общества «быть верным своему слову». ФЕ, указывающая на обязательное выполнение данного слова, закреплена в своде законов Итыл: «Турэнми дуннэду энэ гарандара, тыкэн некэтни, горowo этэнны иста – Слов своих на землю не роняй, не разбрасывай. Так поступать будешь – далеко не уйдешь» [15, с. 191–192]. Многие исследователи и путешественники отмечали непреложный кодекс поведения тунгуса, в котором выполнение данного обещания соблюдалось неукоснительно. На «верном слове» тунгуса, его устном обязательстве выполнения условий торговых сделок строилась система торговли эвенков и эвенов с русскими и якутскими купцами [23, с. 201, 202; 24, с. 146 и др.].

Образное выражение *турэнди боконми* – досл. «словом догнать» используется в значении «убедить [человека]», «доказать что-то кому-либо»:

• Ая бэе *турэнди-дэ бокондён*.

– Хороший человек и словом то убедит [досл.: *Хороший человек и словом догонит*] [7, с. 46].

• Би-гу *турэнмэв бокондби* некэденни?

– *Моё-то слово ты догнать* собрался? [7, с. 65].

ФЕ *сагданкйду боконмүвда* – «старостью настигнутым оказаться» используется в значении «постареть» «состариться» [7, с. 12, 62]:

• Де, Гарпарикан *сагданкйду боконмүвдяран*. Нюриктэлин буркасчанал, анжанилиин ил-тэндэрэ.

– Вот, Гарпарикан *старостью достигнутым* оказался [досл.: *в состоянии старости почувствовал, как ею достигнутым* оказался]. Волосы его поседел, годы его мимо прошли [14, с. 102, 255].

В языковой картине мира эвенков движение противопоставляется статичному состоянию объектов бытия. Это, прежде всего, касается оценки жизнедеятельности человека – оседлый образ жизни, прекращение процесса кочевья в соответствии с ментальностью эвенка-кочевника воспринимаются негативно. Тезис подтверждается наличием различных ФЕ, встречающихся в речи, фольклоре и литературе эвенков:

• Тар бэйэ бими нуан: «Бй эрдын баран бэйүзвэ вām. Тэйим, эжүнми ңиңив дебден? Би ңэнэктэ! Ңэнэви амҗави бакадиңāv. Умун-утук утэндү, дуннэвэ энэ гиркура сагдандāви некэм? Буга тэгэҗмэн энэ ичэрэ сагдандāви некэм?».

– Этот человек [мужчиной] будучи [произнес]: «Я много зверей добыл. Запасы, сделанные мной с кем есть буду? Я отправлюсь [в путь]! В пути сотрапезника найду [досл.: рот найду]. В одном старинном жилище [для оседлой жизни], *землю не обойдя состариться собрался я [что ли]? Земли основание не увидев состариться собрался я [что ли]?* [Там же, с. 58, 214].

ФЕ *угэдүвэр намарами* – досл. «к порогу своему прилипнуть» имеет значение «проводить все свое время дома»; «перестать кочевать»; «перестать вести активный образ жизни»:

• Коҗанкāчāн-атыркāчāн

Сагданкйдү тырэвдерэн –

Угэдүвэр намарачāдяран.

– Коҗанкачан-старушка

Старости поддалась

– *К порогу своему прилипнув [существует]* [25, с. 46, 79].

Варианты ФЕ *умун бугадү сагданмүвдями* – «на одной земле старость почувствовать», *буга тэгэҗмэн энэ ичэрэ сагдандāви некэми* – «земли основание не увидев, состариться собраться» применяются в значении «прожить жизнь без странствий»; «прожить скучную жизнь»; «уподобиться женщине, сидящей дома»:

• – *Чиндэлэ! Чиндэлэ!*

Һуркэн-де бидексэжэн,

Он-мāl умун бугадү

Асйгачин сагданмүвдям?

– *Чиндэлэ! Чиндэлэ!*

Парнем-то будучи,

Как же [это] на одной земле

Подобно женщине *старость почувствую?* [Там же, с. 34, 71].

В рамках традиций кочевой культуры, в которой мужчине свойственен статус охотника-добытчика, охотника-кочевника, фразеологизм отражает определенную степень неприятия эвенками оседлого образа жизни. В менталитете эвенков оседлая жизнь ассоциируется с образом жизни женщины, т.е. состояния, неприемлемого для «мужчины-эвенка».

Заключение

Таким образом, концепт «движение» относится к числу базовых символов традиционного мировоззрения эвенков, сформированного в процессе исторической адаптации культурного комплекса охотника-кочевника в условиях ландшафта горной тайги. В этнической картине мира рассматриваемый концепт осмысливается во взаимосвязи с процессом человеческой жизни и воплощается в значительном объеме фразеологических еди-

ниц, образованных от глаголов, обозначающих различные формы движения. Наиболее распространены фразеологизмы, образованные от глаголов *унэнми* – «идти» и *гиркуми* – «шагать». В эвенкийском языке концепт «движение» репрезентируется в виде различных по значению ФЕ, среди которых наиболее распространенными являются фразеологизмы в значении «преодолевать», «достигать», «догонять». В языковой картине мира эвенков движение противопоставляется статичному состоянию объектов окружающего мира. В оценке жизнедеятельности человека оседлый образ жизни, прекращение процесса кочевья в соответствии с традициями этнической ментальности воспринимаются негативно. Фразеология эвенкийского языка отражает этнографические, социальные, морально-нравственные традиции этнического общества и систему приобретенных знаний.

Литература

1. Толстой, Н. И. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований / Н. И. Толстой // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. – Ленинград : Наука, 1974. – С. 16–33.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
3. Гумилев, Л. Н. Археологические исследования П. К. Козлова в аспекте исторической географии / Л. Н. Гумилев, С. И. Руденко // Известия Всесоюзного географического общества. – 1966. – Т. 98. – Вып. 3. – С. 240–246.
4. Надеждин, Н. И. Опыт исторической географии русского мира / Н. И. Надеждин // Библиотека для чтения. – 1837. – № 6. – С. 28–79.
5. Эвенкийско-русский словарь / Составитель А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2004. – 798 с.
6. Толстая, С. М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале / С. М. Толстая // Концепт движения в языке и культуре. – Москва : Индрик, 1996. – С. 89–104.
7. Варламова, Г. И. Фразеологизмы в эвенкийском языке / Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 80 с.
8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1 / Отв. ред. В. И. Цинциус. – Ленинград : Наука, 1975. – 672 с.
9. Даль, В. И. Пословицы русского народа : Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / В. И. Даль. – Москва : Типография Московского университета, 1862. – 1095 с.
10. Русские пословицы и поговорки / Составитель М. А. Рыбникова. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – 230 с.
11. Обрядовая поэзия и песни эвенков / Составители Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. – Новосибирск : Гео, 2014. – 487 с.
12. Эвенкийские героические сказания / Составитель А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 1990. – 392 с.
13. Оёгир, Н. К. Танец куликов : стихи (на русском и эвенкийском языках) / Н. К. Оёгир. – Красноярск : Кн. изд-во, 1987. – 97 с.
14. Исторический фольклор эвенков : Сказания и предания / Составитель Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1966. – 400 с.
15. Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия : сб. науч. тр. Вып. 1. / Под редакцией Г. В. Быковой, Г. И. Варламовой. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2006. – 270 с.
16. Двуногий да поперечноглазый, черноголовый человек-эвенк и его земля Дулин Буга / Составитель Г. И. Варламова-Кэптукэ. – Якутск : Розовая чайка, 1991. – 49 с.
17. Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей: в 4 т. Ч. 3: О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских, как и о Шаманском законе / И. Г. Георги. – Санкт-Петербург : Типография Вейтбрехта и Шнора, 1777. – 116 с.
18. Иохельсон, В. И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении. Вып. 2 / В. И. Иохельсон. – Санкт-Петербург : Типография С. Н. Худякова, 1895. – 37 с.

19. Варламова, Г. И. Эвенкийские пословицы / Г. И. Варламова // Полярная Звезда. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – № 4. – Якутск, 1981. – С. 122–126.
20. Подмаскин, В. В. Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов / В. В. Подмаскин // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2004. – № 1 (113). – С. 94–105.
21. Матвеев, З. Н. Бохай. Из истории Восточной Азии VIII–X вв. / З. Н. Матвеев // Труды Дальневосточного гос. ун-та. – Сер. 6, № 8. – Владивосток : Тип-я ДВГУ, 1929. – 41 с.
22. Воробьев, М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.) / М. В. Воробьев. – Москва : Наука, 1983. – 368 с.
23. Дионео, И. В. На крайнем северо-востоке / И. В. Дионео. – Санкт-Петербург : Изд-во Л.Ф. Пантелеева, 1895. – 201 с.
24. Стефанович, Я. В. От Якутска до Аяна : Путевые наблюдения (Аянская экспедиция 1894 года) / Я. В. Стефанович. – Иркутск : Типолитография И. П. Макушина, 1896. – 185 с.
25. Чинков-Эдян, Г. Я. Гарпаниндя : нимжакан-хувун / Г. Я. Чинков-Эдян. – Ленинград : Главсевморпуть, 1939. – 80 с.

References

1. Tolstoj, N. I. Nekotorye voprosy sootnosheniya lingvo- i etnograficheskikh issledovanij / N. I. Tolstoj // Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii. – Leningrad : Nauka, 1974. – S. 16–33.
2. Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya : Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'torologicheskij aspekty / V. N. Teliya. – Moskva : YAzyki russkoj kul'tury, 1996. – 288 s.
3. Gumilev, L. N. Arheologicheskie issledovaniya P. K. Kozlova v aspekte istoricheskoy geografii / L. N. Gumilev, S. I. Rudenko // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. – 1966. – T. 98. – Vyp. 3. – S. 240–246.
4. Nadezhdin, N. I. Opyt istoricheskoy geografii russkogo mira / N. I. Nadezhdin // Biblioteka dlya chteniya. – 1837. – № 6. – S. 28–79.
5. Evenkijsko-russkij slovar' / Sostavitel' A. N. Myreeva. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – 798 s.
6. Tolstaya, S. M. Akcional'nyj kod simvolicheskogo yazyka kul'tury: dvizhenie v rituale / S. M. Tolstaya // Koncept dvizheniya v yazyke i kul'ture. – Moskva : Indrik, 1996. – S. 89–104.
7. Varlamova, G. I. Frazeologizmy v evenkijskom yazyke / G. I. Varlamova. – Novosibirsk : Nauka, 1986. – 80 s.
8. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. T. 1 / Otv. red. V. I. Cincius. – Leningrad : Nauka, 1975. – 672 s.
9. Dal', V. I. Poslovicy russkogo naroda : Sbornik poslovic, pogovorok, rechenij, prislovij, chistogovorok, pribautok, zagadok, poverij i proch. / V. I. Dal'. – Moskva : Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1862. – 1095 s.
10. Russkie poslovicy i pogovorki / Sostavitel' M. A. Rybnikova. – Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1961. – 230 s.
11. Obryadovaya poeziya i pesni evenkov / Sostaviteli G. I. Varlamova, YU. I. SHEjkin. – Novosibirsk : Geo, 2014. – 487 s.
12. Evenkijskie geroicheskie skazaniya / Sostavitel' A. N. Myreeva. – Novosibirsk : Nauka, 1990. – 392 s.
13. Oyogir, N. K. Tanec kulikov : stihi (na russkom i evenkijskom yazykah) / N. K. Oyogir. – Krasnoyarsk : Kn. izd-vo, 1987. – 97 s.
14. Istoricheskij fol'klor evenkov : Skazaniya i predaniya / Sostavitel' G. M. Vasilevich. – Leningrad : Nauka, 1966. – 400 s.
15. Evenkijskij etnos v nachale tret'ego tysyacheletiya : sb. nauch. tr. Vyp. 1. / Pod redakciej G. V. Bykovoju, G. I. Varlamovoj. – Blagoveshchensk : Izd-vo BGPU, 2006. – 270 s.
16. Dvunogij da poperechnoglazjy, chernogolovjy chelovek-evenk i ego zemlya Dulin Buga / Sostavitel' G. I. Varlamova-Keptuke. – Yakutsk : Rozovaya chajka, 1991. – 49 s.
17. Georgi, I. G. Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov i ih zhitejskikh obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, veroispovedanij i prochih dostopamyatnostej : v 4 t. CH. 3: O narodah samoedskih, man'chzhurskikh i vostochnyh sibirskih, kak i o SHamanskom zakone / I. G. Georgi. – Sankt-Peterburg : Tipografiya Vejtbrekhta i SHnora, 1777. – 116 s.
18. Iohel'son, V. I. Zametki o naselenii Yakutskoj oblasti v istoriko-etnograficheskom otnoshenii. Vyp. 2 / V. I. Iohel'son. – Sankt-Peterburg : Tipografiya S. N. Hudyakova, 1895. – 37 s.

19. Varlamova, G. I. Evenkijskie poslovice / G. I. Varlamova // Polyarnaya Zvezda. Literaturno-hudozhestvennyj i obshchestvenno-politicheskij zhurnal. – № 4. – YAkutsk, 1981. – S. 122–126.
20. Podmaskin, V. V. Kosmografiya tunguso-man'chzhurov i nivhov / V. V. Podmaskin // Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. – 2004. – № 1 (113). – S. 94–105.
21. Matveev, Z. N. Bohaj. Iz istorii Vostochnoj Azii VIII–X vv. / Z. N. Matveev // Trudy Dal'nevostochnogo gos. un-ta. – Ser. 6, № 8. – Vladivostok : Tip-ya DVGU, 1929. – 41 s.
22. Vorob'ev, M. V. Kul'tura chzhurchzhenej i gosudarstva Czin' (X v. – 1234 g.) / M. V. Vorob'ev. – Moskva : Nauka, 1983. – 368 s.
23. Dioneo, I. V. Na krajnem severo-vostoke / I. V. Dioneo. – Sankt-Peterburg : Izd-vo L.F. Panteleeva, 1895. – 201 s.
24. Stefanovich, YA. V. Ot YAkutsk do Ayana : Putevye nablyudeniya (Ayanskaya ekspediciya 1894 goda) / YA. V. Stefanovich. – Irkutsk : Tipolitografiya I. P. Makushina, 1896. – 185 s.
25. CHinkov-Edyan, G. YA. Garpanindya : nimjakan-huvun / G. YA. CHinkov-Edyan. – Leningrad : Glavsevmorput', 1939. – 80 s.

Внедрение терминов на эвенкийском языке на уроках математики в начальной школе

А. В. Иванова, С. И. Осипова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: afgust1945@gmail.com

E-mail: Struch.Sara94@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос обучения эвенкийскому языку младших школьников, приобщения к культуре эвенков. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что языковая ситуация эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия) оценивается как критическая, так как употребление данного языка сведено до минимума. Целью исследования является проверка результативности математических заданий с национальным компонентом на интегрированных занятиях эвенкийского языка и математики. Для достижения поставленной цели нами были поставлены следующие задачи: проанализировать значимость обучения эвенкийскому языку в формировании этнокультурной компетенции; разработать математические задачи с национальным компонентом; экспериментально проверить эффективность интегрированных занятий эвенкийского языка и математики в формировании этнокультурной компетенции младших школьников. В результате проведенной опытно-экспериментальной работы выявлено, что разработанный словарь учебно-математических терминов на эвенкийском языке, составленные задачи с национальным компонентом на эвенкийском языке способствуют приобщению к культуре эвенкийского народа, формируя этнокультурную компетенцию младших школьников. В перспективе планируется исследовать и разрабатывать интегрированные занятия родного языка и школьного предмета «окружающий мир», обучая их родному языку, приобщая к культуре.

Ключевые слова: эвенкийский язык, эвенки, культура, математика, интегрированное занятие, компетенция, этнокультурная компетенция, задачи, математические задачи, числительные.

Для цитирования: *Иванова А. В., Осипова С. И.* Внедрение терминов на эвенкийском языке на уроках математики в начальной школе // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-37-46

Introduction of terms in the Evenki language in mathematics lessons in primary school

A. V. Ivanova, S. I. Osipova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: afgust1945@gmail.com

E-mail: Struch.Sara94@mail.ru

Abstract. This article discusses the issue of teaching the Evenk language to younger schoolchildren, familiarization with the culture of the Evenks. The relevance of the research topic is due to the fact that the linguistic situation of the Evenk language in the Republic of Sakha (Yakutia) is assessed as critical, since

ИВАНОВА Августина Васильевна – д. п. н., проф., Педагогический институт, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: afgust1945@gmail.com

IVANOVA Augustina Vasilyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Pedagogical Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ОСИПОВА Сардана Игнатьевна – аспирант, ассистент, Педагогический институт, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: Struch.Sara94@mail.ru

OSIPOVA Sardana Ignatievna – Postgraduate student, assistant, Pedagogical Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

the use of this language is minimized. The aim of the study is to test the effectiveness of mathematical tasks with a national component in integrated classes of the Evenk language and mathematics. To achieve this goal, we have set the following tasks: to analyze the importance of teaching the Evenk language in the formation of ethno-cultural competence; to develop mathematical problems with a national component; to experimentally test the effectiveness of integrated classes of the Evenk language and mathematics in the formation of ethno-cultural competence of junior high school students. Because of the experimental work carried out, it was revealed that the developed dictionary of educational and mathematical terms in the Evenk language, compiled tasks with a national component in the Evenk language contribute to familiarization with the culture of the Evenk people, forming the ethno-cultural competence of younger schoolchildren. In the future, it is planned to research and develop integrated classes of the native language and the school subject «the world around», teaching them their native language, introducing them to culture.

Keywords: Evenki language, Evenki, culture, mathematics, integrated lesson, competence, ethnocultural competence, tasks, mathematical problems, numerals.

For citation: Ivanova A. V., Osipova S. I. Introduction of terms in the Evenki language in mathematics lessons in primary school // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-37-46

Введение

Общая языковая ситуация эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия) как и в других регионах России с точки зрения их реального функционирования оценивается как критическая, так как употребление данного языка сведено до минимума. В научно-педагогической сфере ведется активное исследование в области путей сохранения языка эвенкийского этноса находящегося под угрозой исчезновения. Большую работу в этом направлении ведут общественные организации, наиболее видное место среди них занимает Ассоциация КМНС. Реализуются также государственные образовательные программы, направленные на сохранение эвенкийского языка и его изучение в дошкольном и школьном возрасте.

Государство защищает языки народов Российской Федерации, что подтверждается в п. 1 ст. 4 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации». Органы законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации гарантируют и обеспечивают социальную, экономическую и юридическую защиту всех языков народов Российской Федерации [1].

Общие сведения об эвенкийском языке

В Якутии проживают пять представителей малочисленных народов Севера: эвенки, эвены, юкагиры, чукчи и долганы. Эвенки являются одним из многочисленных народностей.

Эвенкийский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурским языкам, который делится на две группы: северная (негидальский, эвенкийский, солонский и эвенский); южная (ульта (орокский), ульчский, орокский, маньчжурский, удэгейский и нанайский).

До Великой Октябрьской социалистической революции малочисленные народы Севера владели бесписьменным языком. В 1930 г. в Ленинграде был создан Институт народов Севера, который оказал огромную роль в создании письменности и литературы на языках малочисленных народов Севера [2].

Измерения у эвенков

Счет у эвенков, как и у всех народов алтайской семьи, десятиричный. Но числа второго десятка, кроме общераспространенных, имеют и другие формы в говорах эвенков и эвенов.

Например, один – умун, два – дюр, три – илан, четыре – дыгин, пять – туңна, шесть – нюнун, семь – надан, восемь – дяпкун, девять – егин, десять – дян. Далее эвенкийский счет идет, плюсуя к десятиричным числам единичные. Например, десять – дян, одиннадцать или десять один – дян умун, двенадцать или десять два – дян дюр, тринадцать или десять три – дян илан, четырнадцать или десять четыре – дян дыгин, пятнадцать или десять пять – дян туңна, шестнадцать или десять шесть – дян нюнун, семнадцать или десять семь – дян

надан, восемнадцать или десять восемь – дян дяпкун, девятнадцать или десять девять – дян егин, двадцать – дюрдяр). Далее представим десятичные числа на эвенкийском языке – тридцать или три десятка – иландяр, сорок или четыре десятка – дыгиндяр, пятьдесят или пять десятков – туннадяр, шестьдесят или шесть десятков – нюнундяр, семьдесят или семь десятков – надандяр, восемьдесят или восемь десятков – дяпкундяр, девяносто или девять десятков – егиндяр. Далее сто – нямади.

Научившегося говорить ребенка учили счету до 10, для чего существовала специальная считалка, облегчающая запоминание порядка чисел тем, что вслед за числом произносилось предметное слово, начинающееся с такого же слога, как и число; например, умун – умукта (один-яйцо), дюр – дювуктэ (два-оса) и т. д. [3, с. 185-186].

Анализ учебных эвенкийских словарей показал, что еще не создан отдельный словарь математических терминов на эвенкийском языке. В данной статье нами проведена попытка составить математические термины на эвенкийском языке. Далее приведем примеры математических терминов для обучающихся начальных классов, переведенный на эвенкийский язык. Слова с русского на эвенкийский и с эвенкийского на русский язык были переведены с использованием словарей [4, 5, 6]:

Больше – в математике термин «больше» используется для сравнения двух чисел и указывает, что одно число является больше другого. Оператор «больше» обозначается символом $>$. Например, если у нас есть два числа: 5 и 3, то мы можем сказать, что 5 больше 3, потому что $5 > 3$. Термин «больше» также может использоваться для сравнения других математических объектов, таких как переменные, выражения или функции. В этом случае, сравнение проводится на основе их значений или свойств. Сравнительная степень от большой) хэгдытмэр (мн. хэгдытмэсэл) [4].

Век – 1. (столетие) век, уе, нахун; 2. (эпоха) век; каменный век ист. каменный век; 3. разг. (жизнь) илан бээл (букв. : три человека); на веки вечные бкіндү-дә; термин «век» используется для обозначения периода времени, состоящего из ста лет. Например, «XX век» означает период с 1901 по 2000 гг. Это позволяет классифицировать и описывать исторические события и периоды.

Вычитание – матем. халгэн [5]; в математике термин «вычитание» относится к одной из основных арифметических операций. Он используется для нахождения разности между двумя числами. Операция вычитания обозначается символом «-» и выполняется следующим образом: из одного числа, называемого уменьшаемым или уменьшаемым числом, вычитается другое число, называемое вычитаемым или вычитаемым числом. Результат этой операции называется разностью. Например, если у нас есть выражение $7 - 2$, то 7 является уменьшаемым числом, а 2 – вычитаемым числом. Результатом вычитания будет 5, так как 7 минус 2 равно 5.

Год – анҗанй; год – это один из периодов, на которые делится календарь. Время между двумя последовательными весенними равноденствиями. Год состоит примерно из 365 дней. Отрезок времени, в течение которого Земля делает один оборот вокруг Солнца. Также годом принято называть период в 12 месяцев, который используется в гражданском календаре. Таким образом, год – это мера времени, равная периоду, за который Земля делает один оборот вокруг Своей оси и вокруг Солнца.

Деление – матем. боричин; деление – это математическая операция, которая включает в себя разделение количества на равные части или определение того, сколько раз одно число можно разделить на другое. Частное: результат деления, который показывает, сколько раз делитель можно разделить на делимое. Остаток: сумма, оставшаяся после деления, когда дивиденд не делится на делитель без остатка. В математической записи деление мо-

жет быть представлено по-разному, в зависимости от контекста и страны. Вот некоторые распространенные обозначения:

Диаграмма – урэмкэчйвун, тэрэмкэчйвун; диаграмма – это визуальное представление данных, информации или процессов с использованием графических элементов, таких как графы, диаграммы, схемы и рисунки. Диаграммы позволяют наглядно представить сложные концепции, связи и взаимодействия между различными элементами.

Длина – нѳним, дыңки; в математике термин «длина» используется для измерения размера или протяженности объектов. Длина может быть определена в различных контекстах и иметь разные значения в зависимости от ситуации.

Доля – (часть) хән, хăды; математическим термином доля выступает доля числа или величины. Это отношение части к целому или численное измерение части относительно целого.

Единица – умѳн; это фундаментальное понятие в математике, которое играет решающую роль в различных математических операциях и структурах. Термин «единица» может относиться к различным математическим понятиям в зависимости от контекста.

Задача – матем. таңивкă [6]; математический термин «задача» переводится как «проблема». Математическая проблема относится к задаче или вопросу, который требует решения с использованием математических принципов, методов или приемов. Эти задачи можно найти в различных разделах математики, таких как алгебра, геометрия, исчисление и т. д. Математические задачи часто представляются в виде словесных задач или уравнений, и для их решения требуются логические рассуждения, критическое мышление и математические навыки. Цель состоит в том, чтобы найти решение или ответ, который удовлетворяет заданным условиям или ограничениям.

Квадрат – дыгин онѳачи урѳчыл киручѳ; в математике квадратом называют геометрическую фигуру с четырьмя равными сторонами и четырьмя прямыми углами. Это особый тип прямоугольника, у которого все стороны имеют одинаковую длину.

Кривая – (о линии) кѳтарă (вин. кѳтарăвѳ); кривая – это непрерывная и плавная линия, не состоящая из прямых отрезков. Его можно определить по-разному, и он может принимать разные формы. Кривые являются фундаментальными объектами геометрии и широко изучаются в различных разделах математики, таких как исчисление, дифференциальная геометрия и алгебраическая геометрия. Они имеют применение в различных областях, включая физику, инженерию, компьютерную графику и многое другое.

Круг – тоңолло; круг – это геометрическая фигура, состоящая из всех точек плоскости, равноудалѳнных от фиксированной центральной точки. Это тип кривой с определенным набором свойств.

Линия – (прямая) нуѳнѳ; линия – это прямая кривая, простирающаяся бесконечно в обоих направлениях. Это одно из фундаментальных понятий геометрии, обладающее несколькими важными свойствами.

Луч – гарпа; луч – это математический термин, используемый в геометрии для описания части линии, имеющей одну конечную точку и простирающейся бесконечно в одном направлении. Его можно представить, как полулинию. Лучи обычно обозначаются одной строчной буквой со стрелкой вверх, указывающей направление распространения луча.

Масса – кѳтѳ; масса – это фундаментальная физическая величина, которая измеряет количество вещества в объекте или его инертность. Масса обычно обозначается символом m . Масса является свойством материи и остается неизменной независимо от местоположения объекта во Вселенной. Единицей измерения массы в Международной системе единиц является килограмм (кг).

Меньше – (по количеству) адытмар, (*по размеру*) хулутмэр; в математике термин «меньше» используется для сравнения чисел и выражает отношение между ними, «меньше» (<) обозначает, что одно число меньше другого числа.

Многоугольник – геом. кэтэ онҗачи; многоугольник – это геометрическая фигура, состоящая из трех или более отрезков, называемых сторонами, которые соединяются в вершинах. Каждая сторона пересекается с двумя другими сторонами, и вершины не лежат на одной прямой. Многоугольники могут иметь различное количество сторон и вершин. Некоторые из наиболее распространенных многоугольников включают треугольник (3 стороны), четырехугольник (четыре стороны), пятиугольник (пять сторон), шестиугольник (шесть сторон) и так далее.

Множитель – матем. кэтэҗдери; в математике термин «множитель» используется для обозначения числа или выражения, которые участвуют в операции умножения. В умножении множители перемножаются, чтобы получить произведение.

Равенство – урэчин, тэрэҗ; равенство – это математическое понятие, которое означает, что два выражения или значения являются одинаковыми или эквивалентными. В математике равенство обозначается символом «=».

Расстояние – сигдылэ, устан; в математике термин «расстояние» относится к мере пространства между двумя объектами или точками. Это фундаментальное понятие, используемое в различных разделах математики, включая геометрию, анализ и алгебру. Расстояние между двумя точками обычно представляется числовым значением, которое количественно определяет степень разделения между ними.

Слагаемое – хавувдярй; в математике термин слагаемое относится к числу или величине, которая прибавляется к другому числу или величине для получения суммы. Слагаемые являются отдельными компонентами операции сложения. Когда два или более слагаемых объединяются с помощью операции сложения, результат называется суммой.

Сложение – мат. хāvун; в математике термин сложение относится к операции комбинирования двух или более чисел, или величин для получения их суммы. В процессе сложения, числа или величины, называемые слагаемыми или суммами, объединяются, чтобы получить общую сумму.

Сумма – 1. (денежная) сумма; 2. мат. асун брйн; в математике термин сумма относится к результату операции сложения, при которой два или более числа, или величины объединяются для получения общего значения. Сумма представляет собой общую величину или количество, полученное путем сложения слагаемых.

Сутки – долбонйун тыргай, долбонйун инэҗ; в математике и временных измерениях термин сутки обозначает период времени, который составляет 24 часа. Сутки являются единицей измерения для определения продолжительности времени, основанной на обращении Земли вокруг своей оси.

Треугольник – геом. илан бнҗачи; в математике термин треугольник относится к геометрической фигуре, которая состоит из трех отрезков, называемых сторонами, и трех углов. Треугольник является одной из основных фигур в геометрии и имеет множество свойств и характеристик.

Угол – бнҗан; в математике термин «угол» относится к геометрической фигуре, образованной двумя лучами, называемыми сторонами угла, и точкой, называемой вершиной угла. Угол используется для измерения относительного положения двух лучей и может быть выражен в градусах, радианах или других единицах измерения.

Умножение – матем. кэтэҗҗин; в математике термин умножение относится к операции, при которой два числа (называемые множителями) объединяются для получения их про-

изведения. Умножение является одной из основных арифметических операций и имеет множество свойств и правил.

Уменьшаемое – мат. адби́йвдярй; в математике термин уменьшаемое относится к числу, которое уменьшается или вычитается из другого числа в операции вычитания. В выражении «уменьшаемое – вычитаемое = разность», уменьшаемое является числом, из которого вычитается другое число для получения разности.

Уравнение – урэ́чинин; уравнение – это математическое выражение, которое устанавливает равенство между двумя выражениями или функциями. Уравнение обычно содержит одну или несколько переменных и может быть решено для определения значений этих переменных, при которых оба выражения становятся равными.

Цена – таман; в математике термин «цена» может иметь различные значения в зависимости от контекста. Однако, в общем смысле, «цена» обычно относится к числовой величине, которая определяет стоимость или значение чего-либо. В математических моделях и задачах, цена может быть связана с определением стоимости товаров, услуг, активов или других ресурсов.

Четырехугольник – дыгин киручй; четырехугольник – это геометрическая фигура, состоящая из четырех отрезков, называемых сторонами, и четырех вершин. Четырехугольники могут быть различных типов в зависимости от свойств их сторон и углов.

Число – таңу; в математике термин «число» относится к абстрактной концепции, которая используется для измерения, подсчета и описания количества или величины. Числа могут быть представлены символами или цифрами и могут быть классифицированы в различные категории в зависимости от их свойств и характеристик.

Ширина – албин, дэлэй; в математике термин «ширина» относится к геометрической характеристике фигуры или объекта, которая определяет расстояние между двумя противоположными сторонами или границами. Ширина может быть измерена в линейных единицах, таких как сантиметры, метры, дюймы и т. д.

Пример занятия математики по внедрению математических терминов на эвенкийском языке

Для обучения родному языку и приобщения к родной культуре, формирования этнокультурной компетенции обучающихся младшего школьного возраста нами были проведены интегрированные занятия эвенкийского языка и математики – арифметические действия и задачи по математике с национальным компонентом. База исследования: МОБУ «Средняя общеобразовательная школа № 26 им. Е.Ю. Келле-Пелле» г. Якутск Республики Саха (Якутия) – 23 обучающихся 3 класса – экспериментальная группа (учитель экспериментатор – Стручкова Валентина Игнатьевна); МОБУ СОШ № 38 (с углубленным изучением отдельных предметов) – обучающиеся 3 класса (учитель экспериментатор – Говорова Татьяна Эдуардовна). В экспериментальной работе была апробирована авторская программа, описанная в учебно-методическом пособии «Формирование этнокультурной компетенции младших школьников во внеурочной деятельности». В начале учебного года нами была проведена диагностика по методикам, разработанным И. Б. Рябцевой «методика выбора», «метод индивидуальной беседы», «метод творческих заданий», где уровень в обеих группах не сильно различался.

Далее приведем пример одного интегрированного занятия эвенкийского языка и математики.

– Аялди, омонгичар да хунаткар! (Здравствуйте, мальчики и девочки!). Сегодня у нас будет «звезды математика» (эвенкийская математика). Повтор и счет до 10 на эвенкийском языке.

Обучающиеся хором: умун (один), дюр (два), илан (три), дыгин (четыре), туңна (пять), нюнун (шесть), надан (семь), дяпкун (восемь), егин (девять), дян (десять).

– Сегодня мы будем изучать десятичные числительные. Десять – дян, одиннадцать или десять один – дян умун, двенадцать или десять два – дян дюр, тринадцать или десять три – дян илан, четырнадцать или десять четыре – дян дыгин, пятнадцать или десять пять – дян туңна, шестнадцать или десять шесть – дян нюнун, семнадцать или десять семь – дян надан, восемнадцать или десять восемь – дян дяпкун, девятнадцать или десять девять – дян егин, двадцать – дюрдюр). Обучающимся учитель раздает карточки, где последний столбик не заполнен (табл.):

Таблица

Обучающие карточки по математике

Дян (десять)	Умун (один)	Дян умун (одиннадцать)
Дян (десять)	Дюр (два)	Дян дюр (двенадцать)
Дян (десять)	Илан (три)	Дян илан (тринадцать)
Дян (десять)	Дыгин (четыре)	Дян дыгин (четырнадцать)
Дян (десять)	Туңна (пять)	Дян туңна (пятнадцать)
Дян (десять)	Нюнун (шесть)	Дян нюнун (шестнадцать)
Дян (десять)	Надан (семь)	Дян надан (семнадцать)
Дян (десять)	Дяпкун (восемь)	Дян дяпкун (восемнадцать)
Дян (десять)	Егин (восемь)	Дян егин (девятнадцать)

Физкультминутка. Обучающимся предлагается выполнить зарядку под эвенкийский счет: умун (один) – опустить голову налево, дюр (два) – опустить голову направо, илан (три) – опустить голову вперед, дыгин (четыре) – голову назад, туңна (пять) – руки развести в стороны, нюнун (шесть) – руки поднять вверх, надан (семь) – руки вперед, дяпкун (восемь) – руки вниз.

Далее обучающимся предлагается решение задач с национальным компонентом.

Рефлексия. Обучающимся предлагается выбрать один из трех карточек – кружочков. Однотонный (темный), желтый, разноцветный. Однотонный (темный) означает, что урок не понравился, не понимание темы. Желтый – урок понравился, есть непонятные моменты урока. Разноцветный – все понятно, урок понравился.

Далее представлены математические задачи с национальным компонентом:

Задача 1.

У Киладий, Аяврины и Иланы есть олени, по одной у каждой девочки. Все олени разного цвета: белого, серого и коричневого.

У Киладий и Иланы – не коричневые.

У Иланы – не белого.

Какого цвета олень у Киладий? У Иланы?

[Киладийду, Аявринаду, Иланаду да ороор биһин, умун орон хунатканду. Упкат ороорво хуһутыкинду ичэдэмэ.

Киладийду, Иланаду – нуһартын сиһамал эчэтын бисин.

Иланаду – нуһан багдарин эчэн биси.

Авадьва ичэдэмэ орон Киладийду? Иланаду?].

Эвенкийские женские имена – Киладия (гладковолосая, опрятная), Аяврина (милая, любимая, дорогая), Имана (снежная, родившаяся во время снега).

Задача 2.

У Гарпанчи было 3 стрелы от лука. Он выстрелил два раза. Сколько стрел в луке осталось у Гарпанчи?

[Гарпанчиду илан дэвэлвэ бэрдук. Нуңан дюр умэнэвэ гарпдячан. Адычи дэвэл бэрдү Гарпанчива сулапчал?].

Эвенкийское мужское имя – Гарпанча (солнечный луч, стремительный как стрела).

Задача 3.

У Бэркэнчи было 3 щенка. Он подарил другу 1. Сколько щенков осталось у Бэркэнчи?

[Бэркэнчиду илан качикарва бичэн. Нуңан гиркиду умун качиканма аничан. Адычи качикарва Бэркэнчиду сулапчал?].

Эвенкийское мужское имя – Бэркэнчи (владеющий луком, меткий стрелок).

Задача 4.

Мама – эне на праздник дня оленьевода испекла 6 лепешек – тупа. В печи пекутся еще 2. Сколько всего лепешек – тупа испекла мама – эне?

[Эне «хуктивун» праздникла нюнун тупава иричэн. Няң печду дюр иридяра. Адычи тупава эне каларудяран?].

Эне – в переводе с эвенкийского означает мама. Тупа – в переводе с эвенкийского лепешка.

Задача 5.

Мама – эне на праздник дня оленьевода испекла 6 лепешек – тупа. 2 лепешки – тупа съели дети. Сколько осталось лепешек-тупа у мамы – эне?

[Эне «хуктивун» праздникла нюнун тупава иричэн. Дюр тупава куңакар девчэтын. Адычи тупава энеду сулапчал.].

Эне – в переводе с эвенкийского означает мама. Тупа – в переводе с эвенкийского лепешка.

Задача 6.

У Аяны было 5 веток можжевельника для окуривания и очищения дома. Две ветки она уже использовала. Сколько веток можжевельника осталось у Аяны для окуривания и очищения дома?

[Аянаду тунңа сэктэ сэңкирэвэ «Чичипканма» дюва. Нуңан дюр сэктэвэ бэлэгтэдечэн. Адычи сэктэ сэңкирэвэ Аянаду сулапчал?].

Эвенкийское женское имя – Аяна (добрая, хорошая (от эвенкийского слова «ая» – хорошо, добро).

Задача 7.

У Аркани было 6 диких оленей в стаде, а у Сигундэра – 5. Аркани отдал одного дикого оленя Сигундэру. Стало ли у Аркани и у Сигундэра диких оленей поровну в стадах?

[Арканиду нюнун бэюнмэ сэсинлэ, Сигундэрдү – тунңа. Аркани умун бэюнмэ Сигундэрдү бучэн. Арканиду, Сигундэрдү урэчит бэюрвэ очал?].

Эвенкийские мужские имена – Аркани (бессмертный, вновь рождающийся), Сигундэр (солнцеподобный).

Задача 8.

На верхней полке чоңала у бабушки – энекэ было 7 тарелок, а на нижней – 3 тарелки. Сколько тарелок надо переставить с верхней полки на нижнюю, чтобы на этих двух полках тарелок стало поровну?

Чоңал – место в чуме у входа, где хранится посуда и домашняя утварь.

Энекэ – бабушка.

Задача 9.

Эяна и Юлтэна помогали маме – эне лепить пирожки. Эяна слепила 2 пирожка. Юлтэна столько же. Сколько всего пирожков слепили девочки?

[Эяна, Юлтэнэ-да энеду бэлэтчэтын. Нуңартын пирожкилва уңкэчэтын. Эяна дюр пирожкилва уңкэчэчэн, Юлтэна нян. Адычи пирожкилва сунаткар уңкэчэчэтын?].

Эвенкийские женские имена – Эяна (подобная течению большой реки), Юлтэна (подобная восходящему солнцу).

Задача 10.

Дедушка – амака в этом году смастерил 5 оленьих седел – нэмэ. А в прошлом году сделал 3 седла – нэмэ. Сколько всего седел смастерил дедушка – амака?

[Амака тар анҕаниду тунҕа нэмэвэ очан. Горопты анҕаниду илан нэмэвэ очан. Адычи упкаттук нэмэвэ амакава очан?].

Нэмэ – верховое оленьё седло, амака – дедушка.

В конце года нами была проведена повторная диагностика сформированности этнокультурной компетенции младших школьников в экспериментальной и контрольной группах. Приведем обобщающие данные, которые свидетельствуют о повышении эффективности авторской программы. Результаты представлены на диаграмме 1.2 формирования этнокультурной компетенции младших школьников на интегрированных занятиях эвенкийского языка и математики есть положительная динамика: если в начале обучающихся с низким уровнем было 5 (21,7%), то в конце года их стало 2 (9%). Обучающихся со средним уровнем было 13 (56,5%), стало – 14 (60,8%). На констатирующем этапе обучающихся с высоким уровнем было 5 (21,7%), а в конце года стало 7 (30,4%). А в контрольной группе динамики почти не наблюдалось.

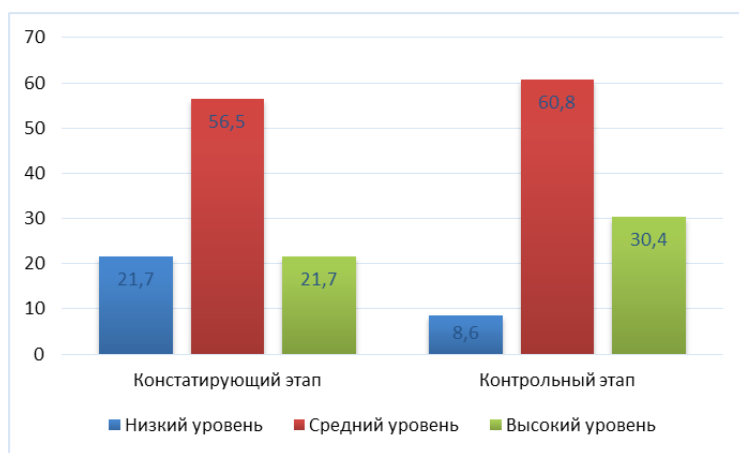

Рис. Результаты диагностики сформированности этнокультурной компетенции

Заключение

Таким образом, этнокультурная компетенция младших школьников формируется при реализации в учебном процессе авторской программы и учебного пособия «Формирование этнокультурной компетенции младших школьников во внеурочной деятельности». Результаты опытно-экспериментальной работы показали результативность ее реализации. При интегрированном обучении эвенкийского языка и математики с национальным компонентом использовались:

- Разработанный словарь учебно-математических терминов на эвенкийском языке;
- Составленные задачи с национальным компонентом на эвенкийском языке;
- Формирование этнокультурной компетенции способствует приобщению к культуре эвенкийского народа.

Литература

1. Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» // Як. ведомости, 1992.
2. Константинова, О. А. Эвенкийский язык : Учебное пособие для педагогических вузов / О.А. Константинова, Е. П. Лебедева. – Москва : Госучпедгиз, 1953. – 332 с.
3. Василевич, Г. М. Эвенки : Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1969. – 304 с.
4. Василевич, Г. М. Словарь русско-эвенкийский : Пособие для учащихся 5–9 кл. общеобраз. учрежд. В 2 ч. Ч. 1. – 2-е изд. / Г. М. Василевич. – Санкт-Петербург : Просвещение, 2005. – 238 с.
5. Болдырев, Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч 1. / Б. В. Болдырев. – Новосибирск : Гео, 2000. – 500 с.
6. Болдырев, Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч 2. / Б. В. Болдырев. – Новосибирск : Гео, 2000. – 484 с.

References

1. Zakon Respubliki Saha (Jakutija) «O jazykah v Respublike Saha (Jakutija)» // Jak. vedomosti, 1992.
2. Konstantinova, O. A. Jevenkijskij jazyk : Uchebnoe posobie dlja pedagogicheskikh vuzov / O.A. Konstantinova, E. P. Lebedeva. – Moskva : Gosuchpedgiz, 1953. – 332 s.
3. Vasilevich, G. M. Jevenki : Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII–nachalo HH v.) / G. M. Vasilevich. – Leningrad : Nauka, 1969. – 304 s.
4. Vasilevich, G. M. Slovar' russko-jevenkijskij : Posobie dlja uchashhihsja 5–9 kl. obshheobraz. uchrezhd. V 2 ch. Ch. 1. – 2-e izd. / G. M. Vasilevich. – Sankt-Peterburg : Prosveshhenie, 2005. – 238 s.
5. Boldyrev, B. V. Jevenkijsko-russkij slovar'. Ch 1. / B. V. Boldyrev. – Novosibirsk : Geo, 2000. – 500 s.
6. Boldyrev, B. V. Jevenkijsko-russkij slovar'. Ch 2. / B. V. Boldyrev. – Novosibirsk : Geo, 2000. – 484 s.

Языковые репрезентации концепта «огонь» в лингвокультуре эвенков

Н. Ю. Ушницкая

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия
E-mail: maltak84@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования является семантика языковых единиц, участвующих в репрезентации концепта «огонь» в лингвокультуре эвенков. Целью выступает описание концепта. В исследовании применяются лингвокультурологический и семантико-когнитивный подходы к исследованию единиц мышления. Актуальность темы исследования определяется недостаточной изученностью фрагментов языковой картины мира эвенков. Представления об огне существуют в сознании многих народов мира. По мнению ученых, они относятся к культурным универсалиям. Огонь – одна из четырех природных стихий, первоэлементов. Поэтому существует культ огня в традиции эвенков, как и у многих других этносов. Формирование концепта в сознании эвенков шло под влиянием ландшафта, исторически связанного с территорией их проживания, традиционного типа хозяйства (охота), анимистических воззрений на природу. На лексикографическом материале выявляются языковые единицы, вербализующие концепт, производится их семантический анализ, далее исследуются фольклорные, художественные тексты, полевые аудиозаписи. После совершается лингвокультурологический анализ этих текстов. Тексты записаны от информантов, проживающих в с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край; с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область; с. Алла, Курумканский район, Республика Бурятия; с. Тяня, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия). Анализ полевых аудиозаписей позволил выявить ценностную составляющую ментального образования и показал, что в сознании современных эвенков сохраняется культ огня, восприятие его как божества. Это отмечается среди групп эвенков, ведущих традиционный охотничье-кочевой образ жизни. Изучение фольклорных, художественных и поэтических текстов позволило выделить образную сторону концепта. Рассматриваемое ментальное образование является базовым в сознании эвенков и родственных с ними народов. Ключевым репрезентантом концепта является лексема 'того', употребляемая во всех говорах эвенкийского языка и тунгусо-маньчжурских языках, что указывает на архаичность данного фрагмента языковой картины мира эвенков. Кроме упомянутой лексемы, в актуализации ментального образования употребляются и другие слова: *гулу-вун, дяңэ, яндра, оту*.

Ключевые слова: эвенкийский язык, лингвокультура, репрезентация, концепт, огонь, охота, душа, мусун, того, род.

Для цитирования: Ушницкая Н. Ю. Языковые репрезентации концепта «огонь» в лингвокультуре эвенков // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-47-58

УШНИЦКАЯ Наталья Юрьевна – к. филол. н., н. с. отдела северной филологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: maltak84@mail.ru

USHNITSKAYA Natalia Yurievna – Candidate of Sciences Philology, Research Fellow, the Department of Northern Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Linguistic representations of the concept «fire» in the linguoculture of the Evenks

N. Yu. Ushnitskaya

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

E-mail: maltak84@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the semantics of linguistic units involved in the representation of the concept «fire» in the linguoculture of the Evenks. The aim is to describe the concept. Linguocultural and semantic-cognitive approaches to the research of thinking units are applied in the study. The relevance of the topic of the article is determined by the insufficient study of the fragments of the Evenk linguistic picture of the world. Representations about fire exist in the consciousness of many peoples of the world. According to the scientists, they belong to cultural universals. Fire is one of the four natural elements, primary elements. Therefore, there is a cult of fire in the Evenki tradition, as well as in many other ethnic groups. The formation of the concept in the consciousness of the Evenks was influenced by the landscape, historically connected with the territory of their residence, traditional type of economy (hunting), animistic views of nature. The lexicographic material is used to identify linguistic units verbalizing the concept, their semantic analysis is performed, then folklore, art texts, field audio recordings are studied. After that, the linguocultural analysis of these texts is carried out. The texts were recorded from informants living in Kyust-Kemda village, Kalarsky District, Zabaikalsky Krai; Ust-Nyukzha village, Tynda District, Amur Region; Alla village, Kurumkansky District, Republic of Buryatia; Tyanya village, Olyokminsky District, Republic of Sakha (Yakutia). The analysis of the field audio recordings made it possible to identify the value component of mental education and showed that the cult of fire and the perception of fire as a deity are preserved in the consciousness of modern Evenks. This is observed among the groups of Evenks leading traditional hunting and nomadic way of life. Studying folklore, art and poetic texts has allowed identifying the figurative side of the concept. The mental formation under consideration is basic in the consciousness of Evenks and related peoples. The key representative of the concept is the lexeme ‘togo’, used in all the colloquialisms of the Evenki language and Tungus-Manchurian languages, which indicates the archaic nature of this fragment of the linguistic picture of the Evenki world. In addition to the mentioned lexeme, other words are also used in the actualization of mental formation: guluvun, dyaje, yandra, otu.

Keywords: Evenki language, linguoculture, representation, concept, fire, hunting, soul, musun, togo, genus.

For citation: N. Yu. Ushnitskaya. Linguistic representations of the concept «fire» in the linguoculture of the Evenks // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-47-58

Введение

Во всех культурах мира существуют свои национально-специфические представления об огне. Огонь как одна из стихий первоэлементов бытия, наряду с водой, землей, воздухом выступает ключевой константой в мировоззрении того или иного этноса. Тема огня вызывает интерес многих ученых, этнографов, культурологов, лингвистов и др. В. А. Маслова относит представления об огне к культурным универсалиям архаического типа. Универсалии ученый определяет, как «общие черты культуры, присущие большинству народов, независимо от их социального и географического положения. Это сходные для всех культур элементы (наличие языка, изготовление орудий труда, сексуальные запреты, мифы, танцы и т. д.)» [1, с. 192]. Обожествление огня, особое отношение к нему наблюдаются во всех культурах мира. Огонь наделяют особыми свойствами. Так, славяне выделяли «живой огонь», под которым понимали огонь, добытый трением для особых целей (ритуальных). Живому огню приписывается очищающая, обеззараживающая, добрая, благотворная сила. Живой огонь – огонь на пути с небес вниз, наделенный живой, творческой силой, работающий огонь. Ему противопоставлен отработавший огонь, мертвый; утративший свою творческую силу, уходящий из земного мира вон, но он способен разрушать, вредить и поэтому тоже активный [1]. Буряты приносили жертвы огню, тщательно берегли чистоту

огня – нельзя было бросать в огонь мусор, топить нечистыми дровами. Похожие представления есть у других народов: так эвены не любят класть в огонь лиственницу, потому что она громко щелкает, а это, если и не является само по себе недобрым предзнаменованием, то заставляет задумываться и пребывать в напряжении [2].

Исследованию представлений об огне в воззрениях эвенков посвятили свои труды Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимов, А. И. Мазин и др. В представлениях эвенков дух-хозяин огня (*того мусунин*) мыслился антропоморфным в образе старушки *эникэн Того* (Огонь-матушка). Ее местопребывание – площадка костра в чуме. Перед тем, как есть, огонь надо было «покормить». Поскольку огонь считался хранителем благополучия большой семьи, то, бросая жир, мясо в огонь, всегда обращались с просьбой не только согреть, но и накормить, т. е. послать зверя: «*Того эникэкүн, мунэ нямалгикал, дегдэлкэл сōты, бэюнэ бүкэл*. – Огонь-матушка, согрей нас, гори сильнее, пошли зверя» [3, с. 221]. По верованиям эвенков, огонь обладал сверхъестественной силой изгонять злых духов. При помощи огня они очищали от злых духов юрты, при длительной неудаче в охоте – охотничье снаряжение, перед камланиями – шаманское снаряжение. Во время эпидемий в очаге меняли огонь, добывая его путем сверления. Невеста приобщалась к роду мужа после того, как «угощала» огонь жиром [4]. В представлениях и образах, связанных с культом бабушки – духа огня, она выступала с одной стороны, как хозяйка и глава чума, домашнего очага, хозяйства, с другой – как хранительница душ семьи и рода, как место перевоплощения душ рода в новые поколения потомков-сородичей. Первая черта наиболее отчетливо проявилась в обряде переноса очага и в обряде встречи оленьего стада, вторая – в воззрениях об инкарнации одной из душ [5].

Сегодня существуют исследования концептуализации огня на материале разных языков. Так, изучению концепта «огонь», посвятили свои диссертационные работы А. К. Протасова «Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках» [6, с. 3–30], А. В. Трофимова «Концепт «огонь» в современном русском языке» [7, с. 3–27], Д. Д. Хайруллина «Бинарные концепты «огонь» и «вода» как фрагмент языковой картины мира (на материале английского и татарского языков)» [8, с. 3–21] и др. На материале эвенского языка описание данного концепта проводилось Р. П. Кузьминой «Концепт «огонь» в лексической семантике эвенского языка» [9, с. 149–151]. К сожалению, научных работ, посвященных лингвокультурному, лингвокогнитивному исследованию концепта «огонь» в языковой картине мира эвенков, не имеется. Описание концептосферы эвенкийского языка является на сегодня одной из важных задач современных лингвистов-эвенковедов. Ее исследование дает возможность воссоздания ментальных единиц и их сохранения. Когнитивная картина мира эвенков, точнее, охотников, номадов, оленеводов горно-таежной зоны, недостаточно изучена.

Обсуждение результатов

Ключевым словом-репрезентантом исследуемого концепта является встречающееся практически во всех диалектах эвенкийского языка общее тунгусо-маньчжурское наименование огня *того*: *эвенк. тоҕо* 1) огонь; 2) костер; 3) очаг; 4) тепло (солнечное); 5) молния; *тоҕот-/ч-* сушить (у огня); *сол. того* огонь; *эвен. тоҕ* 1) огонь; 2) костер; 3) очаг, топка, печь; 4) пожар; *нег. тō ~ тоуо* 1) огонь; 2) костер; *ороч. тō* огонь; *уд. таивана* 1) зажигать (свечу, спичку; 2) прикуривать; *тō* 1) огонь; костер; *ульч. тава* огонь; *ороч. тава ~ тāва* 1) огонь; 2) очаг; *нан. тава* 1) огонь; 2) костер; 3) очаг; *ма. табу* зажигать; *тува* огонь; *чж. m'ōh-wei* огонь [10, с. 190]. Рассмотрим деривационное поле лексемы *того*; *тово* Тт, П-Т, Н, С-Б; *тō* Ткм, Орч огонь; *тогодōкйт* Е очаг (печь); *тогодōй* 1) огненный; *тогол* П-Т спички; *тогомo* огненный, горящий (о взгляде); *тогонми* П-Т вдыхать дым; задышаться от

дыма; *тогономи* Тмт, Члм, Ие, Тт искриться, греть огнем. *Саман ʃһалин тогоновкӀл*. – Глаза у шамана горят огнем [11, с. 607–608]. Так, в рассматриваемой лексеме можем выявить семьи: ‘горение’, ‘жар’, ‘тепло’, ‘дым’, ‘икра’, ‘очаг (семейно-родовой)’, ‘уют’, ‘жилье’.

В номинативное поле концепта также входит лексема ‘*гулувун*’, употребляемая во многих диалектах, имеющая общий корень с одинаковым значением в других тунгусо-маньчжурских языках, текстах художественной литературы и поэзии: *эвенк. голумта* [<мо.] (*колумта, колумтан*) очаг (в чуме); *гул-* З, Учр, Чмк (*гулив-* Сх) сверкнуть (о молнии, зарнице); *гулдан* Учр, Чмк (*гуллан* З, Сх, Урм) молния; зарница; *гулувун* П-Т, А, Алд, Вл, Е, И, Н, С, Сх, Тнг, Учр (*гулубун, кулуһун* Урм) костер; А, Е очаг; Вл ночной табор; В-Л *иноск.* медвежатина; *гулувунуи-* П-Т разводить костер; *гулунча-* П-Т, Е, З, И, Н сидеть, греться у костра; *устар.* жить табором (во время кочевки); *сол. гулʒёр* очаг; *эвен. гулун* костер; *нег. головун* костер (большой); *ороч. гогʒо(н-)* очаг; *ульч. голʒон(н-)* очаг; *нан. голʒо* очаг; *ма. голон туба* огни (ночью на дороге, в поле, лагере) [10, с. 169]. Лексема ‘*гулувун*’ имеет семьи: ‘горение’, ‘жар’, ‘тепло’, ‘икра’, ‘очаг (семейно-родовой)’, ‘пища’, ‘жилье’.

У эвенков одной из ранних форм камлания было камлание у больших костров (*дяну* ‘пламя’; *яндра* ~ *янда* ‘большой костер’; *яндрапка* ‘камлание у костров’), отчего одно из названий шамана ‘*яян*’ (*яя-* ‘камлатъ’) [3, с. 222]. Находим в эвенкийско-русском словаре: *дяну́ми* Учр, Тк, Сх, Нрч; *дянуэми* Алд, Учр, Члм, З, Н, П-Т 1) полыхать, пылать (о пламени); вспыхивать, сверкать (о молнии). *Тогогдот дяну́дяран*. – Вспыхивает (полыхает) огнем; *дянуэдерй* Алд, Учр, З, П-Т, Н пылающий, полыхающий, горящий; *дяну́һинчами* Учр, Тк, Сх, Нрч сверкать (о молнии); вспыхнуть (о пламени), воспламениться. *Того дяну́һинчаран*. – Вспыхнуло пламя [11, с. 220]. Такое название существует и в других языках тунгусо-маньчжурской группы: *уд. жа́на* угли (горячие); *ороч. дандалли-* ~ *дандали-матчи-* приниматься тушить, гасить [10, с. 249]. В данной лексеме можно заметить семьи: ‘горение’, ‘искра’, ‘пламя’, ‘свет’, ‘молния’. Смотрим в эвенкийско-русский словарь: *янда* И; *яндра* С большой костер, который разжигался во время камлания; *яндраматми* С; *яндыми* И камлатъ у костра; *яндрапкӑ* С камлание у костра; *яями* Алд, С шаманить; И причитывать во время истерического припадка; *яян* Алд, И, С шаман [11, с. 794–796]. Корень этой лексемы обнаруживается также в других тунгусо-маньчжурских языках: *эвен. н’а́ја* песня (шамана); *н’а́ја-* петь (во время камлания); *нег. јаја-* петь (вообще и о шамане в частности); *ороч. јаја-* петь (во время камлания); *уд. јеа-* камлатъ (над больным); *ульч. јаја(н-)* песня; *јајала-* шаманить; *ороч. јаја* песня; *јаја-* петь (ритуальные песни, шаманить); *нан. јаја-* шаманить, петь (ритуальные песни); *ма. јајада-* картавить, шепелявить, пришепелявывать [10, с. 338]. В этой лексеме можно выделить семьи: ‘большой’, ‘горение’, ‘камлание шамана’.

Кроме вышеупомянутых, в восточном наречии эвенкийского языка употребляется слово ‘*оту*’: *оту́* Тк, Тмт, Учр, Члм, Алд, М, Чмк, Урм, Хнг; *ату́* З, Чмк 1) костер, очаг; 2) стойбище; 3) Тмт шалаш из сена, веток; *оту́лӑвун* Сх костер; *оту́ланми* Тк, Тмт, Учр, Члм, М, Урм, ночевать у костра; ночевать в шалаше; *оту́лӑнчэми* Алд греться у костра; *оту́мй* 1) Члм, М, Чмк, Урм место потухшего костра; 2) Тмт заброшенный шалаш из сена, веток; *оту́у́ми* Члм развести костер [11, с. 477]. Это слово, возможно, пришло в эвенкийский язык с якутского *отуу* ‘шалаш’. В этом слове выделяются семьи: ‘горение’, ‘ночевка у костра’, ‘временное жилище’, ‘место потухшего костра’, ‘тепло’, ‘очаг (семейно-родовой)’.

Суффиксы, участвующие в образовании языковых единиц, актуализирующих концепт: а) суффикс *-кит* образует существительные со значением места или состояния (*тогодбкӀт*); б) суффикс *-ды* путем присоединения к существительным образует имена прилагательные, обозначающие тип, род предмета (*тогоды́*); в) суффикс *-л*, суффикс множественного числа

существительных (*тогол*); г) суффикс *-мо*, присоединяясь к существительным, образует имена прилагательные, характеризующие предмет по его материалу (*тогомo*); д) суффикс *-вун* образует существительные со значением орудия действия, а также названия действия (*гулувун*); е) суффикс названия предмета или явления по обычно-производимому действию *-вка* (*-вкэ*, *-вко*), его диалектный фонетический вариант *-пка* (*-пкэ*, *-пко*) (*яндрапка*); ё) суффикс причастия длящегося действия *-ри*, имеющий значение названия действия или признака по действию (*дъянудерй*).

Так, семантический анализ языковых единиц, входящих в номинативное поле концепта, позволяет выделить его когнитивные признаки: очаг (семейно-родовой), жилье, тепло, уют, пища, камлание шамана, жар, горение дым, искра, свет, молния. К понятийной стороне концепта можно отнести: дым, свет, горение, жар, тепло.

Как известно, охотничье-кочевая культура пеших тунгусов и родственных с ними народов формировалась в эпоху неолита [12–14]. Концепт «охота», являясь базовым в лингвокультуре эвенков, актуализирует основы их мировоззрения. Охотник, прежде чем отправиться на охоту, проводит обряд кормления огня (*имты*), обращаясь к огню, просит удачу (*сиукэн*). Семантику названия обряда следует связывать с глаголами: *иму-* ‘мазать (жиром, мазью)’, ‘топить жир’; *имти-*, *имтйт-* ‘окуривать тушу убитого зверя дымом горящего жира’, ‘кадить дымом жира’; ‘лить сало в огонь (т. е. кормить огонь салом)’; ‘топить сало на сковороде’. Корневая основа этой лексемы имеется во всех тунгусо-маньчжурских языках, что указывает на архаичность обряда: *эвенк.* *имўвун* ‘мазь, смазка’; ‘помазок (для смазки)’; ‘коробочка (берестяная, с жиром для окуривания)’; *имўксэ* ‘сало, жир’; *имўксэлгэ-* ‘обезжировать’; *имўксэму-* ‘пахнуть жиром’; *имўксэчй* ‘сальный, жирный’; *имўлй* ‘олень, лось средней упитанности’; *имўптэрук* ‘мешок для сала’; *имўрэ*, *имўрэн* ‘сало, жир топленый, масло’; ‘олень (дикий, старше 7 лет)’; *имўрэ-*, *имўрэн-* ‘топить сало, снимать жир’; *сол.* *имукчэ* ~ *имуччэ* ‘жир, масло’; *эвен.* *имрэн* ‘жир, сало’; *нег.* *имнэн* ‘сливки’; *ороч.* *имти-* ‘мазать салом, жиром (идола)’, ‘кропить жиром (в знак жертвоприношения)’; *уд.* *имоһо* ‘сало, жир, масло’; *ульч.* *симсэ* ‘жир, масло, сало’; *орок.* *симурэ* ‘масло, жир’; *нан.* *симуксэ* ‘сало, масло’; *ма.* *имэуги* ‘масло’ [10, с. 313–314]. Так, мы можем наблюдать взаимосвязь, взаимообусловленность концептов «охота» и «огонь». Эвенки верят, что огонь понимает их речь, поэтому обращаются к нему со словами:

– *Тогокѳкўн-эникэн!*

Таргачина дюссо

Энэ дѳгоргирэ,

Мундў бўдекэл!

– Великий Огонь-матушка!

Такого же еще, *Энэ мулāна*, Не скупясь,

Не заставляя нас мучиться,

Нам давай!

[15, с. 150].

Имты – самый всеобъемлющий обряд, потому что охватывает все сферы жизни человека. По представлению эвенков, огонь – это посредник между человеком и высшим божеством *Буга* и другими духами рангом ниже [16]. Как уже отмечалось выше, огонь представляется эвенками в образе старушки. Поэтому в обращении к огню замечаем выражение «*Тогокѳкўн-эникэн*» (Огонь-матушка). Суффикс *-кѳкўн* (*-кѳкўн*, *-кѳкўн*) имеет значение усиления качеств, присущих предмету, *эникэн* ‘бабушка’. Огонь наделен человеческими качествами, он может: *мулāнми* ‘жалеть’, *дѳгоргими* ‘заставить мучиться’, *бўми* ‘дать’.

Огонь имеет способность не только понимать человеческий язык, но и говорить, предсказывать: *хиукэрйми* ‘потрескивать, предсказывая что-либо плохое (об огне)’, *хиукэрй* ‘потрескивание (горящих сырых дров)’. *Эрувэ сāми того сѳмат хиукэрйвкй*. – Если узнает плохое, огонь сильно начинает потрескивать. Духа-хозяина охоты и диких животных именуют словом ‘*хиукэн* ~ *сиукэн*’ (также именуют охотничьи амулеты в виде звериных шку-

рок, челюстей, клыков, когтей и т. д.), удачливого охотника ‘*һиңкэчй ~ сиңкэчй*’ (суффикс *-чи* имеет значение обладания предметом), обряд добывания охотничьей удачи ‘*сиңкэлэвун*’ (суффикс *-лэ* (*-лā*, *-лō*) имеет значение ‘пойти за чем-либо’, *-вун* – орудие действия или название действия).

Наблюдается взаимосвязь, взаимообусловленность концепта «огонь» с концептом «душа». Одна из душ умершего сородича (инкарнируемая душа *оми*) возвращается через известное время обратно на родовое стойбище, проникает через дымовое отверстие внутрь чума к матери – духу огня, а от нее – в чрево женщины [5]. Свидетельства этого имеются в текстах сказаний. Так, главный герой эпоса «*Мэнгрудя-сонинг*» богатырь Мэнгрудя «перед дальним путешествием обращается к очагу:

<i>Утнэр кутнэр утэкэнми,</i>	Старинный, имеющий духа <i>утэн</i> мой,
<i>Итчилкэн омй тогокөнми,</i>	Имеющий духа и душу огонь мой,
<i>Итчйев бүкэлду, горо</i>	Удачи мне дайте, в далекие
<i>Бугаялба иснадāви некэм.</i>	Земли отправиться надумал я

[16, с. 101].

В сказании используется обращение к огню ‘*Итчилкэн оми тогоконми*’ (Имеющий дух и душу огонь мой). Суффикс *-лкāн* (*-лкэн*, *-лкōн*) имеет значение обладания предметом, *-кāн* (*-кэн*, *-кōн*), уменьшительно-ласкательный суффикс, в данном случае обозначающий уважительное отношение. В восточном наречии эвенкийского языка (Тк, Тмт, Олкм, Сх, Урм, Учр, Алд, Члм, Чмк, Тнг, И встречается слово *итчи* ‘дух-хозяин (любого явления природы)’ [11]. Этимологию слова *итчи/иччи* Г. И. Варламова связывает с эвенкийским глаголом *ичэми* и *ичэтми*, имеющими следующие значения в эвенкийском языке: видеть, предвидеть, присматривать, наблюдать, воспитывать. Эти же глаголы имеют следующие переносные значения: воспитывать, покровительствовать, охранять [17]. В словаре находим: *итэ-ми* И; *ичэми* видеть; ухаживать (за больным); *ичэтми* смотреть, посмотреть, просмотреть [11]. Также в эвенкийском и эвенском языках имеется лексема: *эвенк*. П-Т, Н, С, С-Б *мусун* ~ *муһун* ~ *мушун* сила движения (в явлениях природы); дух-хозяин явлений природы; настроение; одаренность; дар слова; *мусучи* одаренный; имеющий духа-хозяина; *эвен*. *мүсан төр*, *бүү мүсани* дух-хозяин земли; лесной дух; *мүсун* дух; привидение; фея; дух-хозяин места; *мүһолкан* волшебный [10]. Дух родового огня носит название *того мушун*. Первое слово *того* дословно означает «огонь», второе, *мушун*, переводится в словарях как «дух-хозяин явлений природы» (*му мушун* – дух-хозяин воды, *урэ мушун* – дух-хозяин горы и т. п.) [5]. *Омилкан* от *омй* ‘душа’, ‘дух’, ‘дух-хозяин’ [11]. Как уже отмечалось выше, суффикс *-лкāн* (*-лкэн*, *-лкōн*) имеет значение обладания каким-либо предметом.

Огонь может наказать. Так, в фольклорном тексте повествуется о встрече старого эвенка-охотника с огнем: «*Дюләви эмэрэн. Дюдүви уллэни депиллэн. Девдерэкин, тогон инкэридевки. Этыркэн гүнэн: «Ёкунма инкэридерэн?»*. Гидаларан тогови пуртатви. Этыркэн āнинан. Тэгэлтэгэ тэгэрэн, тогови илаллан. Тогон эвкй дегдэллэ. Эмэрэн атыркāн – āһан сокоти. Тар атыркāн гүнэн этыркэнми: «Тынэвэ ёда гидалачāс āһавав?». Этыркэн дялдаран. Атыркāнми гүнэн: «Оронмор гэннэкэл!». Атыркāнин эмуврэн оронми. Этыркэн тэпулирэн, сэксэвэн тогодү укурэн. Тогон дегдэллэн. – Домой пришел. Дома стал есть мясо. Когда он начал есть, огонь начал трещать. Старик сказал: «Что это он трещит?». Ткнул ножом в огонь. После уснул старик. Утром встал, начал разжигать огонь. Огонь не горит. Пришла старушка – глаз у нее косой. Эта старушка сказала старику: «Вчера зачем мне ткнул в глаз?». Старик задумался. Бабушке своей сказал: «Сходи за оленем!» Бабушка привела оленя. Старик забил оленя, кровь в огонь налил. Огонь загорелся» [18]. Огонь предстает в образе старушки ‘*атыркāн*’ перед охотником и выражает недовольство

по поводу того, что он, во-первых, не угостил ее добытым мясом и, во-вторых, поранил ее, тем самым проявив неуважение к ней. Поэтому дух огня не дал возможности развести старику огонь. Данный текст связан с запретом-одё: «*Экэл тогово котот уркура*. – Не шевели огонь ножом». Имеется и ряд других запретов: «*Экэл тогодү тусмина*. *Туминнаракис, иннис хуемдиүэн*». – Не плюй в огонь. Если плюнешь, язык болячками покроется (в наказание); «*Тоголо инмэвэ экэл нодара*. – Не бросай иголку в огонь»; «*Куңақанма эвкйл того дагадүн чикэлиэкэнэ*». – Ребенка не сядят писать поблизости огня [19].

Эвенки считают, если человек долго оставляет огонь без угощения, то очаг, в свою очередь, перестает его охранять. В героическом сказании «*Иркисмэндя-сониу*» (Иркисмондя-богатырь) существует эпизод, где старший брат богатыря Иркисмонди кузнец Торонтай случайно раздавил себе молотом указательный палец. Богатырь укоряет брата за то, что он долго не кормил огонь, и поэтому с ним это случилось:

<i>Мэнди-дэ сагды бинэ,</i>	Сам ты, будучи старым человеком,
<i>Дигин муннукилкан колумтандуви</i>	Четырехугольный очаг
<i>Дёхуннак бэйнуңилби имуксэдуктын</i>	Салом почитаемых зверей
<i>Элнэс борира эда-ла горолдон,</i>	Почему давно не угощал,
<i>Багар, тадук алгаханды бидиүэн!</i>	Наверно, поэтому ты и ошибся!
<i>Сот химат иркин-бэюн имуксээн</i>	Быстро сало от самца осеннего дикого оленя
<i>Дигин кохокйа хогикса,</i>	Четыре куска отрезав, угости огонь!
<i>тогодүви борималчакал!</i>	
<i>Иркин-бэюн унан хунжактадин</i>	Скорее перевяжи
<i>уныканми унямалчакал!</i>	Свой палец сырой мездрой самца осеннего

дикого оленя

[20, с. 114].

В текстах художественной литературы встречаются описания некоторых обычаев, связанных с огнем. Так, в произведении А. Н. Немтушкина «*Гагил мучудāвэр!*» (Лебеди вернитесь!) детально представлен обряд, связанный с перемещением очага: «*Ил-вэл гороло дюгүденэл, энёкэ эмчэ хэйнчедерэ, нунан гача бимчэ хулиптэнэ, сичисинимчā укэсэливи, тадук гэлэктэчэ бимчэ Энекэвэ-тогово, гуннэ «Энёкэ-того, кэ, нулгисинмэт бмакталā дүннэлэ». Омактадү харāндү нунан арпулисинимчā укэсэти, гүнденэ: «Энёкэ-того, кэ, нулгирэт, аят дегдэдекэл, мунэ нямалгидякал, улйдекэл». Тадук илачā бимчэ. Эси туги бдями эвкэ, эдү даран эмэвүкэ дегдэдерйвэ элава, дюгүдерэ ичэврилэ*. – Если куда-нибудь потребовалось бы перетаскивать далеко, бабушка, не торопясь, взяла бы золу, засунула бы себе в рукав и обратилась бы к Матушке-огню со словами: «Бабушка-огонь, ну покочуем на новую землю». На новом месте для очага она взмахнула бы рукавом, говоря при этом: «Матушка-огонь, ну, перекочевали. Хорошо гори, нас согревай, корми». И после разожгла бы костер. Сейчас так не сделаешь, потому что здесь рядом переносить угли [21, с. 14]. В тексте обнаруживаем обращение к огню «*Энёкэ-того*» (досл. бабушка-огонь). Огонь может греть, кормить: «*мунэ нямалгидякал, улйдекэл*» (нас грей, корми). Об этом обряде А. Ф. Анисимов пишет: «Обряд переноса очага совершался всякий раз, когда семья переходила с одного стойбища на другое» [5, с. 94]. И при перекочевке на дальнейшее расстояние бабушка соблюдала бы этот обычай. В данном случае она совершает обряд кормления огня имты: «*Эрэмэдү дюдү энёкэ уукулбурэн элалва гулүвун бидектулāн*. – *Энёкэ-того, кэ, холоктолдулй удялдулйвар нян элэ нулгирэт. Мундү-дэ Амарчанундү аяа йнэ бүйкэл!.. Элалдулā нёдуран онкоролво гаракāрва, хувуллэн. Элал саунялла, тадук того аруран, гарал дегдэллэ. Йдук-вэл зипундукви энёкэ мйсиктэвэ имуксэкэнмэ бакаран, тогово улйрэн:*

– Энэкэ-того!.. Эр синдү, аювукин бикин-да бидекэл, мундү дептылэе силбадякал, мунүйл-дэ хукитэлвун дялупил бидэтын. Си мёвачи бисинни, сё бисинни, одёнокол мунэ, анядякэрва. Синнун бу түгэниэ аят бододёнуэвун, иңисилээ улокичэнуэвун. Кэ, аят бидекэл!.. – В ближнем чуме бабушка высыпала угли на место очага. – Бабушка-огонь, ну, по старым следам нашим сюда перекочевали. Нам с Амарчой хорошую жизнь дай!.. В угли бросила сухих веточек, подула на огонь. Угли задымили, и огонь ожил, ветки загорелись. Откуда-то из зипуна бабушка нашла кусок жира, накормила огонь: – Бабушка-огонь!.. Это тебе, будь всегда сытой, нам еды пообещай, чтобы наши желудки были полными. Ты трудолюбивая, сильная, береги нас, сирот. С тобой мы зиму хорошо переживем, холода перехитрим. Ну, хорошо живи!.. [21, с. 14]. В этом обращении бабушки к огню можем обнаружить следующие свойства огня: она (бабушка-огонь) может дать хорошую жизнь, пищу, согреть, оберегать; она может быть сильной, трудолюбивой.

В художественных произведениях Г. И. Кэптукэ находим описания способности огня понимать человеческую речь, говорить и предсказывать. В рассказах «Чэриктэ улгүрилиң» (Рассказы Чэриктэ) главный герой-рассказчик дедушка Чэриктэ подробно об огне говорит: «Того сёмат түрэнмэ дблдывкй. Ён-мал гунэкис, чэһиргевкй того. «Чэс!» – бвкй. Эрүвэ сәми, чэскэнэливкй. Сиңкэдерэн тар. Эрүвэ сәми сөт сиңкэригкй того, сёмат чэһиргэливкй. – Огонь очень хорошо слушает речь. Что-нибудь скажешь, пищит огонь. «Чэс!» звук происходит. Если плохое знает, сильно пищит. Это он предсказывает. Если плохое знает огонь, сильно трещит, пищит [22, с. 280]. В том же произведении Г. И. Кэптукэ дедушка Чэриктэ рассказывает о появлении огня от божества Айихит-эни: «Того тэкэнин Айиһит-энидүк бивкй. Айиһит-эни бэевэ иргивкй, хутэвэ бүйкй, тэкэнмэс карайивкй. Того дүгэе ачин бивкй. Ён тар гуктэ бидиңэн? Һанууракис, эвэнкйл тыкэн гунигкйл нонон бичэл. Ёкин-ка, бикин билир-билир эр бэе тоговон Айиһит-эни нулигканчә. Тадук эһилэ бэел тогочыл бчәл. Тогово нулигкйл бчәл. Си энинни энинин тогови нулдиңэс. Си һутэлис тогоговор нулдиңэтын, һутэлис һутэлытын тогоговор нулдиңэтын. Тарит гунигкйл – того дүгэе ачин. – Корень огня от Айихит-эни. Айихит-эни человека взращивает, детей дает, род твой охраняет. Огонь не имеет конца. Как эту пословицу можно объяснить? Если спросишь, раньше эвенки так говорили. Когда-то давным-давно огонь людей разожгла Айихит-эни. И с тех пор люди стали с огнем. Стали разжигать огонь. Ты разожжёшь огонь матери твоей мамы. Твои дети огонь разожгут, дети твоих детей огонь разожгут. Поэтому говорят – огонь не имеет конца» [22, с. 280–281]. Г. И. Варламова семантику названия божества Айихит-эни связывает с лексемой айи, опираясь на диалектологический словарь эвенкийского языка: 1) доброе существо Верхнего и Среднего миров в сказаниях; 2) добродетель. Айихит как производное от айи [23, с. 37]. В тунгусо-маньчжурских языках корневое гнездо слова aj, к которому этимологически восходит слово айи, очень обширно, но четко имеет два основных значения: 1) помощь; 2) спасение [23, с. 39]. В тексте звучит пословица: Того дүгэе ачин. – Огонь не имеет конца». Она имеет глубокий смысл: от огня рождается эвенкийская семья и род в целом. Так, сопровождая из поколения в поколение, в течение всей жизни огонь оберегает эвенкийский род. Здесь мы видим подтверждение взаимосвязи, взаимообусловленности концептов «огонь», «душа», «охота».

В поэтических текстах эвенкийских авторов можем наблюдать восприятие огня, как живого существа, дающего удачу. В стихотворении Н. К. Оёгира «Илауна каудәми татыйкал» (Учись строгать стружки на костер) ярко выражаются этноспецифические особенности восприятия огня:

Тар мбә каудәми татыйкал,
Гулувүн урундән улйкәл.

Научись строгать полено стружкой,
Чтоб костер обрадовался, накорми его.

Гулувун кутучивэ бүдеүн,
Сакэл, эвэды йн – гулувун

Костер удачи даст,
Знай, эвенкийская жизнь – костер

[24, с. 203].

В тексте обнаруживается лексико-грамматическая сочетаемость, выражающая образное восприятие огня, как живого существа, которое нужно кормить, чтобы оно послало удачу: «илавүна кандāми – стружки (топливо) строгать, мōва кандāми – дерево строгать стружкой, гулувун урундэн – чтобы обрадовался костер, гулувун кутучивэ бүдеүн – огонь даст удачу, эвэды йн – гулувун – эвенкийская жизнь – костер.

Так, фольклорные, художественные и поэтические тексты подтверждают наличие вышеупомянутых признаков концепта и дополняют его присутствием образных признаков: божество в образе старушки, которое может: дать, наказать, накормить, согреть, оберегать.

Большинство современных эвенков продолжает соблюдать обряд кормления огня *имты*. Чаще среди них охотники, оленеводы, ведущие охотничье-кочевой образ жизни. В качестве респондентов выступили носители эвенкийского языка, сохранившие традиционные виды хозяйства. Им было предложено ответить на вопрос: *Экун тар того эвэнкилдү?* (Что значит огонь для эвенков?). Тексты, записанные от информантов, выражают почтительное отношение к огню: «*Эвэнкйл урэдү йдү-да тогодү неһүпкāнипкйл. Того эвэнкйвэ нямалгипкйл, олгипкйл, улйпкйл. Тогодү дебгэе ирйунэнни. Бултāнаденэ, тогодү неһүпкāниунэнни, бултāная ичэвулдедэтын. Дйодүви, дюкчādү, палаткадү оһокво эунэнни һоролло. Бэелдү, мātāлдү оһокво эпкэвун һоролло, тогодүтын неһүпкāниунэнни. Того нан бэегэчин тўрэтчэпкйл, эрут тогово эпкэвун тўрэттэ. Гиүкэридерэн того. Тар нунан тэдэвутчэрэн, дюлэски экун бятван. Того мэнэк эпкй гиүкэрирэ. Эвэнкйл дблдыми гиүкэридерйван сэрэнчэпкйл, мэргэлипкйл. Эда гиүкэридерэн, гуныпкйл. Неһүпкāнипкйл тогодү: клебэе, арйя, дебгэдут экуна-вал.* – Эвенки везде, находясь в лесу, огонь угощают. Огонь эвенка согревает, сушит, если он намокнет; кормит. На костре готовишь еду. Перед охотой огонь угощаешь, чтобы он показал добычу. В доме, в чуме или в палатке вокруг печки не ходишь. У людей, соседей нельзя ходить вокруг печки, кормить их огонь. Огонь тоже как человек разговаривает, плохое об огне нельзя говорить. Трещит огонь. Это он предвещает, что будет в будущем. Так просто он сильно не трещит. Эвенки, когда услышат его потрескивание, остерегаются, начинают унывать. Почему трещит, думают. Угощают огонь: хлеб, масло, ну, что-нибудь из еды дают» (Габышева Капиталина Ивановна, 1960 г. р., с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область). Лексико-грамматическая сочетаемость в тексте указывает на наличие когнитивных признаков: огонь нужно угощать; огонь согревает, кормит, сушит; перед охотой нужно кормить огонь; огонь показывает, где находится добыча; огонь как человек может разговаривать, предсказывать будущее. В текстах респондентов обнаруживаются запреты, связанные с огнем: «*Мунэвэ эрэгэр лэгиукитын. Бу моунолдодёнол, тумнйлиунэрэв, эунэрэв. «Эда тоголб тумнйдянни, эпкэвун тыкэ нэкэрэ», – гунденэ. Та-дүк, – «Тогово эпкэвун уркүра», – тыкэ гуниукитын энтылвун, амтылвун.* – Нас ругали. Мы, балуясь, плевали в огонь. «Зачем в огонь плюешь, нельзя так делать», – нам говорили. «Огонь нельзя мешать», – так говорили наши предки (Мальчакитова Мира Григорьевна, 1958 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район Забайкальский край).

Об огне эвенки никогда не забывают, во время еды угощают его тем, что имеется из еды: «*Тогодук аяя гэлэунэнни. Тогоду дебгэдукви бориунэнни. Нунан (того) ичэпки. Чай-тыятми тогодуви бориунэнни клебаканэ, имурэкэнэ. Таварава эвэнкил эпки омүоро.* – У огня просят хорошее. Огонь угощаешь чем-нибудь из еды. Он смотрит. Как сядешь чай пить, огонь кормишь хлебом, жиром. Его (огонь) эвенки никогда не забывают» (Габышев Павел Владимирович, 1960 г. р., с. Тяня, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия).

Обряд переноса родного очага невестой в дом жениха записан от носителя баргузинского диалекта эвенкийского языка: *Учэлэ хүнйт мирэнми мэнни дюдукви тогодук тогокбн сурувункин. Эһй-вэл сурувукйл. Хүнйт мирэннэкин хунту дйла сурувкй тадук мэнни того-ви сурувкй. Би мэнэжэн сурувчэв мэнни дудюкви, мирэнми, минуй нэкунми сурувчэн. Аһи-бэе сурувкй мэнни тогови.* – Раньше девушка увозила с собой из родного дома огонь. Даже сейчас его увозят с собой. Девушка, выйдя замуж, уходит в другой дом и уносит с собой свой родной очаг. Я сама перенесла свой огонь из родного дома, когда вышла замуж, моя сестра младшая тоже унесла с собой огонь. Женщина уносит с собой родной огонь (Степанова Елена Сергеевна, 1982 г. р., с. Алла, Курумканский район, Республика Бурятия). Подобный обычай находим в исследованиях А. Ф. Анисимова: «...она (невеста) перед входом в жилище жениха зажигала лучинки, взятые с собой от родового огня, и с помощью их «разводила» огонь на новом очаге, говоря: «Матушка, новый огонь засветив, новый саран (т. е. место, где разводят огонь очага) устрой. Пусть в нем огонь мой не перестает гореть» (Анисимов, 1958, с. 98). Анализ текстов, записанных от информантов, показывает отражение ценностной составляющей в структуре концепта: восприятие огня, как некой сверхъестественной сущности, дарующей тепло, уют, пищу, удачу на охоте, участвующей в продолжении рода и оберегающей его.

Заключение

Таким образом, понятийная, образная и ценностная составляющие в структуре концепта взаимосвязаны. Заметна тесная взаимосвязь и взаимообусловленность ментальных образований в лингвокультуре эвенков. Это дает перспективу дальнейшего исследования концептосферы эвенков. Описание упорядоченной совокупности ментальных единиц в сознании таежных nomads, охотников, оленеводов дает доступ к познанию их мышления, реконструкции и сохранению концептосферы исчезающих языков.

Литература

1. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре : Монография / В. А. Маслова. – Москва : Гнозис, 2007. – 320 с.
2. Бурыкин, А. А. Вера в духов : сколько душ у человека / А. А. Бурыкин. – Санкт-Петербург : Азбука-классика (Петербургское востоковедение), 2007. – 320 с.
3. Василевич, Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII– начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1969. – 304 с.
4. Мазин, А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX–начало XX в.) / А. И. Мазин. – Новосибирск : Наука, 1984. – 200 с.
5. Анисимов, А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований / А. Ф. Анисимов. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – 238 с.
6. Протасова, А. К. Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках : специальность 10.02.20 «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Томский государственный педагогический университет / Протасова Анна Константиновна. – Томск, 2004. – 139 с.
7. Трофимова, А. В. Концепт «огонь» в современном русском языке : специальность 10.02.01 «русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова / Трофимова Антонина Владимировна. – Москва, 2005. – 212 с.
8. Хайруллина, Д. Д. Бинарные концепты «огонь» и «вода» как фрагмент языковой картины мира (на материале английского и татарского языков) : специальность 10.02.20 «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет. / Хайруллина Динара Дилшатовна. – Казань, 2009. – 237 с.

9. Кузьмина, Р. П. Концепт «огонь» в лексической семантике эвенского языка / Р. П. Кузьмина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 9–3(111). – С. 149–152. – DOI: 10.23670/IRJ.2021.9.111.100.
10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Ответственный редактор В. И. Цинциус ; автор предисловия проф. О. П. Суник ; АН СССР. Ин-т языкознания. – Ленинград : Наука, 1975. – Т. 1. А-Н; 1977. – Т. 2. О-Э.
11. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук / А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2004. – 798 с.
12. Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: в 3 ч. Ч. 3 / А. П. Окладников. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1955. – 373 с.
13. Василевич, Г. М. Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков) : доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени д-ра ист. наук / Г. М. Василевич. – Ленинград : АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1968. – 72 с.
14. Варламов, А. Н. Сонинги Дулин Буга : этногенез и этническая история эвенков / А. Н. Варламов. – Новосибирск : Наука, 2022. – 704 с.
15. Обрядовая поэзия и песни эвенков / составители Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. – Новосибирск : Гео, 2014. – 487 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего востока; Т. 32).
16. Варламова, Г. И. (Кэптукэ). Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 376 с.
17. Варламова, Г. И. О героических сказаниях эвенков бассейна Р. Алдан / Г. И. Варламова // Эпическое наследие народов Якутии : традиции и современность : Материалы научно-практической конференции, Алдан, 08–09 декабря 2017 года. – Алдан : Якутия, 2017. – С. 12–18.
18. Фольклор эвенков Олёкмы / Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного Федерального университета имени М.К. Аммосова ; составители : Г. И. Варламова [и др.] ; ответственный редактор В. В. Илларионов ; редактор текстов на эвенкийском языке Н. Ю. Ушницкая. – Якутск : Алаас, 2021. – 358 с.
19. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2009. – 608 с. – ISBN 978-5-8331-0180-3.
20. Типы героических сказаний эвенков / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. – Новосибирск : Наука, 2008. – 228 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока). – ISBN 978-5-02-032172-4.
21. Немтушкин, А. Родная тайга : повесть и стихотворения на эвенк. яз. / А. Немтушкин. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1992. – 224 с.
22. Кэптукэ, Г. Рожденные под Небо-Буга : избранные произведения / Г. Кэптукэ ; составители: А. Н. Варламов, Ю. А. Варламова ; редактор текста на эвенкийском языке С. В. Васильева. – Якутск : Алаас, 2021. – 480 с.
23. Варламова, Г. И. Мировоззрение эвенков : отражение в фольклоре / Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 185 с.
24. Оёгир, Н. К. Гулунун дегдэдеден – Чтоб не гас костёр / Н. К. Оёгир. – Красноярск : Сибирские промыслы, 2006. – 352 с.

References

1. Maslova, V. A. Homo lingualis v kul'ture : Monografiya / V. A. Maslova. – Moskva : Gnozis, 2007. – 320 s.
2. Burykin, A. A. Vera v duhov : skol'ko dush u cheloveka / A. A. Burykin. – Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika (Peterburgskoe vostokovedenie), 2007. – 320 s.
3. Vasilevich, G. M. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII– nachalo XX v.) / G. M. Vasilevich. – Leningrad : Nauka, 1969. – 304 s.
4. Mazin, A. I. Tradicionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (koniec XIX–nachalo XX v.) / A. I. Mazin. – Novosibirsk : Nauka, 1984. – 200 s.
5. Anisimov, A. F. Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnyh verovanij / A. F. Anisimov. – Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1958. – 238 s.

6. Protasova, A. K. Verbalizaciya koncepta «ogon'» v drevnegermanskih yazykah : special'nost' 10.02.20 «sравnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i сопоставitel'noe yazykoznanie» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Tomskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet / Protasova Anna Konstantinovna. – Tomsk, 2004. – 139 s.
7. Trofimova, A. V. Koncept «ogon'» v sovremennom russkom yazyke : special'nost' 10.02.01 «russkij yazyk»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova / Trofimova Antonina Vladimirovna. – Moskva, 2005. – 212 s.
8. Hajrullina, D. D. Binarnye koncepty «ogon'» i «voda» kak fragment yazykovoj kartiny mira (na materiale anglijskogo i tatarskogo yazykov) : special'nost' 10.02.20 «sравnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i сопоставitel'noe yazykoznanie» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Tatarskij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogicheskij universitet. / Hajrullina Dinara Dilshatovna. – Kazan', 2009. – 237 s.
9. Kuz'mina, R. P. Koncept «ogon'» v leksicheskoy semantike evenskogo yazyka / R. P. Kuz'mina // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2021. – № 9–3(111). – S. 149–152. – DOI: 10.23670/IRJ.2021.9.111.100.
10. Svarnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov / Otvetstvennyj redaktor V. I. Cincius ; avtor predisloviya prof. O. P. Sunik ; AN SSSR. In-t yazykoznanija. – Leningrad : Nauka, 1975. – T. 1. A-N; 1977. – T. 2. O-E.
11. Myreeva, A. N. Evenkijsko-russkij slovar' = Evedy-luchady tureruk / A. N. Myreeva. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – 798 s.
12. Okladnikov, A. P. Neolit i bronzovyj vek Pribajkal'ya: v 3 ch. CH. 3 / A. P. Okladnikov. – Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1955. – 373 s.
13. Vasilevich, G. M. Evenki (k probleme etnogeneza tungusov i etnicheskikh processov u evenkov) : doklad po opublikovannym rabotam, predstavlenyj na soiskanie uchenoj stepeni d-ra ist. nauk / G. M. Vasilevich. – Leningrad : AN SSSR, In-t etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya, 1968. – 72 s.
14. Varlamov, A. N. Soningi Dulin Buga : etnogenez i etnicheskaya istoriya evenkov / A. N. Varlamov. – Novosibirsk : Nauka, 2022. – 704 s.
15. Obryadovaya poeziya i pesni evenkov / sostaviteli G. I. Varlamova, YU. I. SHEjkin. – Novosibirsk : Geo, 2014. – 487 s. – (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego vostoka; T. 32).
16. Varlamova, G. I. (Keptuke). Epicheskie i obryadovye zhanry evenkijskogo fol'klora / G. I. Varlamova. – Novosibirsk : Nauka, 2002. – 376 s.
17. Varlamova, G. I. O geroicheskikh skazaniyah evenkov bassejna R. Aldan / G. I. Varlamova // Epicheskoe nasledie narodov YAKutii : tradicii i sovremennost' : Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, Aldan, 08–09 dekabrya 2017 goda. – Aldan : YAKutiya, 2017. – S. 12–18.
18. Fol'klor evenkov Olyokmy / Nauchno-issledovatel'skij institut Olonho Severo-Vostochnogo Federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova ; sostaviteli : G. I. Varlamova [i dr.] ; otvetstvennyj redaktor V. V. Illarionov ; redaktor tekstov na evenkijskom yazyke N. YU. Ushnickaya. – YAKutsk : Alaas, 2021. – 358 s.
19. Slovar' dzheltulakskogo govora evenkov Amurskoj oblasti. – Blagoveshchensk : Blagoveshchenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2009. – 608 s. – ISBN 978-5-8331-0180-3.
20. Tipy geroicheskikh skazaniy evenkov / Rossijskaya akademiya nauk, Sibirskoe otdelenie, Institut gumanitarnykh issledovanij i problem malochislennykh narodov Severa. – Novosibirsk : Nauka, 2008. – 228 s. – (Pamyatniki etnicheskoy kul'tury korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka). – ISBN 978-5-02-032172-4.
21. Nemtushkin, A. Rodnaya tajga : povest' i stihotvoreniya na evenk. yaz. / A. Nemtushkin. – Sankt-Peterburg : Prosveshchenie, 1992. – 224 s.
22. Keptuke, G. Rozhdennye pod Nebo-Buga : izbrannye proizvedeniya / G. Keptuke ; sostaviteli: A. N. Varlamov, YU. A. Varlamova ; redaktor teksta na evenkijskom yazyke S. V. Vasil'eva. – YAKutsk : Alaas, 2021. – 480 s.
23. Varlamova, G. I. Mirovozzrenie evenkov : otrazhenie v fol'klоре / G. I. Varlamova. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – 185 s.
24. Oyogir, N. K. Guluvun degdededen – CHtob ne gas kostyor / N. K. Oyogir. – Krasnoyarsk : Sibirskie promysly, 2006. – 352 s.

– СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-59-66

УДК 811.531:811.512-112

Отношение корейского языка к алтайской языковой системе

*Н. А. Николаева¹, Сонг Мун Ненг²*¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия²Университет Чеджу Халла, г. Чеджу, Республика Корея

E-mail: onatalia@inbox.ru

E-mail: seongmoonyeong@chu.ac.kr

Аннотация. Актуальность исследования определяется растущим интересом научного сообщества к построению типологий языковых признаков корейского языка в его отношении к алтайской языковой системе. Обзор исследований показывает, что к настоящему моменту дискуссии относительно места корейского языка в алтайской языковой системе продолжаются, поскольку нет единых критериев, по которым можно было бы описать взаимоотношения этих двух языков. Целью статьи является систематизация признаков, позволяющих определить место корейского языка в алтайской языковой системе. Задачи: привести обзор исследований алтайской языковой системы; рассмотреть аргументы родства корейского и алтайского языков; рассмотреть критику теории родства корейского и алтайского языков. Методы исследования: систематизация, обобщение, описание, сопоставление, критический анализ. Установлено, что даже если полностью отрицать родственную связь между алтайской языковой семьей и корейским языком, все же можно установить дружескую связь между ними, которую можно брать в качестве гипотезы исследований. Это становится возможным благодаря тому, что общие элементы, которые были четко обозначены до сих пор, существуют, хотя и в скудном количестве. Если бы эти элементы не были заимствованы, было бы трудно прийти к выводу, что это совпадение. Однако не представляется убедительным, что скудных данных достаточно, чтобы доказать родство корейского и алтайских языков. Нельзя сделать однозначный вывод о том, что корейский язык имеет родственные отношения с алтайским языком или алтайской языковой семьей, так нельзя и сделать вывод, что таких отношений вообще нет. Верным будет утверждение, что происхождение корейского языка до сих пор неясно. Поскольку существовавшая теория родства алтайской языковой семьи с корейским языком была принята практически без критики, контраргументы против этой теории могут быть столь же сильными. Однако между этими взглядами имеются существенные различия. Некоторые говорят, что это полностью опровергает общепринятую точку зрения, в то время как другие говорят, что это гипотеза, которая еще не доказана. Перспективы исследования видятся в систематизации языковых типологических признаков корейского языка в его отношении к алтайской языковой системе.

НИКОЛАЕВА Наталья Алексеевна – старший преподаватель ИЯКН СВ РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail.ru: onatalia@inbox.ru

NIKOLAEVA Natalia Alekseevna – senior lecturer at the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СОНГ Мун Ненг – профессор, Международная школа туризма и гостеприимства, Университет Чеджу Халла, г. Чеджу, Республика Корея.

E-mail.ru: seongmoonyeong@chu.ac.kr

SONG Moon Young – Professor of International School of Tourism and Hospitality Cheju Halla University, Jeju City, Korean.

Ключевые слова: корейский язык, алтайская языковая система, этимология языка, типологические языковые признаки, генеалогия корейского языка, родство языков, древний алтайский язык, этимологический анализ, лексический анализ, родственные языки.

Для цитирования: Николаева Н. А., Сонг Мун Ненг. Отношение корейского языка к алтайской языковой системе // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-59-66

Korean language attitude in the Altai language system

N. A. Nikolaeva¹, Song Moon Young²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

²Cheju Halla University, Jeju City, Korean

E-mail: onatalia@inbox.ru

E-mail: seongmoonyeong@chu.ac.kr

Abstract. The relevance of the study is determined by the growing interest of the scientific community in constructing typologies of linguistic features of the Korean language in its relation to the Altai language system. A review of research shows that to date, discussions regarding the place of the Korean language in the Altai language system continue, since there are no uniform criteria by which to describe the relationship of these two languages. The purpose of the article is to systematize the features that allow us to determine the place of the Korean language in the Altai language system. Objectives: provide an overview of studies of the Altai language system; consider arguments about the relationship between the Korean and Altai languages; consider criticism of the theory of kinship between the Korean and Altaic languages. Research methods: systematization, generalization, description, comparison, critical analysis. It has been established that even if we completely deny the family connection between the theory of the Altaic language family and the Korean language, it is still possible to establish a friendly connection between them, which can be taken as a research hypothesis. This is made possible by the fact that the common elements that have been clearly outlined so far exist, albeit in meager quantities. If these elements were not borrowed, it would be difficult to conclude that this is a coincidence. However, it does not seem convincing that the scant data is sufficient to prove the kinship of Koreans and Altai. In this situation, just as it is impossible to draw an unambiguous conclusion that the Korean language has a related relationship with the Altai language or the Altai language family, it is also impossible to conclude that there are no such relationships at all. It is true that the origins of the Korean language are still unclear. Since the existing theory of the Altaic language family and the theory of kinship with Korean were accepted almost without criticism, the counter-arguments against them can be equally strong. However, there are significant differences between these views. Some say this completely refutes conventional wisdom, while others say it is a hypothesis that has not yet been proven. The prospects for the study are seen in the systematization of linguistic typological features of the Korean language in its relation to the Altai language system.

Keywords: Korean language, Altai language system, etymology of language, typological language features, genealogy of the Korean language, relationship of languages, ancient Altai language, etymological analysis, lexical analysis, related languages.

For citation: Nikolaeva N. A., Song Moon Young. Korean language attitude in the Altai language system // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-59-66

Введение

Языковеды группируют все языки в зависимости от их принадлежности к той или иной языковой системе. С. А. Старостин отмечает, что в тех случаях, когда несколько языков отделились от общего происхождения и изменились в ходе исторического развития, можно говорить, что они находятся в тесном родстве друг с другом, а языки, с которыми они находятся в тесном родстве, называются родственными языками [1]. Эти родственные языки в совокупности называются языковой семьей. Системная теория корейского языка – это изучение того, к каким языкам относится корейский, с использованием методов сравнительного языкознания.

В данном исследовании при описании окружения корейского языка отмечаются его связи с алтайскими и японским языками, поскольку они имеют значительное сходство при типологии, а также имеют в своем словарном составе схожие слова. Поэтому предположение о том, что корейский язык будет иметь тесную связь с этими языками, было сформулировано филологами довольно рано, в частности, первым об этом стал говорить Г. Дж. Рамштедт [2, 3]. Впоследствии другие исследователи, например, Н. Поппе [4], Ким Бан Хан [5], которые стали проводить сравнительные исследования, продолжили доказывать родство между этими языками.

Алтайская языковая система используется в Евразийском регионе, делится на маньчжурско-тунгусский, монгольский и тюркский языки и состоит примерно из 50 языков. Хотя исследования корейской языковой семьи продолжают в течение последних 100 лет, корейский язык остается языком, происхождение которого неизвестно, хотя весьма вероятно, что он принадлежит к той же семье, что и алтайские языки [6]. К причинам этого можно отнести то, что литературных материалов, способных раскрыть древний облик корейского языка, не так много, и не проводилось детальных исследований взаимосвязи корейского и алтайских языков. Конечно, нельзя сказать, что выявлена генеалогическая идентичность корейского языка алтайскому. Однако неоспоримым фактом является то, что алтайские языки типологически наиболее близки к корейскому и имеют наибольшую вероятность генеалогического родства.

Обзор исследований алтайской языковой системы

Значительное количество алтайских языков используется в России и Китае, но большинство из них находится на грани исчезновения из-за вытеснения «официальными языками»: русским и китайским. Нельзя сказать, что никаких исследований по этим алтайским языкам зарубежными учеными до сих пор не проводилось. Однако, поскольку методы записи и объем исследований каждого ученого были разными, фактически невозможно использовать результаты их исследований для изучения генеалогии корейского языка [2]. Иными словами, возникает необходимость самостоятельно исследовать и интерпретировать алтайские языки, чтобы точно понимать обозначения предыдущих материалов и собирать данные, необходимые для исследования корейской языковой линии.

Изучение происхождения общего языка, возможно, вдохновило на различные сравнительные исследования тюркского, протомонгольского и тунгусского фольклора и мифологии. Наличие алтайской группы языков было впервые предположено в XVIII в. [3]. Оно получило широкое признание в 1960-х годах [2]. С 1950-х годов многие лингвисты пришли к мысли, что предполагаемые родственные связи недействительны, что гипотетические изменения звука не обнаружены и что тюркские и монгольские языки разошлись в ходе исторического развития [1]. Однако на сегодняшний день данное утверждение является дискуссионным, потому что оно оказалось конвергентным. Противники этой теории утверждали, что сходство произошло из-за взаимного языкового влияния между участвующими группами. Хотя современные сторонники алтаистики признают, что многие общие черты являются результатом контакта и конвергенции языка и поэтому не могут быть приняты в качестве доказательства генетического родства. Но многие исследователи упоминают о сходстве между этими языками. Первоначальная гипотеза заключалась в том, что это был единый тюркский, монгольский и тунгусский народ [2]. Последующие предложения о включении Кореи и Японии в «макроалтайскую» семью всегда вызывали споры. Большинство сторонников этой теории продолжают поддерживать включение корейского языка, но лишь немногие поддерживают японский язык. В число предположений этой теории входил айнский язык, который не получил широкого распространения даже среди алтайцев.

Полевые исследования и анализ алтайских языков корейскими учеными проводились в 2000-х годах. До этого единственным способом исследования письменных языков были повторный анализ или цитирование результатов исследований зарубежных ученых [7]. Однако данные о письменном языке ограничены, а исследования зарубежных ученых не дают всех необходимых нам данных.

В современных академических кругах исследования корейского языка всерьез начались после освобождения, и непосредственным толчком к этому послужили работы Ли Ги Мун (이기문) [7] и Ким Бан Хан (김방한) [5]. Можно сказать, что только после 1960-х гг. в исследованиях генеалогии корейского языка появились новые разработки. В имеющихся систематических исследованиях акцент делается на выявление родства с алтайским языком. Во-первых, Ли Ги Мун (李基文) дал обзор корейского и алтайского языков, приведя конкретные лингвистические факты [7].

Ким Бан Хан (金芳漢) сравнил корейский и алтайский языки по нескольким аспектам фонологии и морфологии, а также предложил гипотезу о том, что в основе корейского языка может лежать неизвестный язык, предварительно названный «протокорейским языком» [5]. Между тем тесная связь между корейским и японским языками обсуждалась с самого начала не только из-за их географической близости, но также из-за их типологического сходства и схожих слов, которые можно выявить в словарном составе языка. В конце XIX века Л. Росни [8], Ч. Даллет [9] и Дж. А. Росс [10] указали на типологическое сходство между корейским и урало-алтайским народами. Однако это было лишь поверхностное наблюдение, которое сопоставляло конкретные языковые факты. После этого стали появляться конкретные сравнительные исследования корейского и алтайского языков. С. А. Старостин попытался более научно продемонстрировать родство корейского и алтайского языков, впервые осветив в небольшой статье как фонетический, так и морфологический уровни двух языков в аспекте наличия схожих черт [11].

Особого внимания заслуживает попытка установить закономерность фонетического соответствия между корейским и алтайским языками. Стоит отметить, что сравнение слов как примеров соответствия весьма впечатляет, поскольку включает в себя то, что сегодня считается достоверным. В 1928 г. Г. Дж. Рамштедт – известный алтайский филолог – опубликовал статью под названием «Заметки о корейском языке», привлекая внимание к этой области. Одним из его величайших достижений было, среди прочего, формирование основы алтайской гипотезы (или теории алтайской языковой семьи), которая утверждает, что существует родство между тюркскими, монгольскими и маньчжурско-тунгусоязычными языками [2]. Поэтому не будет преувеличением сказать, что настоящий алтайский язык начинается с исследований Г. Дж. Рамштедта.

Еще одно его достижение – исследования генеалогии корейского языка. В нескольких статьях предпринимались попытки доказать родство корейского и алтайского языков с конкретными лингвистическими фактами. Вместо того чтобы перечислять внешние типологические сходства или похожие слова, он наблюдал определенные фонетические соответствия, используя сравнительно-лингвистические методы, и попытался найти совпадения, анализируя грамматические морфемы. В этом отношении книга Г. Дж. Рамштедта «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne» (Введение в Алтайское лингвистическое общество) стала отправной точкой в сравнении корейского языка с алтайским языком. Сегодня все сравнительные исследования корейского и алтайского языков начинаются с этого новаторского исследования. А его работа «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne» (Этимология корейского языка) оценивается как достижение, повлекшее за собой значительное развитие сравнительной грамматики корейского и алтайского языков [3].

Вслед за Г. Дж. Рамшtedтом учёным, более глубоко изучавшим родство корейского языка с алтайскими языками, был Н. Поппе, который также является выдающимся монгольским и алтайским лингвистом. Теория алтайской языковой семьи, разработанная Г. Дж. Рамшtedтом, была далее уточнена Н. Поппе [4]. Среди предметов его исследований также был корейский язык. Его книга «Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen» (Сравнительная грамматика алтайских языков) ограничивается фонологией, но использует корейские слова в качестве объектов сравнения. Хотя некоторые из этих сравнительных примеров имеют недостатки, они характеризуются большей точностью, чем в работах Г. Дж. Рамшtedта.

Исследования генеалогии корейского языка зашли в тупик с 1970-х гг. После 1970-х гг. интерес иностранных ученых к происхождению корейского языка снизился, и прямые полевые исследования были невозможны по политическим причинам. Поэтому, как и в других областях, в корейскую языковую генеалогию не были привнесены новые данные, которые можно было бы использовать в качестве инструмента проверки теорий или в качестве основы для создания новых теорий.

Аргументы родства корейского и алтайского языков

Как указывалось выше, сопоставительное изучение корейского языка с алтайским языком является ключевой задачей исследования корейского языка в современной Корее. Г. Дж. Рамшtedт [2, 3] и Н. Поппе [4] оказали большое влияние на развитие данного научного направления. Это связано с тем, что они включают корейский язык в алтайскую языковую систему. Благодаря этим исследованиям постепенно укрепляется мнение о том, что корейский язык имеет тесную связь с алтайским языком.

Изучение работ Г. Дж. Рамшtedта позволяет убедиться в том, что он был уверен в родстве корейского языка с алтайским языком. Однако, с другой стороны, кажется, что происхождение корейского языка не рассматривалось так однобоко. По мнению Г. Дж. Рамшtedта, «корейский язык – загадочный язык, который требует дальнейших исследований в будущем»; «корейский язык нелегко включить в алтайскую языковую группу» [2]. Эти слова показывают, что его не удовлетворили представленные доказательства.

Между тем в работах Н. Поппе есть нечто еще более примечательное. В своей работе «Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen» (Сравнительная грамматика алтайских языков) он заявил, что исследование Г. Дж. Рамшtedта не оставляет сомнений в родстве между корейским и алтайским языками. Впоследствии филолог также отмечал, что даже если связь между алтайским и корейским языками не очень ясна, несомненно, что в корейском языке есть, по крайней мере, алтайский субстрат, демонстрирующий связь между этими двумя языками. Однако в 1965 г. в книге «Введение в алтайскую лингвистику» Н. Поппе более четко изложил свои взгляды на происхождение корейского языка. Он предположил, что происхождение корейского языка точно не известно, а затем предложил следующие три условия относительно происхождения корейского языка [4].

Во-первых, Корея имеет тесную связь с Алтаем. Во-вторых, пракорейский раскол произошёл еще до объединения Алтая (т. е. дата раскола очень ранняя). В-третьих, корейский язык имеет только алтайскую языковую основу [4]. Иными словами, корейский язык по своей сути является неалтайским языком, и есть вероятность, что он впитал в себя древний алтайский язык, либо наложился на основной язык. Таким образом, три условия, описанные Н. Поппе, ясно показывают, насколько много нерешенных вопросов в области этимологии корейского языка.

Основным современным сторонником гипотезы связи между корейским и алтайским языками является С. Старостин, опубликовавший сравнительный лексический анализ ал-

тайского языка в 1991 г. [1]. Он пришел к выводу, что этот анализ поддерживает происхождение корейского языка из алтайской группы языков. Исследователь утверждал, что проанализированные слова из алтайской группы языков имеют около 15–20% очевидных родственных слов. В частности, 20% – тюрко-монгольские, 18% – тюрко-тунгусские, 17% – тюрко-чосонские, 22% – монголо-тунгусские, 16% – монголо-чосонские и 21% – тунгусско-чосонские слова. Этимологический словарь 2003 г. содержит предложенный список из 2800 родственной основы и нескольких лексических изменений в реконструкции протоалтайского языка. Авторы постарались отличить тюрко-монгольские и монголо-тунгусские заимствования от их родственных языков [12].

Критика теории родства корейского и алтайского языков

До сих пор исследования корейского языка проводились на основе предпосылки о связи корейского и алтайского языков, а также посредством сравнительных исследований алтайской группы языков. В результате удалось обнаружить некоторые общие элементы в корейском и алтайском ареале. Однако необходимо еще раз критически осмыслить вопрос, достаточно ли этих аргументов, чтобы доказать родство корейского и алтайского языков. Это связано с тем, что, хотя в корейском языке обнаружены элементы алтайского языка, правила фонетического соответствия установить сложно, а подходящих словарей имеется на сегодняшний день не так много.

Поэтому представляется целесообразным задуматься над тем, есть ли на данный момент какие-либо недостатки в методах исследования. В этом отношении кажется, что исследования генеалогии корейского языка в настоящее время каким-то образом себя исчерпали и исследователи не видят других путей описания этимологии языка. Чтобы преодолеть этот барьер, необходимо пересмотреть несколько вопросов.

В книге «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne» (Введение в Алтайское лингвистическое общество) Г. Дж. Рамштедт оценил родство четырех языковых групп в протоалтайский период и подсчитал, что они разделились 4000 лет назад. Характерно то, что он рассматривал корейский язык как самостоятельную языковую ветвь алтайской языковой семьи [3]. Тем временем Н. Поппе представил альтернативную генеалогическую схему в своей работе «Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen» (Сравнительная грамматика алтайских языков). Согласно этой генеалогии, корейский язык образовал языковую ветвь алтайской языковой семьи и отделился непосредственно от праалтайского языка, подразумевая, что время разделения было очень ранним. Это также предполагает, что корейский язык, возможно, претерпел уникальный процесс изменений, отличающийся от тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Хотя это утверждение имеет свою схематическую ясность, корейская языковая часть на самом деле отражает проблемы исследования в теории происхождения корейского языка.

Ли Ги Мун представил генеалогическую схему в книге «국어사개설» (Введение в историю корейского языка). Исследователь предполагает наличие протокитайского языка, который восходит к общему алтайскому языку или имеет с ним родственное начало. Филолог рассматривает это положение как задачу, требующую дальнейшего изучения в будущем. Автор весьма осторожен в утверждениях и воздерживается от выводов о положении языков пуё и протокитайцев [7].

Между тем, Ким Бан Хан считал, что, хотя вопрос этимологии корейского языка все еще дискуссионный, все же есть возможность схематически представить его положение в системе алтайских языков. Скорее всего, корейский язык был очень тесно связан с тунгусским языком. И Ким Бан Хан попытался объяснить фундаментальные причины различных трудностей, возникающих при сравнении корейского и алтайского языков.

Заключение

Алтайский язык – это спорная предлагаемая языковая семья, включающая тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский и, возможно, японский и корейский языки.

Согласно исследованиям, становится ясно, что между корейским и алтайским языками существуют общие элементы, и преобладает мнение, что они имеют тесную связь. Поэтому в перспективе задача состоит в том, чтобы подкрепить и представить качественно и количественно убедительные доказательства. Кроме того, поскольку дальнейшие исследования, поддерживающие связь корейского языка с языками алтайской семьи, до сих пор существенно не отклонились от направления, заданного Г. Дж. Рамштедтом, для дальнейшего развития необходимо выявить и описать новые примеры, которые были не рассмотрены филологом ранее. Следует подчеркнуть различия между отношениями заимствования, однако следует принимать во внимание, что очень ранние заимствования чрезвычайно трудно выявить. Кроме того, особое внимание необходимо уделять заимствованиям, отличным от китайских.

Что касается теории конвенциональной алтайской языковой семьи и теории родственных отношений между корейским языком и алтайской языковой семьей, то было установлено, что в последнее время появились мнения, полностью ее отвергающие или подчеркивающие, что это еще не доказанная гипотеза.

С этой точкой зрения возникает ряд дискуссионных вопросов. Сравнительное изучение алтайской языковой семьи и корейского языка сопряжено с множеством методологических проблем. Однако исследователи не относятся к нему серьезно с исторической или сравнительно-лингвистической точки зрения. Если методологическая основа не прочна, результаты рассуждений, произвольных или основанных только на односторонней рациональности, покажутся неубедительными.

Литература

1. Старостин, С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка : автореф. дис. ... док. филол. наук. – М., 1991.
2. Ramstedt G.J. A Korean Grammar / G.J. Ramstedt. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen, 1939. – IV. – P. 5.
3. Ramstedt G.J., Mémoires de la Société Finno-Ougrienn / G.J. Ramstedt. – Helsinki, 1928.
4. Poppe, N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. – Wiesbaden, 1960.
5. 김방한 한국어의 계통. – 민음사, 1983 (Ким Бан Хан Происхождение корейского языка. – Минумса, 1983)
6. Аникина, В. В. Место корейского языка в генеалогической классификации языков : европейский, восточный подходы / В. В. Аникина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012 – № 4 (21). – С. 17–23.
7. 이기문 국어사개설: 민중서관, 1972) (Ли Ги Мун Введение в историю корейского языка: Библиотека Минджунг, 1972)
8. Rosny L. de. Aperçu de la Langue Coréenne Text. / L. de Rosny // Journal Asiatique 6-ser, 1864. – vol.3. – 101 p.
9. Dallet Ch. La Langue Coréenne, Histoire de L'Église de Corée Text. / Ch. Dallet. Paris: Tom Premieré, 1874. – 178 p.
10. Ross J. A. Corean Primer Text. / J.A. Ross // The China Review, 1877. – vol. II – 89 p.
11. Старостин, С. А. Способы передачи вокализма в древнеяпонской письменности / С. А. Старостин // Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов: Тез. докл. М., 1973. – С. 195-197.
12. Старостин, С. А. К проблеме реконструкции праапонской фонологической системы / С. А. Старостин // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (предварительные материалы). – М., 1972. – С. 72-75.

References

1. Starostin, S. A. Altajskaya problema i proiskhozhdenie yaponskogo yazyka : avtoref. dis. ... dok. filol. nauk. – M., 1991.
2. Ramstedt G.J. A Korean Grammar / G.J. Ramstedt. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen, 1939. – IV. – P. 5.
3. Ramstedt G.J., Mémoires de la Société Finno-Ougrienn / G.J. Ramstedt. – Helsinki, 1928.
4. Poppe, N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. – Wiesbaden, 1960.
5. 김방한 한국어의 계통. – 민음사, 1983 (Kim Ban Han Proiskhozhdenie korejskogo yazyka. – Minumsa, 1983)
6. Anikina, V. V. Mesto korejskogo yazyka v genealogicheskoy klassifikacii yazykov : evropejskij, vostochnyj podhody / V. V. Anikina // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 2012 – № 4 (21). – S. 17–23.
7. 이기문 국어사개설: 민중서관, 1972) (Li Gi Mun Vvedenie v istoriyu korejskogo yazyka: Biblioteka Mindzhung, 1972)
8. Rosny L. de. Aperçu de la Langue Coréenne Text. / L. de Rosny // Journal Asiatique 6-ser, 1864. – vol.3. – 101 p.
9. Dallet Ch. La Langue Coréenne, Histoire de L'Église de Corée Text. / Ch. Dallet. Paris: Tom Première, 1874. – 178 p.
10. Ross J. A. Corean Primer Text. / J.A. Ross // The China Review, 1877. – vol. II – 89 p.
11. Starostin, S. A. Sposoby peredachi vokalizma v drevneyaponskoj pis'mennosti / S. A. Starostin // Konferenciya molodyh nauchnyh sotrudnikov i aspirantov: Tez. dokl. M., 1973. – S. 195-197.
12. Starostin, S. A. K probleme rekonstrukcii prayaponskoj fonologicheskoy sistemy / S. A. Starostin // Konferenciya po sravnitel'no-istoricheskoy grammatike indoevropskikh yazykov (predvaritel'nye materialy). – M., 1972. – S. 72-75.

Соматизмы в географической лексике якутского и хакасского языков

И. Н. Сорова, К. К. Неустроев

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: isorova@mail.ru

E-mail: kosneustroev@yandex.ru

Аннотация. Издревле человек именует объекты окружающей среды, соотнося их, прежде всего, с частями своего тела. Изучение соматизмов представляет большой интерес, так как в них особенно нагляден процесс номинации, ярко проявляется связь между объектом и человеком, дающим название: прозрачность внутренней формы позволяет установить причину происхождения новых лексем, выявить некоторые закономерности номинации. Всесторонний анализ соматизмов в географической лексике якутского и хакасского языков, их систематизация и описание, на наш взгляд, позволит глубже понять, как происходит осмысление окружающей действительности носителями языка. Необходимость изучения соматизмов, обозначающих элементы географических объектов, определяется тем, что они могут дать ценный материал о лексико-семантическом и структурном развитии лексических единиц якутского и хакасского языков. Целью работы является выявление особенностей функционирования соматизмов в сфере географической лексики якутского и хакасского языков. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: рассмотреть историю изучения соматической лексики в тюркском языкознании; выявить соматизмы в географических терминах якутского и хакасского языков (путем сплошной выборки из лексикографических источников); классифицировать выявленные географические термины по наличию указаний на части тела человека; классифицировать выявленные соматизмы по признаку соотнесенности с естественно-природными объектами. Для выполнения указанных задач использованы такие методы, как описательный, сравнительно-сопоставительный и статистический. Научная новизна состоит в исследовании соматизмов в географических названиях в якутском и хакасском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте. Теоретическая и практическая значимость определяется возможностью использования материалов и результатов исследования при изучении лексических групп в тюркских языках (и языках других семей), а также при разработке лекционных курсов, проведении семинаров по лексике.

Ключевые слова: географическая лексика, соматизм, номинация, семантика, метафоризация, орографическая лексика, гидрографическая лексика, сомонимическая лексика, спланхонимическая лексика, сенсонимическая лексика.

Для цитирования: Сорова И. Н., Неустроев К. К. Соматизмы в географической лексике якутского и хакасского языков // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-67-74

СОРОВА Ирина Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: isorova@mail.ru

SOROVA Irina Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

НЕУСТРОЕВ Константин Константинович – аспирант кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: kosneustroev@yandex.ru

NEUSTROEV Konstantin Konstantinovich – graduate student, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Somatisms in the geographical vocabulary of the Yakut and Khakass languages

I. N. Sorova, K. K. Neustroev

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: isorova@mail.ru

E-mail: kosneustroev@yandex.ru

Abstract. Since ancient times, a person names objects of the environment, correlating them, first, with parts of his body. The study of somatisms is of great interest, since the nomination, process is particularly evident in them, the connection between the object and the person giving the name is clearly manifested: the transparency of the internal form allows us to establish the cause of their origin and identify some patterns of nomination. A comprehensive analysis of somatisms in the geographical vocabulary of the Yakut and Khakass languages, their systematization and description, in our opinion, will allow us to better understand how native speakers comprehend the surrounding reality through the medium of the human body. The need to study somatisms denoting elements of geographical objects is determined by the fact that they can provide valuable material on the lexico-semantic and structural development of lexical units of the Yakut and Khakass languages. The purpose of the work is to study the features of the functioning of somatisms in the field of geographical vocabulary of the Yakut and Khakass languages. To achieve this goal, the following tasks are solved: to consider the history of the study of somatic vocabulary in Turkic linguistics; to identify somatisms in geographical terms of the Yakut and Khakass languages by continuous sampling from lexicographic sources; classification of identified geographical terms by parts of the human body; lexico-semantic classification of identified somatisms by natural objects. To perform these tasks, such research methods as descriptive, comparative and statistical methods were used. The scientific novelty of the study consists in the study of somatisms in geographical names in the Yakut and Khakass languages in a comparative aspect. The theoretical and practical significance is determined by the possibility of using materials and research results in the study of lexical groups in the Turkic languages (and languages of other families), as well as in the development of lecture courses, conducting seminars on vocabulary.

Keywords: geographical vocabulary, somatism, nomination, semantics, metaphorization, orographic vocabulary, hydrographic vocabulary, somonymic vocabulary, splanchnonymic vocabulary, sensonymic vocabulary.

For citation: *Sorova I. N., Neustroev K. K.* Somatisms in the geographical vocabulary of the Yakut and Khakass languages // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-67-74

Введение

Национально-культурная специфика словообразования связана с отражением в значениях производных слов особенностей традиционного мировоззрения и миропонимания народа. В тюркских языках соматизмы представляют устойчивый фрагмент общетюркского лексического фонда и характеризуются большой частотностью употребления, способностью к метафоризации, богатым фразообразовательным потенциалом и разветвленной семантической структурой. «Названия частей тела продуктивно используются в качестве метафорических универсалий, так как при названии нового объекта у человека возникает ассоциация, прежде всего, с тем, что ему хорошо знакомо, что постоянно находится при нем. В первую очередь, человек сравнивает окружающие предметы с самим собой, с частями своего тела» [1, с. 56]. Исходя из этого следует, что человек, взаимодействуя с окружающим миром, познает его «через себя»: через ощущения, представления и ассоциативные образы.

А. В. Дыбо, рассматривая метафорические ландшафтные употребления слов в тюркских языках, отмечает, что «перенос названий частей тела на ландшафтные объекты, будучи универсальным явлением, чрезвычайно распространен в тюркских языках» [2, с. 654].

Л. Л. Габышева, исследуя семантику и функции образа тела, определяет, что «соматизмы составляют значительную часть словарного состава любого языка и являются древ-

нейшим исконным пластом лексики. Они характеризуются устойчивостью, высокой частотностью употребления и вследствие этого разветвленной семантической структурой. В якутском языке от соматизмов путем метафорического и метонимического переноса образованы пространственно-временные термины, ландшафтная и топонимическая лексика (это универсальное явление), номинации растений и животных, социальная терминология, антропонимы, названия частей жилища, орудий труда и промысла, одежды, утвари, орнамента, обрядов и т. д.» [3, с. 154].

М. Д. Чертыкова, изучая тюркско-монгольские параллели в соматической сфере, к общим лексическим особенностям соматизмов относит «метафорические переносы в семантике отдельных соматизмов, распространяющиеся на ландшафтные и пространственные смыслы в сочетательном потенциале» и приводит такие примеры, как *таг хабыргазы* ‘склон горы; косогор’, *арга* ‘хребет (горный), гряда’, *таг пазы* ‘вершина горы’ [4, с. 169].

Как отмечает Э. М. Мурзаев, большинство тюркских топонимов восходит к нарицательным словам-терминам, определяющим природные особенности объекта, какую-либо выделяющуюся характерную черту или явление, положение в пространстве [5, с. 3]. Так, в обозначении особенностей географических объектов соматизмы встречаются довольно часто. Определенные признаки географического объекта соотносятся с частями тела человека.

Состав географической апеллятивной лексики, и всесторонняя информация об этой группе лексических единиц для каждого региона, являются ценной и важной для лингвистов. Лингвогеографическое изучение апеллятивной лексики связано с целым рядом научных направлений в исследовании словарного состава языка, диалекта или диалектной группы.

Соматизмы в географической лексике якутского и хакасского языков

Якутия характеризуется многообразием природных условий и ресурсов, является одним из наиболее речных и озерных регионов России, большую часть территории занимают горы и плоскогорья. На территории Хакасии представлены почти все ландшафтно-природные зоны земли: полупустыни, степи, лесостепи, тайга, высокогорные альпийские луга, высокогорные тундры и ледники, имеются практически все виды водных объектов: горные реки, каровые озера, реки предгорий. Уникальность и разнородность рельефа и ландшафта этих регионов обуславливают специфические географические термины, в образовании которых, как и в других тюркских языках, активно участвуют соматизмы. Используя лексикографические материалы «Большого толкового словаря якутского языка» [6], «Словаря топонимной лексики Республики Саха (Якутия)» [7] и «Словаря географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Хакасской автономной области» [8], «Русско-хакасского словаря» [9], «Грамматики хакасского языка» [10], путем сплошной выборки в якутском языке выявлено 101 географическое название с соматизмами, в хакасском языке – 61 наименование.

Соматизмы в орографической лексике

Возвышенность, т. е. гора – сакральный пространственный объект в якутской культуре, для якута каждая гора имеет своего духа или хозяина. Горные вершины также почитались предками хакасов как обиталища богов и духов. Они искренне верили, что гора, связывает мир людей с миром богов. Люди не только обожествляли горы в мифах и легендах, но и совершали обряды на их вершинах. В орографических названиях, связанных с холмами, сопками, горами, скалами, хребтами, якутского и хакасского языков прослеживаются соматизмы. Части тела человека ассоциируются с частью определенного пространственного объекта.

Так, в орографической лексике в якутском языке выявлено 38 наименований с соматизмами: *хайа сүүһэ* 'лобовая часть горы', *тиис хайа* 'выступающая острая скала', *хайа иэдэһэ* 'лицевая сторона горы', *хайа кулгааба* 'выдающаяся вершина горы', *хайа сэнгийэтэ* 'нижняя часть горы', *хайа түөһэ* 'склон горы', *хайа чабырбайа* 'верхний край, верхняя часть (напр., горы)', *мурун* 'мыс, выступ возвышенности', *булгунньах оройо* 'вершина холма', *эмиий хайа* 'холм, бугорок', *хоннох иһэ* 'лощина между холмов' и др.; в хакасском языке – 32 названия: *устыг азыг* 'горный перевал', *таг иңи* 'склон горы', *таг наары* 'середина горы', *таг хабыргазы* 'склон горы', *тагнын тигейи* 'макушка, вершина горы', *тагнын тѳзинде* 'подножие горы', *хамах* 'отрог горы', *хас* 'место в горах, открытое к югу, возвышенность', *устыг тигей* 'острая вершина' и др. В якутском и хакасском языках отмечаются одинаковые географические названия с соматизмами: *хайа баһа* (в якут. яз.) – *таг пазы* (в хакас. яз.) 'вершина горы', *хайа биһлэ* (в якут. яз.) – *пиһл* (в хакас. яз.) 'седловина горы', *тумус* (в якут. яз.) – *тумзух* (в хакас. яз.) 'мыс'. В хакасском языке некоторые соматизмы представляются в топонимах гор, например: г. *Сораххол*, *сорах* 'конусообразный, остроконечный', *хол* 'рука', досл. *остроконечная рука*, означает выпуклую, выступающую форму географического объекта г. *Харатигей*, *хара* «черный», *тигей* «макушка головы», досл. *черная макушка*, может означать верхушку горы.

Орографическая лексика с соматизмами в зависимости от характера объекта номинации состоит из следующих групп: сомономическая лексика – названия головы и ее частей: в якут. яз.: *тѳѳѳ* 'голова' → *хайа тѳѳѳѳѳ* 'вершина горы', *орой* 'макушка, темя' → *очуос хайа оройо* 'вершина утеса', *булгунньах оройо* 'вершина холма', *сир оройо* 'вершина хребта', *иэдэс* 'щеки' → *хайа иэдэһэ* 'лицевая сторона горы', *сирэй* 'лицо' → *хайа сирэйэ* 'видимый склон горы', *мурун* 'нос' → *мурун* 'мыс; выступ (на местности); угол горы', *аһыы* 'острие, клык' → *аһыылаах аппа* 'овраг с остроконечными, торчащими камнями', *тиис* 'зуб' → *тиис хайа* 'выступающая острая скала' и др.; в хакас. яз.: *пас* 'голова' → *таг пазы* 'вершина горы', *тигей* 'темя, родничок и затылок' → *тагнын тигейи* 'вершина горы', *аас* 'орган человека, рот' → *аас* 'большой склон', *хамах* 'лоб' → *хамах* 'отрог горы', *хас* 'верхний край глазной орбиты, брови' → *хас* 'место в горах, открытое к югу, возвышенность', *тис* 'зуб' → *тис* 'географический объект, напоминающий зуб', *тумзух* 'нос' → *тумзух* 'мыс'; названия шеи и туловища: в якут. яз.: *арбас* 'спина' → *арбас хайа* 'хребет', *биһл* 'талия, поясница' → *хайа биһлэ* 'седловина горы', *бэлэс* 'зев, глотка' → *хайа бэлэһэ* 'проход в горах', *түөс* 'грудь' → *хайа түөһэ* 'склон горы', *эмиий* 'грудь' → *эмиий хайа* 'холм, бугорок'; в хакас. яз.: *арга* 'спина' → *арга* 'хребет (горный), гряда', *пил*, *пиль* 'поясница, талия' → *пил* 'седловина, перевал', *тѳз*, *тѳс* 'грудь' → *тѳз* 'подножие горы', *харых* 'переносица' → *харых* 'конечная часть цепи гор'; названия верхних и нижних конечностей: в якут. яз.: *хоннох* 'подмышка' → *хоннох иһэ* 'лощина между холмов', *тобук* 'колено' → *тобук хайа* 'мыс, горный склон'; в хакас. яз.: *хол* 'рука, кисть руки' → *хол* 'лог', *иңи* 'плечо' → *таг иңи* 'склон горы', спланхномическая лексика: в якут. яз.: *бѳдүргэй* 'жирная часть грудинки' → *бѳдүргэй* 'безлесный, голый мыс (образуемый излуиной реки)', *быар* 'печень' → *халдьаайы быара* 'середина, средняя часть склона скалы, пригорка, возвышенности', *мэйиһи* 'мозг' → *таас мэйиһитэ* 'вершина горы', *сүрэх* 'сердце' → *хайа сүрэбэ* 'мыс округлой формы' и др.; в хакас. яз.: *паар* 'печень' → *паар* 'середина горы, местности', *хабырга* 'ребро' → *таг хабыргазы* 'склон горы, кособор', *хойын* 'подмышечная пазуха' → *хойын* 'ложбина'.

Как видно, в якутском и хакасском языках в мотивации образования названий частей возвышенности доминирует факт метафоризации названий головы и её частей. «Гора, метафоризируясь как нечто сходное с живым существом, рассматривается либо как человеческое лицо (ср.: лоб, бровь, веко, лицо, нос, рот, зуб, глотка), либо как тело лежащего

животного (морда, шея как перешеек, спина-хребет, ребро, передняя нога, грива). Перенос названий других человеческих частей тела на горный ландшафт наблюдается только в сибирских языках (ср. тув. *шенек* 'локоть' = 'выступ горы')» [11, с. 658]. Эта особенность сибирских тюркских языков объясняется контактами их носителей с монгольскими народами.

Соматизмы в гидрографической лексике

Вода играет важнейшую роль в жизни человека, становясь основой жизни, источником пищи, объектом поклонения и созерцания, средством передвижения. Люди издавна заботились о том, чтобы земля была пригодной не только для них самих, но и для скота, при этом вода воспринимается как жизненная необходимость. Местная гидрографическая лексика характеризуется своим народным происхождением и бытованием, что приводит к длительному сохранению лексики. В гидрографических названиях, связанных с озерами, речками, реками, якутского и хакасского языков также прослеживаются соматизмы.

Гидрографическую лексику с соматизмами представляют: в якутском языке – внутренние органы и части лица человека (31 наименование): *күөл куртаба* 'обособленная часть озера', *үрэх куртаба* 'речной залив', *оһоһос үрэх* 'длинный, узкий, извиляющаяся речка', *өрүс хааһа* 'верхний край реки', *үрэх, күөл, өрүс айаба* 'место впадения речки, реки в реку, озеро, море' и др.; в хакасском языке – верхние конечности и части туловища человека (24 наименований): *азырыг, азыр* 'протока реки', *арга суг* 'дальняя река', *аас, ас* 'устье реки', *саганах* 'крутой поворот, изгиб русла реки' и др. В гидрографической лексике якутского языка произошел метонимический перенос по смежности в пространстве. В хакасском языке некоторые соматизмы отмечаются в топонимах рек, ручьев. Например, *руч. Хазынхол* – *хазын* 'береза, березовый', *хол* 'рука', досл. *березовая рука*; *руч. Сынхол, сын* «туловище», *хол* «рука», досл. *туловище реки*; *руч. Чазыхол, чазы* 'поле, степь, степной', *хол* 'рука', досл. *степная рука*.

Гидрографическую лексику с соматизмами, связанную с определением водного объекта, составляют: сомонимическая лексика – названия головы и ее частей: в як. яз.: *төбө* 'голова' → *үрэх төбөтө* 'исток речки', *бас* 'голова' → *үрэх, өрүс баһа* 'начало, исток, верховье (реки, речки, ручья)', *харах* 'глаза' → *күөл хараба* 'самое глубокое место (омут)', *уу хараба* 'полюнья', *таан хараба* 'проталина на льду', *кыламан* 'ресницы' → *үрэх, күөл кыламана* 'самый край, окраина реки, озера', *айах* 'рот' → *үрэх, күөл, өрүс айаба* 'место впадения речки, реки в реку, озеро, море', *кута айаба* 'окно в трясине' и др.; в хак. яз.: *нас* 'голова' → *нас* 'начало, исток реки', *аас* 'рот, полость рта' → *аас чулы* 'проход ручья', *аас суг* 'устье реки', *сип* 'веснушки' → *сип* 'небольшой речной залив, приток реки'; названия шеи и туловища: в як. яз.: *моой* 'шея' → *күөл моонньо* 'озёрный омут', *күөмэй* 'горло, гортань' → *үрүүйэ, үрэх күөмэйэ* 'длинные, узкие, суживающиеся ручеек, речка', *куолай* 'горло, пищевод' → *үрэх куолайа* 'проток, рукав реки; узкий пролив', *кутурук* 'хвост, придаток' → *кутурук үрэх* 'длинная, узкая речка', *көбүс* 'спина' → *күөл көхсө* 'основное зеркало озера'; в хак. яз.: *арга* 'спина' → *арга суг* 'дальняя река', *нин* 'синоним азыр, рукав' → *арыг нини* 'протока', *ит* 'тело' → *тамах* 'вход из полости рта в глотку, зев' → *тамах* 'устье, протока реки'; названия верхних и нижних конечностей: в як. яз.: *атах* 'нога' → *күөл атаба* 'залив на конце озера', *хоннох* 'подмышка, пазуха' → *күөл хоннобо* 'залив озера', *харгы хоннобо* 'место в реке, где нет течения, заводь', *сото* 'голень' → *сото күөл* 'отдельная часть озера'; в хак. яз.: *хол* 'рука, кисть руки' → *хол* 'лог, ложбина, долина', *саганах* 'локоть' → *саганах* 'крутой поворот, изгиб русла реки', *азыр* 'рукав' → *сугның азыры* 'рукав реки'; спланхонимическая лексика: в як. яз.: *куртах* 'желудок' → *күөл, үрэх куртаба* 'отделенная, обособленная часть; залив (речной, озерный, морской)', *оһоһос* 'кишка' → *оһоһос үрэх*

‘длинный, узкий, извивающийся географический объект (чаще всего водоем, напр., речка, протока, озеро и т.п.), *мэйиш* ‘мозг’ → *өрүс мэйиштэ* ‘верховье реки’, *тамах* ‘проход в горло, зев’ → *тамах* ‘устье (напр., реки, речки)’; сенсонимическая лексика: в як. яз.: *тумус* ‘клюв’ → *күөл тумса* ‘мыс озера’; в хак. яз.: *ас* ‘полость рта’, *сыых* ‘перегородка’, *тамах* ‘вход из полости рта в глотку’. Как видно, в терминах гидрографии метафоризации подверглись все части тела человека, а также животных, но больше всего соматизмов выявилось в наименованиях средних частей тела, конечностей человека, животных. Метафоризация с конечностями исходит из-за того, что речки, реки имеют извилистую форму. В якутском языке, в отличие от хакасского языка, можно рассмотреть метафоризацию соматизмов внутренних органов человека.

Если *бас* ~ *нас* в орографии обозначает вершину горы, то в гидрографии – начало, исток реки. В якутском языке в географических терминах *төбө* также используется как синоним *бас*.

Лексика, отражающая особенности местности

Лексику, отражающую особенности местности, составляют агроонимы, хоронимы, дримонимы. В якутском языке 32 наименования, относящиеся к местности (поле, алас, берег, лес), представляют все части тела человека: *бүөр алаас* ‘недалеко от озера расположенная местность’, *сыһыы атаба* ‘удлиненная, выдающаяся часть аласа, острова’, *илиилэ-эх тиит* ‘геогр. об. удлиненной формы небольших размеров’, *сыһаах арыы* ‘бок, боковая сторона берега’ и др.; в хакасском языке выявлено таких 5 наименований: *агастыг хас* ‘лесистый берег’, *хол* ‘лог’, *сас* ‘болото, трясина, болотистый’, *чир аргазы* ‘поверхность земли’, *чир хулах* ‘ухо земли’. В данной географической лексике можно отметить, что в якутском языке внутренние органы описывают географическую местность, например: *бүөр алаас* ‘расположенный недалеко от озера, меньший из двух близлежащих географических объектов’, *куртах алаас* ‘отдаленный, обособленный алаас’, *кутурук үрэх* ‘длинный, узкий географический объект, река’ и т. д.

Лексику, отражающую особенности местности, составляют: сомонимическая лексика – названия головы и ее частей: в як. яз.: *бас* ‘голова’ → *тыа баһа* ‘выдающийся край местности’, *кэтэх* ‘затылок’ → *тыа кэтэбэ* ‘задняя сторона леса’, *хаас* ‘брови’ → *сыыр хааһа* ‘верхний край обрыва, речного берега’, *байбал хааһа* ‘морской берег’, *дыабады* ‘угол рта’ → *дыабады* ‘близкая к берегу полоска леса’, *сыһаах* ‘челюсть’ → *сыһаах арыы* ‘бок, боковая сторона берега’ и др.; в хак. яз.: *хас* ‘брови’ → *агастыг хас* ‘лесистый берег’, *сас* ‘волосы’ → *сас* ‘болото, трясина, болотистый’, *хулах* ‘ухо’ → *чир хулах* ‘ухо земли’; названия шеи и туловища: в як. яз.: *көбдөх* ‘туловище’ → *көбдөх* ‘основная часть, «туловище» местности’, *өрөбө* ‘передняя часть тела, живот’ → *өрөбө* ‘передняя часть местности; лучшая, отборная часть местности’, *сис* ‘позвоночник’ → *сис тыа* ‘возвышенное лесистое место между двумя водоемами’, *туу* ‘волосной покров некоторых частей тела человека’; в хак. яз.: *хол* ‘рука’ → *хол* ‘лог’, *арга* ‘спина’ → *чир аргазы* ‘поверхность земли’; названия верхних и нижних конечностей: в як. яз.: *быттык* ‘пах, часть нижнего края брюшной области’ → *быттык* ‘тихое, укромное, уютное, замкнутое место с богатой природой, где жить да поживать’, *илии* ‘рука’ → *илиилэ-эх тиит* ‘географический объект удлиненной формы небольших размеров’, *атах* ‘нога’ → *сыһыы атаба* ‘удлиненная, выдающаяся часть аласа, острова’, *хоой* ‘пазуха, подмышечная пазуха’ → *хоой иһэ* ‘место, защищенное от ветра или холода полукругом’, *бэрбээкэй* ‘щиколотка’ → *бэрбээкэй* ‘местность небольших размеров, очертания которой напоминают бэрбээкэй’; спланхонимическая лексика: в як. яз.: *куртах* ‘желудок’ → *куртах алаас* ‘отделенная, обособленная часть аласа’, *сыа* ‘сало’ → *сир сыата* ‘тук земли’, *бүөр* ‘почка’ → *бүөр алаас* ‘расположенная недалеко от озера мест-

ность', *мэйиш* 'мозг' → *сыһыы мэйиштэ* 'верховье поля', *тыс* 'шкурка с нижней части ног' → *тыс* 'окраина, конец географического объекта', *быыһас* 'ободочная кишка' → *быыһас*, *быыһас* 'географический объект небольшого размера несколько продолговатых очертаний с богатой природой, сочным травостоем', *былчархай* 'железа'; сенсонимическая лексика: в як. яз.: *таналай* 'перегородка' → *таналай* 'местность с разнообразным растительным покровом', *тыл* 'язык' → *тыл арыы* 'часть какого-либо географического объекта, напоминающая по местоположению язык', *хоой* 'пазуха' → *хоой иһэ* 'место, защищенное от ветра или холода полукругом'. В данной категории можно рассмотреть, что верхние части тела человека доминируют, по сравнению с якутским языком, в хакасском языке.

В якутской и хакасской географической лексике соматизмы в основном представляются как часть географического объекта. Например: в як. яз.: *хайа баһа* 'верхушка горы', *күөл кыламана* 'самый край, окраина озера', *тыа кэтэбэ* 'задняя сторона леса' и др.; в хак. яз.: *тигей хабыргазы* 'склон горы или холма', *таг пазы* 'вершина горы', *тагнын тигей* 'вершина горы' и др. Также имеются примеры соматизмов, выступающих как самостоятельные географические термины, например, в якутском языке: *дабадабы* 'подходящая к берегу полоска леса', *бэлэс* 'проход в горах', *бэрбээкэй* 'местность небольших размеров, очертания которой напоминают бэрбээкэй'; в хакасском языке: *сын* хребет, *аас* 'большой склон', *агастыг хас* 'лесистый берег'.

Заключение

В якутской и хакасской культурах географические объекты – это сакральные пространственные объекты. Почитание реки и озера, горы и леса как культового объекта отражает архаические представления древних якутов и хакасов о том, что каждая географическая единица имеет своего духа или хозяина, каждая местность – живой организм.

Разнообразие ландшафта способствовало образованию в якутском и хакасском языках специфической географической терминологии, часть которой основана на метафоризации частей тела человека или животных. Соматическая метафора является для языка и культуры тюркских народов, в том числе якутов и хакасов, базисной, она не только структурно упорядочивает одни понятия в терминах других, но и определяет способ мировидения, картину мира. В результате номинации определенных признаков в зависимости от характера объекта с частями тела человека формируется метафорический образ человека. В якутском и хакасском языках в географической лексике с соматизмами преобладают видимые части тела, а не внутренние органы. И в якутском, и в хакасском языке существует свой набор географических названий с соматизмами, и эти названия во многом и определяют характерное географическое лицо региона.

Литература

1. Федорова, М. А. Фразеологические соматизмы как средство вторичной номинации лексико-семантической системы немецкого языка / М. А. Федорова, М. С. Никонюк // Журнал Гродненского государственного медицинского университета : Языкознание и литературоведение. – Гродно, 2012. – № 3 (39). – С. 81-84.
2. Дыбо, А. В. Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках / А. В. Дыбо // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – Москва : Наука, 2006. – С. 648-659.
3. Габышева, Л. Л. Образ тела : семантика и функции (на материале якутского языка и культуры) / Л. Л. Габышева // Культурное наследие народов Сибири и Севера : Материалы Четвертых Сибирских чтений (12–14 октября 1998 г., Санкт-Петербург). – Санкт-Петербург, 2000. – С. 154-158.
4. Чертыкова, М. Д. Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере / М. Д. Чертыкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2023. – № 9 (1). – С. 169-179.

5. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев ; Российская АН, Институт географии. – Москва : Наука, 1995. – 304 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / АН РС (Я), Институт гуманитарных исследований ; под общей редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004-2018. – Т. I-XV. ISBN 978-5-02-032332-2.
7. Багдарыын Сүлбэ (Иванов, М. С.). Словарь топонимной лексики Республики Саха : местные географические термины и понятия / Багдарыын Сүлбэ. – Якутск : Бичик, 2019. – 327 с.
8. Бушуева, Е. Н. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Хакасской автономной области / Е. Н. Бушуева, М. Б. Волостнова. – Москва : Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1968. – 79 с.
9. Русско-хакасский словарь = Орыс-хакас словарь : 31000 слов / Под редакцией Д. И. Чанкова ; ХакНИИЯЛИ. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей ГИС, 1961. – 967 с.
10. Грамматика хакасского языка / Под редакцией Н. А. Баскакова. – Москва : Наука, 1975. – 418 с.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Ответственный редактор Э. Р. Тенишев. – Москва : Наука, 2002. – 767 с.

References

1. Fedorova, M. A. Frazеologicheskie somatizmy kak sredstvo vtorichnoj nominacii leksiko-semantickej sistemy nemeckogo jazyka / M. A. Fedorova, M. S. Nikonjuk // Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta : Jazykoznanie i literaturovedenie. – Grodno, 2012. – № 3 (39). – S. 81-84.
2. Dybo, A. V. Antropomorfnaia i zoomorfnaia metafora v tjurkskikh jazykah / A. V. Dybo // Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskikh jazykov. Pratljurskij jazyk-osnova. Kartina mira pratljurskogo jetnosa po dannym jazyka. – Moskva : Nauka, 2006. – S. 648-659.
3. Gabysheva, L. L. Obraz tela : semantika i funkcii (na materiale jakutskogo jazyka i kul'tury) / L. L. Gabysheva // Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa : Materialy Chetvertyh Sibirskih chtenij (12–14 oktjabrja 1998 g., Sankt-Peterburg). – Sankt-Peterburg, 2000. – S. 154-158.
4. Chertykova, M. D. Tjurksko-mongol'skie leksicheskie paralleli v somaticheskoi sfere / M. D. Chertykova // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. – 2023. – № 9 (1). – S. 169-179.
5. Murzaev, Je. M. Toponimika i geografija / Je. M. Murzaev ; Rossijskaja AN, Institut geografii. – Moskva : Nauka, 1995. – 304 s.
6. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh tyld' yта / АN R S (Ja), Institut gumanitarnyh issledovanij ; pod obshhej redakciej P. A. Slepсova. – Novosibirsk : Nauka, 2004-2018. – T. I-XV. ISBN 978-5-02-032332-2.
7. Bagdaryyn Sylbje (Ivanov, M. S.). Slovar' toponimnoj leksiki Respubliki Saha : mestnye geograficheskie terminy i ponjatija / Bagdaryyn Sylbje. – Jakutsk : Bichik, 2019. – 327 s.
8. Bushueva, E. N. Slovar' geograficheskikh terminov i drugih slov, vstrechajushhihsja v toponimii Hakasskoj avtonomnoj oblasti / E. N. Bushueva, M. B. Volostnova. – Moskva : Glavnoe upravlenie geodezii i kartografii pri Sovete Ministrov SSSR, 1968. – 79 s.
9. Russko-hakasskij slovar' = Orys-hakas slovar' : 31000 slov / Pod redakciej D. I. Chankova ; HakNIИJaLI. – Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej GIS, 1961. – 967 s.
10. Grammatika hakasskogo jazyka / Pod redakciej N. A. Baskakova. – Moskva : Nauka, 1975. – 418 c.
11. Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskikh jazykov. Regional'nye rekonstrukcii / Otvettstvennyj redaktor Je. R. Tenishev. – Moskva : Nauka, 2002. – 767 s.

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-75-82

УДК 811.512.154

Значения мастей боевого коня и эпическая традиция

Ж. К. Орозобекова

Национальная комиссия по государственному языку и языковой политике
при Президенте Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика
E-mail: kalmukamet.zhyldyz@mail.ru

Аннотация. В научной статье «Значения мастей боевого коня и эпическая традиция» рассмотрены формируемые в контексте эпоса «Манас» типологические сходства поэтического описания героических эпосов тюркоязычных народов и Сибири. Также анализируется этимологические значения мастей боевых коней в художественной структуре эпоса «Манас». Эпос «Манас» привнес до наших дней целый ряд образов скакунов, начиная с фантастических мифологических образов коней, заканчивая реалистическими. Описания масти коня, особенностей его ходьбы и бега, его умения понимать не только приказы хозяина, но и его душевное состояние, занимают обширное место в повествовании. Каждый конь наделен кличкой, каждый отличается какими-то присущими только ему качествами. Известно, что в эпосе присутствуют различные временные пласты, исходя из этого можно выявить образы тулпаров в их стадийной эволюции, что дает возможность рассматривать их сущность в гиперполярности. В эпосе «Манас» встречаются более 150 названий боевых коней разных мастей. Совокупность художественных образов боевых коней, изображенных в контексте «мифа и реальности» как наделение их крыльями, человеческой речью, умением преображаться посредством превращения в оборотней, является настоящим культурным достоянием эпосов и предметом научного интереса сотен исследователей. В процессе эволюции каждый национальный эпос, сохраняя данные свойства архетипа, одновременно дополняя и совершенствуя, превозносил в поэтическое изображение скакунов какие-то свои специфические свойства, развивая и воспевая особые качества, присущие только данному эпосу.

Ключевые слова: поэтика, трансформация, поэтический синтаксис, архаический пласт, система образов, культ коня, мотив, миксантропизм, эволюция, рудимент, формульный стиль, структура, архаический мотив, пространство времени, потусторонний мир, покровительство.

Для цитирования: Орозобекова Ж. К. Значения мастей боевого коня и эпическая традиция // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-75-82

ОРОЗОБЕКОВА Жылдыз Калмашевна – д. филол. н., манасовед, заместитель председателя Национальной комиссии по государственному языку и языковой политике при Президенте Кыргызской Республики.

E-mail: kalmukamet.zhyldyz@mail.ru

OROZOBKOVA Jyldyz Kalmashevna – Doctor of Philological Sciences, Manas scholar, Deputy Chairman, National Commission on State Language and language policy under President of the Kyrgyz Republic.

The values of the warhorse suits and the epic tradition

J. K. Orozobekova

National Commission on State Language and language policy
under President of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
E-mail: kalmukamet.zhyldyz@mail.ru

Abstract. In the scientific article “Meanings of war horse colours and epic tradition” the typological similarities of poetic description of heroic epics of Turkic-speaking peoples and Siberia formed in the context of the epic “Manas” are considered. The etymological meanings of war horse colours in the artistic structure of the epic “Manas” are also analysed. The epic “Manas” has brought to our days a whole range of images of horses, starting with fantastic mythological images of horses and ending with realistic ones. Descriptions of the horse’s colours, the peculiarities of its walking and running, its ability to understand not only the master’s orders but also its state of mind occupy a large place in the narrative. Each horse is endowed with a nickname, each is characterised by some qualities peculiar only to it. It is known that different time layers are present in the epic, and from this it is possible to reveal the images of the Tulpar in their stadial evolution, which makes it possible to consider their essence in hyperpolarity. In the epic “Manas” there are more than 150 names of war horses of different colours. The totality of artistic images of war horses depicted in the context of “myth and reality” as endowing them with wings, human speech, and the ability to transform through transformation into werewolves is a real cultural treasure of the epics and a subject of scientific interest of hundreds of researchers. In the process of evolution each national epic preserving the given properties of the archetype, at the same time transformed into the poetic image of horses some specific properties, developing and glorifying some special qualities inherent only to the given epic.

Keywords: poetics, transformation, poetic syntax, archaic stratum, image system, horse cult, motif, mixanthropism, evolution, rudiment, formulaic style, structure, archaic motif, time space, otherworld, patronage.

For citation: Orozobekova. J. K. *The values of the warhorse suits and the epic tradition* // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-75-82

Введение

Кыргызский народ в результате многовекового и многослойного пути своего развития создал прекрасные образцы устной эпической культуры. Вершина этих образцов – эпос «Манас», вобравший в себя устно-поэтическую культуру и историю. В данной статье затрагивается вопрос масти богатырского коня. В качестве основных вариантов выбраны записи известных сказителей Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева; в качестве сравнительного материала использовались опубликованные эпические произведения алтайских, башкирских, тувинских, каракалпакских, якутских, калмыцких, казахских народов; также наша статья основывается на научно-теоретических, историко-этнографических достижениях таких ученых, как Р. С. Липец, О. Витта, В. Б. Ковалевская, Л. П. Потапова, С. П. Нестерова, Е. А. Костюхина, А. М. Мандельштам, а также использованы работы известных отечественных и зарубежных ученых тюркоязычных народов в области исследования эпоса «Манас».

Этимологические значения мастей боевых коней в художественной структуре эпоса «Манас»

«Исторические следы тюркских племен, населявших Центральную Азию в средние века, частично отражены в ранних орхоно-енисейских рунических письменных памятниках, в китайских и арабских источниках. Эти источники в какой-то мере проливают свет на роль коня в жизни кочевников. Конь служил кочевнику и как транспорт, и как определение его социального положения (богатства), и как пища. Чистокровные кони с их скаковыми качествами особенно ценились кочевниками, которые хорошо знали им цену. В общественно-родовом строе кочевники часто воевали между собой также из-за знаменитых скакунов

и из-за красивых девушек» [1, с. 38]. Об этом свидетельствуют и высокохудожественные строки эпоса. Эпос «Манас» содержит в себе целую коллекцию образов скакунов, начиная с фантастических мифологических образов коней, заканчивая реалистическими.

Описание масти коня, его бега, его умения понимать не только приказы хозяина, но и его душевное состояние занимают обширное место в повествовании эпоса. Каждый конь наделен кличкой, каждый отличается какими-то только ему присущими качествами.

Другой вопрос, стоит обратить внимание на кличку и масти коней. Обычно в тюрко-монгольских эпосах кличка коню дается в зависимости от их масти. Но эти масти часто трактуются не в прямом смысле слова, а в переносном. Потому что этимология слова не всегда совпадает с привычными описаниями, скорее это относится к свойственной особенности лексики каждого народа. Масти в эпосе имеют многозначные трактовки, особенно такие цвета, как *белый, черный, голубой и серый*. По отношению к белой масти коня у кыргызов принято говорить «кызыл ат», хотя дословно это означает «красный конь». Обозначение **ак (белый)** в эпосе «Манас», во-первых, означает цвет, во-вторых, священное свойство коня Аккулы. Конь Аккулы это – конь «аристократ», в некотором смысле священный, особый, либо обособленный конь как покровитель. Обычно при общинно-родовом строе на таких конях скачут только вожаки племен или знаменитые герои эпосов.

Известно, что тюрко-монгольские народы широко применяли обряд жертвоприношения. В «Манасе» часто употребляется слова: «ай туякка бээ чалды», то есть, буквально говоря: «ургаачысын ак түлөөгө жаратты, эркеги казатка бүттү» – «самку приносили в жертву, а самец рожден для боя». Когда выбирали хана, была такая непоколебимая традиция, что люди в честь шествия приносили в жертву белую самку, поднимали войлок как можно выше с четырех сторон и, посадив его, объявляли торжественно «ханом». А у телеутов, точнее в племени тонгул, в честь вожака или хана приносили в жертву коня соловой масти или коня светло-желтого цвета. «Сами кони рыжие, но гривы их светлые. Об этом упоминал в своих записях Плутарх, как жертвоприношением рыжей лошади с желтой гривой было заменено жертвоприношение девушки» [2, с. 230].

У кыргызов в жертву приносили коня белого цвета, светлой масти. Кони светлой масти еще служили и в качестве дара, их дарили в качестве знака дружбы, когда рождались сын или дочь. Таким образом, светлая масть коня в кыргызском эпосе ассоциируется с понятиями: священный, чистый, богом избранный.

В народных героических эпосах значительное место занимает и конь черной масти. **Кара (чёрный)** в тюркском эпосе имеет несколько значений, оно может обозначать наряду с черным цветом силу, множество, социальное положение, тьмушную силу.

Конь черной масти зачастую наделен фантастическими свойствами, как Алгара, крылатый конь Коңурбая, заклятого врага Манаса. И в других эпосах они имеют разные трактовки не только в отрицательном плане. Они крылатые, когда надо – летают как птица, владеют человеческой речью, имеют покровительские свойства, предсказывая о будущем и грядущей беде или о хорошей новости. «Так, конь белой и вообще светлой масти у всех народов, у которых существовал частично солярный культ («Ак буз ат») коня, были связаны с божествами и духами высшего, т. е. небесного ранга, тогда как кони черной масти божествовали с духами подземного мира» [3, с. 138].

Конь черной масти в башкирской версии, наоборот, является символом неиссякаемого источника богатства и изобилия. Вышедший из озера Кара-Юрга (черный иноходец) в эпосе «Кара Юрга» обещает хозяину добыть невесту из соседнего племени при условии, что тот не будет обижать его и будет ухаживать за ним. Конь обращается к своему хозяину со словами обиды:

Конь твой зол на тебя:
 И весной едешь на мне верхом,
 И осенью едешь на мне верхом
 К голому колу (привязываешь* меня)
 Пересчитываешь ребра мои (Сказание о Кара Юрга).

Такой говорящий конь имеется в «Манасе» как Чабдар, конь Джолоя или в «Семетее» черный конь Кыяза, а также в малом эпосе «Карач Кёкүл баяны», где конь не только говорит, а еще и летает как птица, и играет роль покровителя в подземном мире как Чалкуйрук Тёштюка. Он в одно время может предсказывать и давать советы своему юному герою. Керкулун своему хозяину говорит:

Кокус калба жыгылып,
 Колтугумда канат бар,
 Колго тизгин бек карма...
 Смотри, не упали случайно,
 У меня под мышками есть крылья,
 Крепко держи в руках уздечку...

[4].

Известно, что в другом эпизоде эпоса вражеский конь Алгара богатыря Конурбая тоже имеет крылья и много раз спасает своего героя, благодаря этим магическим свойствам.

Как показывают вышеперечисленные примеры, масть коня в эпосе часто олицетворяет доброе и злое начало, хотя в некоторых эпосах такая трактовка уже трансформирована и масть не играет такой заданной роли.

Большую роль в сюжетном составе эпоса играет выбор коня для батыра и роль дрессировщика. Выбор коня в различных эпосах совершается разными путями. К примеру, в эпосе «Манас» когда перед Чубаком, дружинником Манаса прогоняют необозримые отцовские табуны в тысячи голов, ни один конь ему не нравится, и он отправляется на поиски достойного себе коня («Манас» по варианту С. Каралаева). Точно такой же типологический сюжет встречается в героическом эпосе «Алпамыс»; в другом казахском эпосе «Кобланды батыр» жена батыра Кортка с рождением жеребенка тщательно ухаживает за ним. Она с первого взгляда определяет, что этот жеребенок не простой. Итак, жена подбирает коня для героя: в башкирской версии будущему богатырю Зая-Туляку говоря: «Подойдите к табуну коней, позвените уздечками, и какой конь оглянется того поймайте и оседлайте себе», на Зая-Туляка оглянулся самый захудалый конь, впоследствии он стал самым лучшим скакуном-тулпаром, обгоняющим ветер.

В «Манасе» отчетливо проявляется традиционный для тюркского эпоса мотив: рождение богатыря и коня в один день. Так, Алмамбет и его богатырский конь Сарала рождаются в один день. Манас и Аккула в варианте С. Орозбакова рождаются в один день. Таким образом, в эпосе «Манас» и в других тюркских эпосах появились такие парные образы, как: Манас и Аккула, Кобланды и Тайбурыл, Зая-Туляк и Хыухылу, Алмамбет и Сарала, Коңурбай и Алгара, Тоштюк и Чалкуйрук и т. д.

Итак, мы видим, что выбор коня для богатыря совершается разными путями. Неразрывная связь богатыря и коня подчеркивается еще и тем, что и богатырь, и конь по своим качествам и образу соответствуют друг другу.

В этом плане большая роль отводится знатоку коней. Не всем дано быть проницательным саяпкером – знатоком коней, и потому такие люди особо ценились. Уже в только что появившемся на свет жеребенке они могли определить его свойства и качества. Такую роль в «Манасе» выполняет Баба Дыйкан (Баба Дыйкан – покровитель земледельцев), который

советует Манасу приобрести коня Аккулу, определив заранее в нем непревзойденного скакуна (табл. 1):

Таблица 1

Характеристика Аккулы, данная Баба Дыйканом

1. Ушу турган кула тай, 2. Тулпарлыгы бир далай, 3. Жал куйругу чок экен, 4. Тегерек туяк жылкыда, 5. Кыл куйруктуу тулпарда, 6. Кыйыны мындай жок экен , 7. Алтай минсе арыбас, 8. Кыйындык сыны бар экен, 9. Чу десе жанга жеткирбес, 10. Куюндук сыны көрүнөт, 11. Көкүрөк жоон ийни ичке, 12. Ушу турган кула тай, 13. Кыргынга минер мал экен... 14. Айгай укса шашпаган, 15. Айдын караңгысында, 16. Бир изин ката баспаган, 17. Тулпардык сыны көрүнөт (С.О.)	1. Этот светло-серый жеребенок. 2. Станет скакуном, увидишь 3. Грива у него огненная. 4. Копыта закругленные, 5. Хвост щетинистый 6. Лучшего чем этот не найти. 7. Если шесть месяцев ездить на нем 8. И то не устанет он. 9. Начнешь понукать – не догонишь 10. Словно он создан из смерти 11. Грудь толстая, а лопатки узкие 12. Этот вот, стоящий светло-серый жеребенок 13. Создан для битв кровавых... 14. Если услышит он звон брани не торопится, 15. А безлунную ночь 16. Нигде не оступится, 17. Сразу видно, что это скакун («Манас» СОВ. 1995).
--	--

Детализация в описании свойств и качеств коня – характерное свойство эпической поэтики, именно подробное описание выносливости, красоты и особого бега коня позволяет сказителю уравнивать его со свойствами и личными качествами характера богатыря.

Конь – это органическое продолжение богатырской силы. Конь проявляет свои фантастические способности рядом со своим хозяином точно также, как и богатырь силен и непобедим только тогда, когда он на коне. Конь не только чисто физическая опора богатыря, в эпосе он одновременно мудр и прозорлив, наделен человеческой речью и даром провидения, предупреждает хозяина о предстоящих опасностях, о случившейся беде. Так, например: когда Кёкчөгёзы – родственники Манаса – хотели отравить его, конь Аккула чувствует беду, он рвется с привязи, топчет ногами, пытаясь дать Манасу знак о грядущей беде; точно так же проявляет беспокойство конь Тоотору, когда Айчурек обманным путем хочет добыть у Кыяса коня. Такое постоянное упоминание богатыря рядом с его конем говорит об их особой связи. О связи между батыром и его конем писал В. М. Жирмунский: «У кочевых и полукочевых народов роль коня как спутника и боевого товарища героя особенно значительна. Так, в эпических сказаниях среднеазиатских тюркских народов широкой известности пользуется Байчибар – богатырский конь Алпамша, Гырат знаменитый боевой конь Гороглы, Тайбурыл конь казахского богатыря Кобланды» [5, с. 38].

Эта неразрывность единства человека и коня подчеркивается в эпосе в одновременном рождении батыра и его коня: Манас и его конь, по варианту С. Орозбакова, рождаются в один день; в то же время как Чыйырды в тяжелых муках рождает Манаса, ее муж Жакып принимает новорожденного буланого жеребенка Аккулу у своей черногривой кобылы.

Таким образом, «симпатическая связь» между батыром и его конем устанавливается с рождения. Так, по варианту М. Чокморова конь является молочным братом Манаса; в другом кыргызском эпосе «Карач Кёкюл баяны» конь владеет человеческой речью; в башкирском эпосе «Урал баатыр» Ак боз ат, конь Урала, способен летать как птица; в нартском эпосе «Соззырыко и Солнце» конь шагает по облакам. Без таких сильных, надежных коней

богатырь не может сражаться в бою, ибо герой без коня не может существовать так же, как и конь без героя.

О симпатической связи богатыря и коня в своей монографии Р. С. Липец неоднократно писал: «...батальные сцены, когда в жаркой схватке сражаются не только богатыри, но и их кони, которые помогают своему хозяину зубами, кусая коней противников, ударяя копытами» [6, с. 224]. Если баатыр потеряет коня во время сражения в поле боя, то это означало поражение или скорую смерть или гибель баатыра.

Когда сказитель набрасывает портрет героя, он старается и коня описать под стать богатырю. Богатырь без коня в эпосе обречен на поражение. В одном из сражений Манас чуть не был сражен врагом из-за того, что сражался не на своем коне Аккуле. Такие мотивировки встречаются во многих эпических произведениях.

В эпическом тексте по традициям мотива богатырям покровительствуют святые хизры, драконы, тигры и наряду с этим покровительскую функцию выполняет и богатырский конь. В «Манасе» такую роль выполняет конь Мааникер. Если Аккула богатырский боевой конь-каса тулпар, конь Манаса, то скаун Мааникер – его богоизбранный конь, и не зря сказители, описывая Мааникера, подчеркивают его особенности следующим образом:

Атасы аркар тоо кайып,
Энеси буудан чөл кайып...
Отец из покровителей архаров
Мать из покровителей пустынных кайыпов.

По своему происхождению Мааникер – плод горного и пустынного Кайыпа (покровителя животных).

В эпосе «Манас» также можно останавливаться на характеристике таких скакунов-тулпаров, как Аккула, Мааникер и Тайтору, которые являются главными действующими конями в эпическом повествовании. Так сам эпос, так и изображаемые кони несут на себе печать многостадийных пластов. Многостадийность проявляется прежде всего в эпических формулах, в которых больше всего сохранились архаические элементы.

Если проследить за образом коня Аккулы, тулпара Манаса, то в разных версиях образ Аккулы имеет какие-то свои специфические отличия, хотя формальные элементы сохраняют определенную традиционность мотива.

Например:

- по варианту М. Чокморова, Ж. Мамай, конь Аккула с Манасом – молочные братья;
- по варианту С. Орозбакова, ровесники, т. е. Аккула и Манас рождаются в один день;
- по варианту С. Каралаева, Манас покупает Аккулу у калмыцкого хана Карача, расплатившись зерном.

Во всех вариантах при описании Аккулы сказители подчеркивают его отдельные скаковые качества. Имеется классическое описание Аккулы, которое послужило и другим сказителям в качестве готового шаблона. Например, довольно часто встречаются однотипные гиперболизированные описания Аккулы:

Балтыры бука белиндей,
Басканы сырттын желиндей... (С.О.)
Круп, как спина быка,
Бег, как ветер горных вершин.

Формульные свойства обрели и постоянные эпитеты:

Кулагында шамы бар,
Мандайында багы бар,
Куюндан бүткөн жаныбар (С.О.)

В ушах свечи горят,
Лоб отмечен удачей,
Душа из смерчи создано.

Аккула занимает особое место в эпосе среди тулпаров. Образ этого боевого коня дается не только в сражениях, но и зачастую и в мирное время, как образ преданного друга Манаса. Сказитель сравнивает грудь Аккулы с гранитной скалой, расстояние между его задними ногами уподобляет ущелью Чаткал: под ними свободно может пройти навьюченный верблюд, а в его ноздрию без труда может пройти любой человек в одежде. Такое гиперболическое описание соответствует внешнему виду хозяина коня, у которого кости словно литые, голова как самородок, а одежда создана из металла, составляет вес одного нагруженного верблюда, плечи его как гора, взгляд огненный и т. д. Особенной образности достигает описание внешности коня Аккулы на скачках и в батальных сценах.

Иное предназначение у коня Мааникера. Он отличается от других скакунов своей стройностью, красотой и покровительствующими качествами. Этот богом избранный конь рожден для чести всего народа. Это образ священного коня. В «Манасе» есть такой эпизод: во время поминок Кёкётея вражеский богатырь Конурбай настаивает, чтобы Бокмурун подарил ему коня Мааникера, угрожая разгромом, если ему откажут. Об этом сообщают Манасу. Тогда отец народа богатырь Кошой говорит, чем враждовать, может, отдадим Мааникера, услышав это, разгневанный Манас говорит: «Мааникер берем дегенче Манасты өлдү десенчи!» (С.О.) В буквальном смысле: Впредь чем говорить «отдать Мааникера» считай тогда мертвым Манаса! Мааникер – для врага, его передача была бы равносильна признанию поражения, ибо Мааникер неприкосновенный, табуированный конь, покровительствующий кыргызам, потеря такого коня – есть потеря своей независимости. Мааникер – крылатый конь, его образ несет в себе архаические рудименты, как умение летать, покровительствовать, приносить удачу.

В эпосе описывается и образ коня Тайтору. После смерти мужа (Манаса) Каныкей со своим сыном отправляется к своему отцу Темирхану. Спустя 12 лет, после возмужания Семетея, она пускает на скачки Тайтору, загадывая на удачную судьбу сына. Если Тайтору придет первым к финишу, все желания Каныкей должны исполниться. Образ Тайтору в эпосе изображается во взаимосвязи с судьбой человека. Этот эпизод наиболее драматичен и психологически насыщен. Здесь сплетается в единый узел арман Каныкей с насыщенной картиной скачек. Конь Тайтору для Каныкей в данный момент – воплощение ее тайной мечты о возвращении на родину, отмщение врагам, виноватым в убийстве ее мужа, торжество правого дела сына. Как видно, конь и судьба человека в эпосе соединены в неразрешимый узел, они взаимосвязаны и взаимодействуют во всех сюжетных перепитиях эпоса.

Заключение

Основные способы и приемы изображения коня в эпосе «Манас» требуют отдельного внимания. Сказители не просто рассказывают, они описывают каждое движение коня силой зрительной памяти, используя приемы поэтического синтаксиса: гиперболы, сравнения, эпитеты, параллелизмы и эпические рефрены, виды рифм и т. д.

Описание коня невозможно полностью передать без обращения к особенностям поэтики эпоса «Манас». Например, эпитет – один из устоявшихся видов тропа. В эпосе образ любого коня связан с именем определенного персонажа, т. е. конь художественным образом описывается рядом с богатырем, его хозяином, что стало своеобразной поэтической формой, обязательной для всех сказителей, как, например: Көкөтөйдүн Мааникер (Мааникер конь Кёкётея), Алмамбеттин Сарала (Сарала конь Алмамбета), Үрбүнүн эгиз карасы

(Черные кони-двойняшки Урьбю), Джолойдун Ачбууданы (Конь Джолоя Ачбудан), Чубактын Көк тулпары (темно-сивый конь Чубака). Комплексный образ, описанный в эпосах, где имя богатыря и имя его коня упоминается нераздельно, является устойчивым и системным поэтическим свойством в художественном составе эпоса.

Литература

- Академические варианты эпоса «Манас» Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева 1995 года.
1. Нестеров, С. П. Конь в хозяйстве древних племен / С. П. Нестеров // Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. – С. 38.
 2. Мифологический словарь / Под редакцией Е. М. Мелетинского. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 230.
 3. Потапов, Л. П. Конь в верованиях и эпоса народов Саяно-Алтай / Л. П. Потапов. – Москва, 1960. – С. 138.
 4. Карач көкүл баяны по варианту Д. Ташматова. КыргызТАИ, инв. 518).
 5. Жирмунский, В. М. Введение в изучение эпоса «Манас». – Фрунзе, 1948. – С. 38. (на правах рукописи).
 6. Липец, Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе / Р. С. Липец. – Ленинград : Наука, 1984. – С. 224.

References

- Akademicheskie varianty epasa «Manas» Sagymbaya Orozbekova i Sayakbaya Karalaeva 1995 goda.
1. Nesterov, S. P. Kon' v hozyajstve drevnih plemen / S. P. Nesterov // Kon' v kul'tah tyurkoyazychnyh plemen Central'noj Azii v epohu srednevekov'ya. – Novosibirsk : Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1990. – S. 38.
 2. Mifologicheskij slovar' / Pod redakciej E. M. Meletinskogo. – Moskva : Sovetskaya enciklopediya, 1990. – S. 230.
 3. Potapov, L. P. Kon' v verovaniyah i epasa narodov Sayano-Altaj / L. P. Potapov. – Moskva, 1960. – S. 138.
 4. Karach kökül bayany po variantu D. Tashmatova. KyrgyzTAI, inv. 518).
 5. Zhirmunskij, V. M. Vvedenie v izuchenie epasa «Manas». – Frunze, 1948. – S. 38. (na pravah rukopisi).
 6. Lipeč, R. S. Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose / R. S. Lipeč. – Leningrad : Nauka, 1984. – S. 224.

Звериный стиль в музыке Сибири и Средней Азии

Фейзан Гохер Балчин

Университет Нигде Омер Халисдемир, г. Нигде, Турецкая Республика

E-mail: feyzan_goher@yahoo.com

Аннотация. В традиционной музыке можно говорить о стилизациях, которые сохраняются на протяжении многих лет и широко распространены. Музыкальные стилизации часто связаны с социальными традициями и различными культами. Эта статья посвящена «звериному стилю», который, как мы утверждаем, является доминирующим стилем в музыке Сибири и Центральной Азии. Данная работа является продолжением исследования под названием «Звериный стиль в музыке тюрков Центральной Азии и Сибири», опубликованного в 2020 году, и исследования, которое автор представил в качестве своей второй докторской диссертации на историческом факультете Университета Анкары в 2018 году. Цель статьи – краткое представление сферы распространения «звериного стиля» в традиционной музыке тюркских народов и классификация данного музыкального стиля по разновидностям. Исследование представляет собой краткое изложение исследований народной музыки у народов Сибири и монголов (саха-якутов, тувинцев, хакасов, алтайцев, ненцев, ханты-манси), Центральной и Западной Азии (башкир, казахов, киргизов, азербайджанцев). Данные этого описательного исследования были получены в результате полевых исследований наряду с обзором научной литературы.

Ключевые слова: анималистический стиль в музыке, музыка Сибири, музыка Центральной Азии, культурология.

Для цитирования: Фейзан Гохер Балчин. Звериный стиль в музыке Сибири и Средней Азии // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-83-91

Animal style in Siberian and Central Asian Music

Feyzan Göher Balçın

Niğde Omer Halisdemir University, Niğde, Türkiye

E-mail: feyzan_goher@yahoo.com

Abstract. In traditional music, it is possible to talk about stylizations that have persisted for many years and are widespread. The musical styles mentioned are often linked to social traditions and various cults. This work is themed on the «animal style», which we claim is a dominant style in Siberian and Central Asian music. This article is a continuation of the study titled «Animal Style in the Music of Central Asian and Siberian Turks», published in 2020, and the research I submitted as my second doctoral thesis at the Department of History at Ankara University in 2018. This article has been prepared for the purpose of briefly introducing the scope of our animal style claim and the subheadings it includes. The study is a summary of the studies on the folk music of Sakhas-Yakuts, Tuvans, Khakas, Altai, Nenets, Khanty-Mansi in Siberian peoples and Mongols, Bashkirs, Kazakhs, Kyrgyz, Azerbaijanis in Central and Western Asia. The data of this descriptive study have been obtained as a result of field research along with literature review.

Keywords: Animal Style in Music, Siberian Music, Central Asian Music, Cultural Musicology.

For citation: Feyzan Göher Balçın. Animal style in Siberian and Central Asian Music // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-83-91

Фейзан ГОХЕР БАЛЧИН – доктор, профессор, кафедра музыкознания Государственной консерватории Университета Нигде Омер Халисдемир, Турецкая Республика.

Email: feyzan_goher@yahoo.com, ORCID: 0000-0001-5313-0763

Feyzan GÖHER BALÇIN – Professor, Doctor. Niğde Omer Halisdemir University, State Conservatory, Department of Musicology.

What is the animal style in music?

While Turks and related communities living in Central Asia and Siberia have learned to live in difficult and harsh conditions due to the characteristics of their geography, they have based their beliefs on respect for nature. In their beliefs originating from Shamanism, they considered life-giving water sacred and expressed their gratitude to the mountains that gave minerals as gifts. They also showed great love and respect to the animals with whom they shared the world. These people, who learned about the behavior, lifestyle and characters of animals in nature, began to attribute symbolic meanings to some animals. These meanings attributed to animals have led to the use of symbols representing them in many works of art. Realistic or symbolic animal figures have been the main theme of many works of art, from felt weavings to metalworking, from sculptures to wooden works. Researchers working in the discipline of art history have defined this art movement in Siberia and Central Asia as «animal style».

Zoomorphic symbolism was used in almost all cultures in the world, before and after the Scythians, who broke new ground in animal-themed works. However, the presence of animal elements in the art of the people of Siberia and Central Asia is much more than an ordinary subject; it has become a basic style; has turned into a unique information carrier system [1]. In particular, animals such as horses, wolves, eagles and mountain goats have accepted as totems (ongun). Various appearances of the mentioned animals also frequently appear in the traditional music of these peoples. Animal depictions reflected in the musical instruments morphologically, the intensity of onomatopoeic practices linked to animals in melodies and rhythms, the continuity of these practices and their connection with traditions in Siberia and Central Asia, cause us to claim the existence of a dominant style formation.

Although Süzükei and Levin have some valuable observations regarding the use of mimetic style in Siberian music, my claim is that there is a stylization, taking into account the wide range of organological and musical applications of the animal theme in music and detailing it with numerous examples.

The theory of animal style in Siberian and Central Asian music is formed within the framework of the following main items:

A. Use of Animal Materials in the Making of Musical Instruments

It is seen that animal materials are used in musical instrument making almost everywhere in the world. However, the materials of the instruments of the Central Asian and Siberian Turkish and related communities are chosen for their symbolic properties as well as functionality.

Of course, this does not apply to all musical instruments. However, in Siberian music, a connection is often established between the power carried by the soul of the animal used in making the instrument and the instrument. It was believed that a musical instrument made from the skin, hooves or horns of sacred animals had the power represented by that animal and that performing it would bring good luck and abundance. This belief either continued by preserving its religious characteristics or turned into a tradition. It is also noteworthy that very unusual animal materials (animal's goiter, hooves, testis etc.) are used in making musical instruments and that this use is also linked to the sanctity of that animal.

The skins of animals such as deer, mountain goat and horse, which are considered sacred, are used in various membranophonic instruments – especially the shaman drum- and chordophone instruments such as igil (Tuva), kıl (Sakha), kopuz (Khakassia). However, other animal skins are also preferred in making instruments in connection with cults or for only functional purposes.

Horse hooves can be used as rhythm instruments in music in Sakha, Tuva, Kazakhstan (duyug, tuyakh, tongsur / tongsuurbar etc). Rattles made from the goiter part of a type of capercaillie

bird, maracas made from bull testicles, and some idiophone instruments such as sahsıırı and siksir made from the nails of deer and goats are some of the many examples that can be given. Tails, manes, tendons and intestines of animals are also used for functional purposes in many Siberian and Central Asian musical instruments. The sanctity of horse manes and the belief that they have a protective power have led to some practices. Horse manes, which are tied to musical instruments such as Kupsuur (Sakha) to bring good luck, are among the basic materials of some musical instruments such as shamanistic dcalbr (Sakha). It is possible to increase the number of similar examples.

In addition to using animal materials in making musical instruments, feathers of sacred animals can be hung around the necks or tuning pegs of musical instruments. For example, the musicologists and musicians I interviewed in Kazakhstan stated that the eagle, swan or goose feathers hung on the dombra are linked to the sanctity of these animals.

B. Painted or Carved Animal Motifs on Musical Instruments

Turkish mythology shaped by Shamanistic belief, have a great impact on the formation of animal style in art [2, 3]. This also applies to animal style in music. It is seen that the motifs depicted on the instruments are generally of Shamanistic origin. This is especially true for shaman drums. The animal-themed elements seen on other instruments may be of Shamanism origin, but also reflect daily life.

It is possible to give many examples regarding this topic. Photos of some of them are presented in the Appendix of the paper. In particular, South Siberian shaman drums, some çathans (chathan) (Khakassia), some jew's harp – xomus – iron kopuz (especially Sakha Region), some kopuzs, some amırgas (Sakha Region, Kyrgyzstan), etc.

C. Musical Instruments Made in the Shape of Animals or Featuring Animal Figurines

Musical instruments carry the symbolic characteristics of the society they emerge from [4]. Some of them, beyond being just musical instruments, can become a visual representation of the culture and belief system they belong to. Among the Central Asian and Siberian Turks and related communities, there may be figurines of animals prominent in culture and mythology, especially horses, on the tuning pegs of some musical instruments. Some musical instruments can be made entirely in animal form.

Animal figurines on tuning pegs are most frequently encountered in Tuva and Mongolia. This practice is also common in the Sakha Region. Especially it is extremely common for musical instruments such as the igil (Tuva) and morin-khuur (Mongolia) to have animal heads (often a horse head) on their tuning pegs. The creation epics of these musical instruments are also associated with the horse spirit. In addition, horse head figures can also be used on other musical instruments such as kılısakh (kırımpa) types (Sakha), doshpuluur (Tuva), shanzı (Tuva), shanz / shadruga (Tuva, Mongolia), sherter (Kazakhstan), kıl kopuz (Kazakhstan), ikili (Altai).

Also, the bızaanchı which associated with the bull spirit (Tuva) and some ııhs (Khakassia) have bull head on their tuning pegs. Various bird figurines can be seen on some musical instruments such as khun (swan), tovşuur (Mongolia), hun/khun-huur/hunt huur (Mongolia), kushtar (Uyghur), and some Khakas kopuzs. The mountain goat head may appear on the tuning pegs of the tovshuur and topshur (Altai and Mongolia) and yangir huur (Mongolia). The use of a ram's head has been detected in some kopuzs and ııhs. Heads of camel, wolf, lion, snake and dragon are also rarely used on Turkish and Mongolian musical instruments. Animal head figures can also be used on the ends of harp-type musical instruments and some idiophonic instruments. Chengs with wolf and eagle figurines (Azerbaijan), sang/sangiros (Khakassia) wheel kopuz (Bashkortostan), konıray (Kazakhstan), asatayak (Kazakhstan), adırna (Kazakhstan) are some examples.

At this point, it should be noted that in recent years, the use of animal heads on tuning pegs has increased both in Turkic communities and in the Mongols. The increasing interest in musical instruments decorated in this way and the fact that Shamanistic objects began to attract more attention all over the world may have been a factor in the emergence of the mentioned situation. In other words, such practices have increased even in musical instruments that do not have animal heads in the tradition from the past.

In addition to these, there are instruments that are entirely in animal form. Bird-shaped whistles are the most common type. Kil bulbul (clay nightingale), shuh tupshik, gush tutegi, kush sayrayik, tash sibizgi are some of these types of musical instruments. Geşteru (Dagestan), some shopashors (Kazakhstan), wooden bulbul, arama, arala shumnik (Northern Siberian peoples), crane shaped harp (Khanty-Mansi), kosh kiris (Bashkortostan) are among other examples of bird-shaped wind instruments. In addition, the eagle-shaped rattle (Kazakhstan), some jew's harp / xomus (usually Sakha Region), goose-shaped kopuzs (Khakassia), some saz sirnays, (Kazakhstan) muus (Khakassia) and the snake-headed koniray used by Kazakh shamans are among the musical instruments with a completely animal-shaped body.

D. Imitation of Animal Sounds in Melodic and Rhythmic Structures

In these practices, which are shaped within the mimetic style, mostly related to the onomatopoeic structure, it is essential to imitate animal sounds and movements with human voices or instruments. It is possible to divide this main heading into two:

D. 1. Imitation of Animal Sounds in Melodic Structure

Imitations of nature and animal sounds are very important in the music of Central Asian peoples [5]. Animal sounds can be imitated with human voices or musical instruments in Central Asian and Siberian melodies. It can be discussed whether the throat sounds and imitations of nature and animal sounds are «musical elements» or just «sounds». Music can contain not only harmonic sounds, but also sounds that sound anharmonic. For example, the boundary between sound and music becomes blurred in Tuvan music. Formal styles of sound and music are expressed by some special terms. These techniques and styles range from voice to song, from iconic imitations of natural sounds to stylized imitations in musical works. The important thing is that it leaves an aesthetic impression and creates integrity [6]. In this study, onomatopoeic sounds which are heard intertwined with melodies and the hoomei style, which is based on the principle of announcing the harmonics, is accepted as one of the basic characteristics of Siberian music. In almost all of these approaches, animal sound imitations have an important place.

D. 1.1. Imitation of Animal Voices with Human Voice

The sounds of animals associated with mythology are imitated, especially in Siberian music. For example, Siberian Turks sometimes imitate wolf howls during musical performances. Howling sounds are sometimes heard at the beginning and sometimes in the middle of musical works. The folk song Kültegin's Kıygızı, which is sung with throat singing in Tuva, almost constantly includes wolf howls. It is possible to list many examples like this.

Fig 1 and 2. Examples of Wolf Howling with Human Voice (Transcription: F. Göher)

In addition to wolf howling, horse neighing, eagle cries, sounds of owls and other birds can also be imitated in melodies. These imitations are especially preferred due to the place of the mentioned animals in culture and mythology.

Animal depictions and imitations in folk music products, especially «tahpahs» (Khakas folk songs), imitation of snake, bull, horse stirrups and bird sounds in the hoomei technique, imitation of various animal sounds in the melodies sung by shamans also be included in this heading.

Imitation of animal sounds with human voices can be done directly, as presented above, but it is estimated that sounds that have changed over time are also of animal voice imitation origin. For example, in a Nogay folk song, it is explained that the Nogay people and the dombra are inseparable from each other and migrated together. An analogy is drawn between migrating wild geese and nomadic Noghais. It can be thought that there is a similarity between goose sounds and laughing people in the “hi hi hiiy” part of the folk song.

D.1.2. Imitation of Animal Voices with Musical Instruments

Animal sound imitations can be made with various wind musical instruments – aerophones (such as kush sayrayık (Kazakhstan), gush tutegi (Azerbaijan), cockerel (Bashkortostan)). In addition to instruments such as the grasshopper (sıñertkâ) (Bashkortostan), which melodically and rhythmically imitate the jumping of grasshoppers, it is also seen that animal sound imitations may played with stringed instruments. These include huuchir (Buryatia, Mongolia) in imitation of camel lowing, bizaanchı (Tuva) imitating the sound of a bull, igil (Tuva) imitating horse neighing, abirga (Altai), amırğa (Tuva), pırgı (Khakasya) and ayaan (Sakha). The last four wind instruments were used in imitation of the sound of deer, in connection with the hunting tradition. However, they can also take part in traditional music.

Fig 3. Horse Neighing Imitation with Igil (Transcription: F. Göher)

In addition, ways of performing instruments can refer to the movements of some animals. Examples of these include depicting swans and geese with dombra and kıl kopuz (Kazakhstan) and shaman imitating animals such as wolves and swans with his/her kopuz.

D.2. Imitation of Animal Movements within a Rhythmic Structure

Animal movements can be imitated within the rhythmic structure in Central Asian and Siberian music. These imitations are made with the help of instruments. When it comes to imitation of rhythmic animal movements, the most dominant and common one is undoubtedly the horse running rhythm. Below are examples of this.

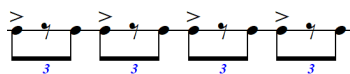

Fig4. Rhythmic Pattern Reminiscent of Horse Running Played with Percussion and String Instruments I

In the above rhythm pattern, which is most commonly applied, the strong parts of the beat are accented. Another frequently applied rhythmic pattern is below. This rhythmic pattern also refers to rhythm of galloping of a horse.

Fig 5. Rhythmic Pattern Reminiscent of Horse Running Played with Percussion and String Instruments II (Transcriptions: F. Göher)

The huuchir, a stringed musical instrument, which is used to imitate a crying camel in a melodic flow, is also used to imitate a horse running in a rhythmic structure. String instruments often play these rhythms at the beginning of the pieces. Then, while the stringed musical instruments play different melodies, the percussions continue to play the same rhythmic pattern. Also horse hooves (tuyakh, etc.), tumran made from deer ribs (Northern Siberia), talking horse (Bashkortostan), sometimes dombira (Kazakhstan), sometimes doshpuluur (Tuva-dimbil dii style), stirrups (Kazakhstan) can be used to reflect the rhythm of galloping of a horse in music.

E. Animal Cult in the Creation Epics of Instruments and Music within the Scope of Mythicmusicology

We encounter examples of references to animal spirits in the creation stories of music and especially instruments. This situation can be supported by mythicmusicology theory. Some examples are igil (Tuva), morin-khuur (Mongolia), kыл (Sakha Region), which are thought to be connected with the horse spirit, or Khakas kopuz (Khakassia), hun товшуур (Mongolia), which are thought to be connected with the bird and goose spirit. These legends emphasize the idea that both musical instruments and animals are gifts from God.

Conclusion

It is possible to summarize the functions of animals in music, which are considered symbols of the three worlds by the people of Siberia and Central Asia, under five main headings:

Animal materials used in musical instrument making; animal images painted or animal figures carved on musical instruments; instruments with animal shapes or animal figurines; imitation of animals in melodic and rhythmic structures; animal cult in the creation legends of some musical instruments.

The peoples who used animal materials extensively in their instruments took into account their mythopoetic roots as well as their functionality. Skin, fur, teeth, tail, etc. of symbolic animals have chosen due to the special meanings attributed to these animals. This situation is closely linked to Shamanistic belief and cultural codes. The developed tradition of animal husbandry is a factor in the presence of animal themes in the music of Turkish and Mongolian communities. Many of the musical instruments of the people of Siberia and Central Asia have appearances and meanings that are much more than just instruments. The use of animal-themed instruments and animal sounds in music is not just a reflection of artistic images of beloved animals. It is also the way the people of Central Asia and Siberia express the world and the universe.

Considering all the data and examples, it can be clearly stated that animal themes, images and imitations are very dominant in Siberian and Central Asian music. The use of animal themes in music reflects the aesthetic perceptions, along with religious symbolism and cultural connotations. The fact that such themes in music has been going on for many years, as well as the preference of certain forms, reveal the existence of a stylization. Moreover, this style is seen in a very wide geography. Therefore, it is suggested that all these zoomorphic, mimetic appearances and practices be named «Animal Style in Music», based on the «animal style», which is considered one of the basic styles in Turkish art.

References

1. Madina Ernestovna Sultanova, N.A. Mihaylova ve K.S.Orazkulova, «Золото в СкифСком Зверинომ Стилe: Символика и МифопоЭтика» (Gold in Scythian Animal Style: Symbolism and Mythopoetics), *Вестник Санкт-Петербургского Университета* (St. Petersburg University Bulletin), 15/1, 2013, p.200.
2. Brentjes Buchard, «‘Animal Style’ and Shamanism Problems of Pictoral Tradition in Northern in Central Asia» *Archaeopress*, III, Oxford, 2000, p. 260.
3. Yaşar Çoruhlu, *Türk Sanatında Hayvan Sembolizmi*, C.1, Ötügen Neşriyat, İstanbul, 2019, p. 16.

4. Kevin Dawe, «The Cultural Study of Musical Instruments», *The Cultural Study of Music*, New York 2003, p. 274.
5. Levin Theodore – Valentina Süzükei, *Where Rivers and Mountains Sing – Sound, Music and Nomadism in Tuva and Beyond*, Indiana University Press, Indiana 2011, p. 115.
6. The Concise Garland Encyclopedia of World Music, C.2, Routledge, New York, 2008, p. 1241-1242.

Appendix

From left to right: Ruslan Gabyshev's performance of kıl (Maya/Sakha), Aydash Mongush's performance of doshpuluur (Kyzyl/Tuva); Examples of duyug and tuyakh (Tuva National Cultural Center and F. Göher musical instrument collection) (Photographs in Appendix by F. Göher)

Shaman drums with horse and bird figures (Novosibirsk Local History-Nature Museum and Khakas Museum of Traditional Life); Shaman drum with orba made of rabbit's foot (Yakutsk National Music and Folklore Museum)

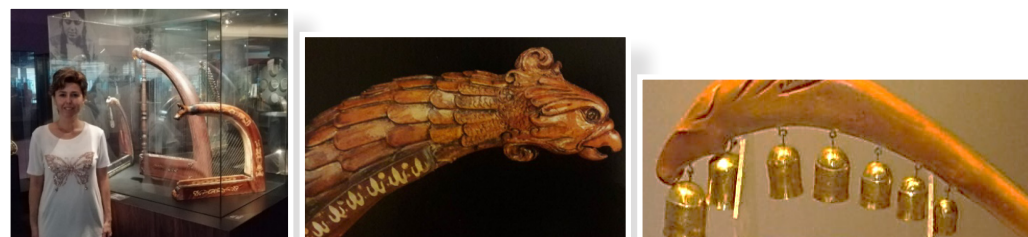
Cathan with horse figures (Abakan/Khakassia); Kopuz with eagle figure and luthier P. Topoev (Abakan/Khakassia)

Xomus – iron kopuz with eagle figure-A. Nikolaeva Collection (Sakha); Xomus – iron kopuz with algis motif (Algis is the stylized shape of the foot of a kind of cormorant bird considered sacred in Sakha); Xomuses – iron kopuzs with kytalyk form (Xomus Museum/Yakutsk/Sakha), (Kytalyk is considered as a totem in the Sakha); depictions of kytalyk birds with Ludmila Effimova (Yakutsk Regional History Museum)

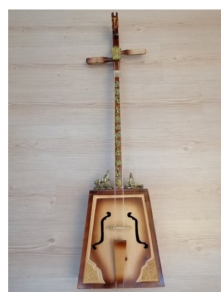
Horse-headed chanz / shadruga performance (Tuva/Kyzyl), examples of kılısakh (kırımpa) – from the instrument collections of Ludmila Effimova and Khataliev couple (Yakutsk / Sakha Region)

Chengs with eagle and bird figures (Heydar Aliyev Center, Section of the Museum of Musical Instruments/ Bakü/ Azerbaijan); Asatayak (Almaty / Kazakhstan Museum of Musical Instruments)

Owl shaped shorpasor (F. Göher Musical Instrument Collection – Purchase: Bishkek); siksir (Yakutsk National Music and Folklore Museum); kakpa (Museum of Musical Instruments of Kazakhstan); Made from bull testicles harçuk (Tuva National Cultural Center)

Igil performance by Valeriy Ondar Oçur-oolovic (Çadaana/Tuva); Otchutay Otsur Vladimirovic, who imitates the sound of a cow with a bizaanchi; Morin-khuur with twelve-animal calendar symbols and horse figurines (F. Göher instrument collection)

– ИТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-92-100

УДК 004.8+81'322

Когнитивные исследования лексико-грамматического потенциала татарского языка для создания новых интеллектуальных систем обработки данных

Д. Ш. Сулейманов, Р. А. Гильмуллин, Н.А. Прокопьев, М.Р. Галимов

Академия наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики, г. Казань, Россия

E-mail: dvdt.slt@gmail.com

E-mail: rinatgilullin@gmail.com

E-mail: nikolai.prokopyev@gmail.com

E-mail: magl.galimov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные свойства лексико-грамматических структур, удовлетворяющие показателям технологичности татарского языка, приводится классификация лексико-грамматических структур в соответствии с когнитивными механизмами представления и обработки знаний. Такие исследования особенно актуальны в пространстве агглютинативных языков, к которым относится татарский язык, который характеризуются достаточно сложной и, одновременно, практически регулярной морфологией, позволяющей в одной словоформе закодировать практически целую субъектно-предикативную ситуацию, описываемую в флективно-аналитических языках, таких как английский язык, множеством предложений. Одним из главных результатов исследований станет реализация инструментария, позволяющего описывать и формализовать лексико-грамматические структуры на основе семиотических универсалий. Разработанные при помощи данного ин-

СУЛЕЙМАНОВ Джавдет Шейкетович – д. т. н., профессор, академик АН РТ, г. н. с. Академии наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики.

E-mail: dvdt.slt@gmail.com

SULEYMANOV Djavdet – Doctor of Technical Sciences, Professor, Chief Scientific Associate, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Applied Semiotics.

ГИЛЬМУЛЛИН Ринат Абрекович – к. ф.-м. н., директор, Академия наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики.

E-mail: rinatgilullin@gmail.com

GILMULLIN Rinat – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Director, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Applied Semiotics.

ПРОКОПЬЕВ Николай Аркадьевич – научный сотрудник, Академия наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики.

E-mail: nikolai.prokopyev@gmail.com

PROKOPYEV Nikolay – research assistant, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Applied Semiotics.

ГАЛИМОВ Мансур Радикович – инженер-программист, Академия наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики.

E-mail: magl.galimov@gmail.com

GALIMOV Mansur – software engineer, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Applied Semiotics.

струментария формальные модели когнитивных лексико-грамматических структур татарского языка могут служить основой для создания эффективных интеллектуальных систем и технологий на базе принципиально новой архитектуры систем обработки информации.

Ключевые слова: инфокоммуникационные технологии, лексико-грамматические структуры, татарский язык, когнитивные механизмы, морфология, рекурсия, активность знаний, интеллектуальные системы.

Исследования выполнены в рамках гранта российского научного фонда 23-21-10083.

Для цитирования: Сулейманов Д. Ш., Гильмуллин Р. А., Прокопьев, Н.А., Галимов М.Р. Когнитивные исследования лексико-грамматического потенциала татарского языка для создания новых интеллектуальных систем обработки данных // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-92-100

Cognitive researches of the Lexical and Grammatical potential of the Tatar language for the Development of New Intelligent Systems

D. Sh. Suleymanov, R. A. Gilmullin, N. A. Prokopyev, R. M. Gilmullin

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Applied Semiotics, Kazan, Russia

E-mail: dvdt.slt@gmail.com

E-mail: rinatgilullin@gmail.com

E-mail: nikolai.prokopyev@gmail.com

E-mail: magl.galimov@gmail.com

Abstract. In this article researches the cognitive properties of lexico-grammatical structures that corresponding the technological indicators of the Tatar language, provides a classification of lexico-grammatical structures in accordance with the cognitive mechanisms of knowledge representation and processing. Such studies are especially relevant in the space of agglutinative languages, which include the Tatar language, which are characterized by a fairly complex and, at the same time, almost regular morphology, which allows encoding in one word form almost the entire subject-predicative situation described in inflectional-analytic languages such as English, many offers. One of the main results of the research will be the implementation of tools that make it possible to describe and formalize lexical and grammatical structures based on semiotic universals. Formal models of cognitive lexico-grammatical structures of the Tatar language developed using this toolkit can serve as the basis for creating effective intelligent systems and technologies based on a fundamentally new architecture of information processing systems.

Keywords: IT, lexical and grammatical structures, Tatar language, cognitive mechanisms, morphology, recursion, knowledge activity, intelligent systems.

This study was partially funded by the Russian Foundation for Basic Research (grant no. 23-21-10083).

For citation: Suleymanov D. Sh., Gilmullin R. A., Prokopyev N. A., Gilmullin R. M. Cognitive researches of the Lexical and Grammatical potential of the Tatar language for the Development of New Intelligent Systems // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-92-100

Введение

В исследовании естественных языков (ЕЯ) можно выделить три аспекта: когнитивный, коммуникативный и технологический. Когнитивный аспект – это характеристика естественного языка с точки зрения возможностей описания модели мира, представления знаний. Коммуникативный аспект отражает потенциал естественного языка для кодирования, приема и передачи, семиотической обработки информации, организации диалога. Технологический аспект определяет формальный и концептуальный потенциал естественного языка для реализации средств эффективной обработки, адекватного описания и компактного хранения информации на данном языке, создания эргономичных технических средств, учитывающих специфику языка (например, частотность букв при разработке клавиатуры), а также для разработки интеллектуального программного инструментария, включая операционные системы. Очевидно, в основе искусственных языков и систем программирования лежат глубинные структуры, соответственно, ментальность естественного языка и, таким

образом, эти системы реализуют описательный и вычислительный потенциал соответствующего естественного языка.

Основной задачей фундаментальных исследований когнитивного потенциала татарского языка для создания интеллектуальных технологий являются разработка и использование семиотических моделей лексико-грамматических конструкций тюркских языков как формальной основы интеллектуальных технологий, а также лексического корпуса как базы данных. Среди важных признаков интеллектуальности систем принятия решений, как правило, выделяются такие свойства, как активность знаний, то есть первичность анализа данных и вторичность принятия решения на основе этого анализа; возможность оперировать нечеткой информацией, семантически управляемой контекстом, и исполнять нечеткие команды. В данной работе на конкретных примерах показывается перспектива исследования в этих целях татарского языка как языка агглютинативного типа, обладающего такими важными свойствами, как регулярность, рекурсия, активность знаний и ряд других. Работы этого направления создают перспективу построения универсального языка общения систем Искусственного Интеллекта (ИИ) между собой и с человеком, а также интеллектуальной операционной системы, как когнитивно-коммуникативной системы ИИ.

Классификация когнитивных лексико-грамматических структур, определяющих технологичность языка

Известно, что разработка моделей ЕЯ, исследование их возможностей для разработки языков искусственного интеллекта входят в число базовых проблем в области построения интеллектуальных систем. Такие задачи, как компьютерная обработка больших массивов ЕЯ-текстов, ЕЯ-диалог с системой, создание больших банков информации (бигдата) на основе ЕЯ, разработка языков-посредников в многоязычной информационной среде, базирующихся на более развитых лингвистических моделях, приобретают особую актуальность в связи с развитием глобальных компьютерных сетей и формированием больших объемов распределенных данных. В исследовании естественных языков можно выделить три аспекта: когнитивный, коммуникативный и технологический. Когнитивный аспект – это характеристика естественного языка с точки зрения возможностей описания модели мира, представления знаний. Коммуникативный аспект отражает потенциал естественного языка для кодирования, приема и передачи, семиотической обработки информации, организации диалога. Технологический аспект определяет формальный и концептуальный потенциал естественного языка для реализации средств эффективной обработки, адекватного описания и компактного хранения информации на данном языке, создания эргономичных технических средств, учитывающих специфику языка (например, частотность букв при разработке клавиатуры), а также для разработки интеллектуального программного инструментария, включая операционные системы. Очевидно, в основе искусственных языков и систем программирования лежат глубинные структуры, ментальность естественного языка и, таким образом, эти системы реализуют описательный и вычислительный потенциал соответствующего ЕЯ. На наш взгляд, современные средства накопления и обработки знаний на естественном языке малоэффективны и практически не справляются с такими задачами, как эффективный поиск и отбор информации в распределенных базах данных, извлечение знаний, семантический анализ текстовой информации. Причиной этому, прежде всего, служит то, что они изначально являются неинтеллектуальными, созданы на основе примитивных искусственных языков программирования, практически представляющих собой подмножество флективно-аналитических языков или искусственных конструкций, созданных на их основе.

В связи с этим перспективным представляется разработка нового программного инструментария по следующей технологии: 1) исследование и выявление естественных грамматических (морфологических, синтаксических, семантических) конструкций в различных языках, достаточно регулярных и обладающих естественной сложностью, в целях создания на их базе языков искусственного интеллекта нового поколения; 2) разработка языка-посредника на основе подмножеств и конструкций языков с определенными свойствами, позволяющими наиболее адекватно и сжато описывать контекст и быстро обрабатывать тексты на ЕЯ.

Как известно, для систем обработки знаний важны следующие характеристики, определяющие их эффективность и интеллектуальность: 1) время обработки; 2) объем памяти для хранения информации; 3) компактность хранения и передачи смысла; 4) возможность кодирования и обработки нечеткой информации; 5) активность знаний. Причем первые три параметра описывают эффективность, а параметры 4 и 5 – интеллектуальность систем и технологий. Как показывают исследования [2], татарский язык, являясь одним из тюркских языков, имеет богатую, сложную, но достаточно регулярную морфологию, обладает потенциалом, позволяющим эффективно кодировать и компактно хранить информацию, а также реализовывать на уровне аффиксальных морфем такие явления, как рекурсия, «нечеткость».

В объектно-предикативной модели мира именные группы, как правило, маркируют некое состояние объекта или объектов, в то время как действие, отношения между объектами и группой объектов описываются глагольной группой. Соответственно, выделяются когнитивные механизмы, реализуемые в рамках именной группы и когнитивные механизмы, реализуемые в рамках глагольной группы. Кроме того, сама структура текста, которая определяется синтаксическими закономерностями языка, служит одним из когнитивных механизмов языка, управляющих в тексте такой важной характеристикой, как активность знаний, естественным образом реализуя логическую схему: анализ-действие (известно, что активность знаний есть один из важных признаков интеллектуальной системы).

Далее проиллюстрируем на примерах соответствующие когнитивные формализмы, выделенные в татарском языке.

Регулярная и естественная сложность морфологии

Когнитивные механизмы при описании состояния объектов. Как известно, татарская морфология является регулярной, почти автоматной [2], и в то же время имеет естественную сложность, которая заключается, прежде всего, в следующем: 1) возможность присоединения определенных аффиксальных морфем, присоединяясь справа, «переключающих» слова одного типа в другой, например, превращающих именную словоформу в глагольную или в форму прилагательного, и наоборот (уй-уйла: мысль-размышляй; кара-карау-караучы: наблюдай-наблюдение-наблюдатель); 2) морфологическое (синтетическое) задание признаков модальности, настроения, эмоционально-личностного отношения к ситуации, объекту или процессу, описываемых данной словоформой (кояш-кояштай: солнце-словно солнце; алды-алдымыни: взял-неужели взял); 3) контекстное разнообразие значений аффикса. Известно, что именная группа, как правило, кодирует некую семантическую ролевую ситуацию, а глагольная группа – контекстные отношения над этими ролями. Таким образом, возможность перехода с именной формы к глагольной и, наоборот, через присоединение соответствующих аффиксов позволяет описывать одновременно в пределах одной словоформы как сложную ролевую ситуацию, так и контекстные отношения между семантическими ролями. Тем самым обеспечивается компактность описания и хранения информации. Синтетический, аффиксальный способ словоизменения обеспечивает коди-

рование в рамках одной словоформы некоторого значения, описываемого на флективно-аналитических языках (например, на английском) несколькими словосочетаниями и даже предложениями.

Вместе с тем морфология в большой степени регулярна, близка к автоматной, с небольшим количеством исключений из правил, что обеспечивает минимизацию ёмкостных и временных функций при обработке текстов на татарском языке, а также упрощает анализ структуры и значения словоформы, несмотря на естественную сложность морфологии.

Важным свойством татарской морфологии, наряду с ее регулярностью, является «жесткое», фиксированное, размещение аффиксов в последовательности аффиксальных морфем. Регулярность морфологии означает, что одна и та же схема сочетания морфем (морфотактика) присуща всем или почти всем именным и глагольным группам. Это дает возможность по одной и той же схеме, практически автоматически образовывать словоформы с одинаковыми глубинными значениями аффиксов.

Например:

1) кул, куллар, кулларым, кулларыма – ('рука, руки, мои руки, моим рукам');

2) бакча, бакчалар, бакчаларым, бакчаларыма – ('сад, сады, мои сады, моим садам').

Именные корневые морфемы кул ('рука'), бакча ('сад') имеют одни и те же последовательности аффиксальных морфем с идентичными значениями. Обобщенно приведенные парадигмы описываются следующими схемами:

Х (Имя сущ.), Х (Имя сущ.) + лар (афф. мн.), Х (Имя сущ.) + лар (афф. мн.) + ым (афф. притяж., 1 л., ед. ч.), Х (Имя сущ.) + лар (афф. мн.) + ым (афф. притяж., 1 л., ед. ч.) + а (афф. падежн., дат. падеж').

Позиции аффиксальных морфем, составляющих словоформу, неизменны относительно друг друга. Таким образом, мы определили два первых когнитивных механизма татарского языка: 1) регулярность морфотактики и 2) фиксированность позиций соответствующих типов аффиксальных морфем.

Морфологический эллипсис

Следующая возможность в татарской морфологии, которая может быть отнесена к третьему когнитивному механизму (компактность), называется морфологический эллипсис, это: возможность пропуска последовательности аффиксов при однородных именных словоформах с сохранением ее в последней словоформе.

То есть, возможность вывода любой последовательности аффиксов, общих для однородных членов, вправо, за последовательность однородных членов и присоединение их к последнему справа однородному члену.

Например:

Ишек алды тавыкларга, казларга, сарыкларга тулы = Ишек алды тавык, каз, сарыкларга тулы (Двор полон кур, гусей, овец).

Мин кырларыбызга, урманнарыбызга, елагларыбызга шатланам = мин кыр, урман, елагларыбызга шатланам (Я радуюсь нашим полям, лесам, рекам).

Морфологическая рекурсия

Одним из важных и интересных когнитивных механизмов в татарском языке является рекурсия, т.е. возможность циклического порождения нового значения путем последовательного применения одной и той же «формулы», т.е. повторного присоединения одного и того же аффикса.

Таковыми свойствами обладают аффиксальные морфемы –ДАГЫ (локатив2) и –НЫКЫ (притяжат.), которые можно назвать также аффиксами неопределенности, т.е. аффиксами, придающими неопределенность к присоединенным лексемам (здесь и далее заглавные

буквы в аффиксальных морфемах обозначают вариативность символов в соответствующих позициях согласно закону сингармонизма). Например, пусть задана лексема ком ('песок'). Присоединение аффикса –дагы порождает новые объекты или свойства, являющиеся неопределенными: комдагы – 'нечто на песке'; комдагыдагы – 'нечто в нечто на песке'; комныкы – 'то, что принадлежит/присуще песку'; комныкыныкы – 'то, что принадлежит тому, что принадлежит/присуще песку'.

По такой формуле возможно образование словоформы практически неограниченной длины. Естественно, такие длинные последовательности морфем в нормальной речи почти не используются. Это прежде всего связано с проблемами глубины памяти человека, удобства общения между людьми. Тем не менее подобное словоизменение является совершенно корректным с точки зрения грамматики татарского языка, и словоформа, образованная присоединением любой последовательности, гипотетически всегда имеет смысл, конкретное значение приобретает при «погружении» словоформы в определенный контекст. Приведем пример со следующей словоформой: бакчаныкындагыныкыныкындагы, которая однозначно раскладывается на составляющие: бакча+ныкы+ндагы+ныкы+ныкы+ндагы 'сад' (имя сущ., притяж.+ локатив2+притяж.+притяж.+локатив2). Значение данной словоформы таково: 'нечто, которое находится на/в нечто, которое само принадлежит нечему, которое само принадлежит нечему, которое само находится на/в нечто, которое принадлежит сад'.

Нетрудно заметить, что, эксплицитно задавая параметры после каждой морфемы, можно получить контекстную определенность словоформы. В реальных случаях такие параметры задаются имплицитно (т. е. неявно), наполняясь конкретным значением в зависимости от контекста речи. Рассмотрим следующий пример для иллюстрации изложенного утверждения. Пусть после каждого аффикса неопределенности стоят параметры: бакча + ныкы(x_0) + ндагы(x_1) + ныкы(x_2) + ныкы(x_3) + ндагы(x_4) + ныкы(x_5), где x_i – контекстные объекты, т. е. объекты, которые либо приобретают конкретное значение из контекста, либо их задает пользователь ($i = 1, \dots, 4$). Тогда, придавая значения параметрам: x_0 = «вишня», x_1 = «ветка», x_2 = «птичка», x_3 = «крыло», x_4 = «перо», мы получаем следующее контекстное значение: «нечто (значение x_5 , придаваемое параметру последним аффиксом, осталось неопределенным) на пере, что принадлежит крылу, что принадлежит птичке, что на ветке, что принадлежит вишне».

Даже на этом коротком примере элементарный расчет показывает, что применение рекурсивных аффиксов приводит к сжатию информации и существенной экономии памяти.

Когнитивные механизмы при описании действий

Известно, что поверхностное, лексическое описание предикатов (действий, отношений), как правило, осуществляется глагольными группами. Свойства *регулярности морфотактики и фиксированности позиций соответствующих типов аффиксальных морфем* в татарском языке присущи также и глагольным группам.

В дополнение к когнитивным механизмам, выделенным на основе именных словоформ, рассмотрим следующие естественные когнитивные механизмы, проявляющиеся в глагольных словоформах.

Возможность рекурсивно задавать нечеткие команды и описывать нечеткие действия

Данное свойство кодируется глагольными аффиксами, занимающими позицию залога, т. е. сразу же после глагольной основы – ГАлА, – штЫр.

Например:

кара ('смотри') – 'смотри' (3 лицо, ед.ч., повел. накл.);

караштыр ('смотри/поглядывай время от времени');
 кара ('смотри') + итыр ('время от времени');
 караштыргала ('смотри время от времени, время от времени – реже');
 кара ('смотримой') + итыр ('время от времени') + гала ('время от времени');
 караштыргалаитыргалаитыр... ('смотри время от времени, время от времени, время от времени – и еще реже...');
 кара (смотри, корень, 3 лицо, ед.ч., повел.накл.) + итыр ('время от времени-изредка') + гала ('время от времени-еще реже') + итыр (еще реже) + гала (еще реже) + итыр (еще реже)...

Сам факт, насколько редко требуется мыть – определяется, исходя из контекстной информации (уход за ребенком – это один контекст, а за котом – другой).

Возможность рекурсивно описывать в рамках одной словоформы действия, относящиеся к целой ролевой ситуации

Реализация данного свойства обеспечивается рядом специальных глагольных аффиксов, занимающих также залоговую позицию: -н, -Ыш, -т, -ДЫр.

Рассмотрим изменения ролевой ситуации при присоединении соответствующих аффиксов на примере с глагольной словоформой кара ('смотри').

Участники действия: субъект S , объект-предмет O_k , где $k \geq 1$.

Для словоформы сора ('спроси') ролевая ситуация следующая:

S воздействие на O_k

Присоединение аффиксов -н, -Ыш, -т, -ДЫр приводит к изменениям, описанным ниже.

1) **-н:** каран – кара + н ('оглядывайся').

Ролевая ситуация: S воздействие S

2) **-Ыш:** караш – кара + иш ('помогай смотреть-ухаживать/смотри-ухаживай вместе вместе').

Участники действия: субъект S , объект-актор $A_{i,j}$, объект-предмет O_k , где i – номер группы объекта-актора, $i \geq 1$; j – число участников в группе i , $j \geq 1$.

Ролевая ситуация: S воздействие (помощь) $A_{i,j}$ и (S & $A_{i,j}$) воздействие (бросить) O_k .

3) **-т, -ДЫр:** карат – кара + т ('сделай так, чтобы смотрел/смотрели-ухаживал/ухаживали').

Ролевая ситуация: S воздействие $A_{i,j}$ -> $A_{i,j}$ воздействие (смотреть) O_k . Здесь стрелка -> означает импликацию.

караттыр – кара + т + тыр ('сделай так, чтобы сделали так, чтобы смотрели').

Ролевая ситуация: S воздействие $A_{i,j}$ -> $A_{i,j}$ воздействие $A_{l,m}$ -> $A_{l,m}$ воздействие (смотреть) O_k .

караттырт – кара + т + тыр + т ('сделай так, чтобы сделали так, чтобы сделали так, чтобы смотрели').

Ролевая ситуация: S воздействие $A_{i,j}$ -> $A_{i,j}$ воздействие $A_{l,m}$ -> $A_{l,m}$ воздействие $A_{s,t}$ -> $A_{s,t}$ воздействие (смотреть) O_k .

По такой формуле, подставляя новые определенные аффиксы, можно создавать все новые и новые ролевые ситуации и описывать процессы на лексическом уровне. Например, добавление аффикса **-Ыл** к последней полученной словоформе: караттыртыл превращает сам субъект в объект-предмет, объект воздействия, т.е. $S = O_k$.

Получается следующая ролевая ситуация: S воздействие $A_{i,j}$ -> $A_{i,j}$ воздействие $A_{l,m}$ -> $A_{l,m}$ воздействие $A_{s,t}$ -> $A_{s,t}$ воздействие (бросить) S .

Активность знаний

Известно, что английские предложения строятся по схеме S-V-O (subject-verb-object: субъект-глагол-объект), а татарские – по схеме: S-O-V. То есть, англичанин, если говорит,

например, о намерении сходить в кино, сначала скажет, пойдет или не пойдет, и только после этого выдаст информацию – куда, какое, зачем, с кем, когда и т. д. («We'll go to the cinema «Attila» with my friends tomorrow»). Очевидно, здесь действие управляет ситуацией. После того, как высказано однозначно намерение субъекта We'll go – мы пойдем, дальнейшая информация становится пассивной, практически не влияет на выбор способа действия или усложняет его. А в тексте на татарском языке сначала дается информация и ее анализ, и только после этого определяется – положительное или отрицательное, само действие. («Без дуслар белән иртәгә буласы «Аттила» киносына барабыз/бармыйбыз» – буквально: 'Мы с друзьями на завтрашний фильм «Аттила» пойду/не пойду').

В системах искусственного интеллекта это называется активностью знаний, что служит одним из важных признаков интеллектуальности системы. Для подобных систем естественным и основополагающим является стиль мышления: анализ-действие, мышление-цели-алгоритмы, а не командный стиль: действие-анализ, алгоритм-цель, как это реализовано в современных технологиях, основанных на менталитете английского языка. То есть в тюркских языках сначала анализируется, обрабатывается информация, а затем осуществляется некое действие: подбирается соответствующая адекватная модель представления знаний или выбираются соответствующие алгоритмы и схемы реализации, оптимальность и эффективность которых во многом определяется корректностью и полнотой анализа информации. Это можно назвать событийным программированием.

Такие возможности, естественные для татарского языка и закрепленные в его грамматике, позволяют ставить задачу о разработке интеллектуальных программ накопления и извлечения знаний в глобальных компьютерных сетях и даже интеллектуальной операционной системы что, как известно, становится сверхактуальной задачей в современном информационном мире.

Заключение

Когнитивные лексико-грамматические структуры описания, запоминания, хранения, обработки и передачи информации на естественном языке являются теми технологическими признаками, которые позволяют на поверхностном уровне вербализовать, фиксировать и отображать эксплицитно глубинные стереотипы, когнитивные модели и механизмы, описывающие ситуации и процессы в модели мира.

В данной работе на примере татарского языка исследованы лексико-грамматических структуры, определяющие технологичность языка, представляющих определенный методологический и практический интерес для создания программных средств эффективной обработки естественно-языковой информации.

Как показывают исследования [2–4], татарский язык, как агглютинативный язык, обладающий регулярной морфологией и вместе с тем естественной сложностью, разрешаемой контекстно, является эффективным инструментом для создания интеллектуальных систем обработки информации. В силу минимальных показателей временных и емкостных оценочных функций для генерации и анализа цепочек татарских словоформ (за счет регулярности) достигается эффективность при накоплении и обработке информации на татарском языке. Компактность передачи смысла текста на поверхностном, лексическом, уровне объясняется также возможностями языка синтетически, т. е. словоформой, кодировать смысл которой для других языков (английский, русский) формируется аналитически, чаще всего несколькими предложениями. Агглютинативность языка, алгоритмические закономерности, минимальность исключений, наличие мощного мета-аппарата, достаточная жесткость синтаксиса позволяют ставить задачу о построении языка промежуточной трансляции, т. е. языка-посредника на базе татарского языка, и даже разработки новых операционных систем на основе новой идеологии.

Литература

1. Пospelов, Д. Прикладная семиотика / Д. Пospelов, Г. Осипов. 1999. Доступно: <http://raii.org/library/ainews/1999/1/OSPOS.ZIP>.
2. Suleymanov D.Sh. (2010). Natural Cognitive Mechanisms in the Tatar language [Text]. In the Collection of the Vienna Proceedings of the Twentieth European Meeting in Cybernetics and Systems Research. Ed. by Robert Trappel. Vienna, Austria, 6-9 April 2010. P. 210-213.
3. Gatiatullin Ayrat, Suleymanov Dzhavdet, Prokopyev Nikolai, Khakimov Bulat (2020). About Turkic Morpheme Portal. In Proceedings of the Computational Models in Language and Speech Workshop. Kazan, Russian, November 12-13, 2020. Pp. 226-243 (<http://ceur-ws.org/Vol-2780/>).
4. Формальные модели и программные инструменты компьютерной обработки татарского языка / Р. Р. Гатауллин, А. Р. Гатиатуллин, Р. А. Гильмуллин [и др.]. Научное издание / Под редакцией Д. Ш. Сулейманова, А. Ф. Хусаинова ; Академия наук РТ, Институт прикладной семиотики АН РТ. – Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2019. – 260 с.
5. Heintz J. and Schonig C. (1989). Turcic Morphology as Regular Language. *Central Asianic Journal (CFJ)*, P. 1-24.

References

1. Pospelov, D. Prikladnaja semiotika / D. Pospelov, G. Osipov. 1999. Dostupno: <http://raii.org/library/ainews/1999/1/OSPOS.ZIP>.
2. Suleymanov D.Sh. (2010). Natural Cognitive Mechanisms in the Tatar language [Text]. In the Collection of the Vienna Proceedings of the Twentieth European Meeting in Cybernetics and Systems Research. Ed. by Robert Trappel. Vienna, Austria, 6-9 April 2010. P. 210-213.
3. Gatiatullin Ayrat, Suleymanov Dzhavdet, Prokopyev Nikolai, Khakimov Bulat (2020). About Turkic Morpheme Portal. In Proceedings of the Computational Models in Language and Speech Workshop. Kazan, Russian, November 12-13, 2020. Pp. 226-243 (<http://ceur-ws.org/Vol-2780/>).
4. Formal'nye modeli i programmnye instrumenty komp'yuternoj obrabotki tatarskogo jazyka / R. R. Gataullin, A. R. Gatiatullin, R. A. Gil'mullin [i dr.]. Nauchnoe izdanie / Pod redakciej D. Sh. Sulejmanova, A. F. Husainova ; Akademija nauk RT, Institut prikladnoj semiotiki AN RT. – Kazan' : Izd-vo Akademii nauk RT, 2019. – 260 s.
5. Heintz J. and Schonig C. (1989). Turcic Morphology as Regular Language. *Central Asianic Journal (CFJ)*, P. 1-24.

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 4 (11) 2023

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.12.2023. Формат 70x108/16.

Дата выхода в свет 30.12.2023.